

М.В. Ослон¹

История слова *гвоздика*

В общих чертах историю русского слова *гвоздика* представляют себе следующим образом. Значение ‘пряность’ первично, а само слово — заимствование из польского *gwoździk*, куда оно калькировано из немецкого *Nelke*. В немецком это калька с какого-то романского языка, где название пряности мотивировано сходством сушёных бутонов гвоздики с маленькими гвоздями (кат. *cravell*). Второе значение, ‘растение гвоздика садовая’, перенесено (не только в русском) с пряности на цветок благодаря его аромату, напоминающему запах этой пряности. Другое, более древнее, название пряности, распространённое в ряде европейских языков, ср. фр. *girofle* (а также косвенно отразившееся в названиях разных растений, ср. рус. *гравилát*), восходит к др.-гр. *καρυόφυλλον*. На греческой почве оно выглядит как мотивированное (*‘орехолист’), однако ввиду явных семантических нестыковок толкуется как народноэтимологическое искажение древнего заимствования из какого-то восточного языка. В качестве этого восточного источника предлагались воображаемые сложения типа др.-инд. *kaṭuka-phala- букв. ‘горькоплод’. Кроме того, источник порой видят в тамильском *கிராம்பு* *kirāmpu* ‘гвоздика (пряность)’, однако это дравидийское слово остаётся без внутренней этимологии.

Наиболее подробно ближайшая этимология русского слова *гвоздика* в обоих значениях освещена в словаре А.Е. Аникина [Аникин 11: 350]. В целом, его происхождение считается ясным и не вызывает споров². При этом, однако, остаётся много непрояснённых моментов. Так, мы нигде не нашли убедительного объяснения самой формы *гвоздика* ж. р., а также подробной истории и хронологии распространения этого слова (на самом деле — двух слов) через языки-посредники³.

1. Обзор

Ниже мы попытаемся проследить историю не только самой формы обсуждаемого слова, но и его распространения в разных формах из языка в язык в виде заимствований и калек. Обзор разобьём на разделы по языкам, явившимся как бы остановками на пути движения из древнего источника (источников) к русскому, и будем идти от русского вглубь истории. Побочные ответвления (заимствования и кальки из этих промежуточных языков) будем давать в их же разделах, сохраняя общий (обратный) вектор движения.

¹ Статья написана по просьбе В.С. Полиловой как приложение к её работе [...]. Благодарю М. Видриса, М.М. Колодяжного, Л.И. Куликова, Р. Лаффитта, С.А. Лашина, О. Лигорио, В.А. Панова, Д.С. Пономаренко, Н.И. Серикова, Г.С. Старостина, М. Ухлика, Т. Хоогерворста, М.О. Шведову, Р. Шептыньского, П. Янчулевича.

² Отклоняется, кажется, только убеждение Н.М. Шанского в собственно русском происхождении слова *гвоздика*, которое он считает производным с помощью суффикса *-ик(а)* от прилагательного др.-рус. *гвоздныи* (видимо, в первую очередь имея в виду варианты др.-рус. *гвозника*, *гвоздьника*, о которых см. ниже). Шанский решительно отвергает существующую этимологию, согласно которой название пряности — полонизм, обосновывая произведение на русской почве тем, что «гвоздика получила свое название по сходству семян цветка с маленькими гвоздями» [Шанский 4: 41–42]. Заметим, что из привлечения к этимологии семян цветка, возможно, следует, что автор не разделяет пряность и цветок *Dianthus*, биологически никакого отношения к пряности не имеющий (или же семена смешаны с бутонами?). Возражения этой русоцентричной этимологии Шанского — во многих более поздних работах, напр. [ЕСУМ I: 486; Аникин: 10: 157]; осторожная нейтральная оценка: [Thomas 1978: 91–92].

³ Кроме того, кажется, в этимологиях всё-таки присутствует некоторая путаница между формой бутонов гвоздичного дерева и цветка гвоздики. «Впрочем, и форма цветка схожа с формой гвѳздика» [Цыганенко: 78].

1.1. Современный русский литературный

В современном русском литературном языке слово *гвоздика* имеет два значения:

- (1) обычно ед. ч., собирательно: 'пряность, представляющая собой высушенные нераскрывшиеся бутоны (цветочные почки) гвоздичного дерева, растущего в юго-восточной Азии (*Syzygium aromaticum*, синонимы: *Caryophyllum aromaticum*, *Eugenia aromatica*, *Eugenia caryophyllus*)⁴'; иногда 'один такой сушёный бутон' (например, в рецептах: *добавить 5 гвоздик*);
- (2) ед. ч. (в т. ч. собирательно), лат. *Dianthus* — 'род многолетних растений семейства гвоздичные (*Caryophyllaceae*)'; имеет и мн. ч. *гвоздики* — обычно о цветках этого растения.

Эти два значения синхронно не взаимосвязаны, так что слово рус. *гвоздика* можно считать парой омонимов. По общепринятому мнению название пряности обязано внешнему сходству сушёных бутонов гвоздичного дерева с коваными гвоздями; позже название пряности перенесено на цветок по сходству аромата [Фасмер I: 399; Аникин 10: 156–157; Цыганенко: 78]⁵.

Название пряности фиксируется с раннестарорусских времён (см. ниже), название же цветущего растения сравнительно позднее. Здесь приведём свидетельства раннего современного русского языка (за начало этого периода условно принимаем 1700 г.), где наши слова предстают в основном в современной форме⁶:

(1) 'пряность'

гвоздика собир. 'высушенные цветочные почки гвоздичного дерева, употребляемые как пряность': *И все кушанье варивали с солью, только без уксусу и без перцу ... с корицею, также с гвоздиккою* (до 1727) [СлРЯ XVIII 5: 95]; *А главные товары с Американских островов приходят: ... инбирь, корица, индиго, гвоздика* (1743–44) [СлРЯ XVIII 5: 95];

гвоздикъ (ударение?): *Подбавь ... два гвоздика⁷ Гвоздишных, палочку Корицы* (1788) [СлРЯ XI–XVII IV: 14];

(2) 'растение'

гвоздика: 'растение с цветами разнообразной окраски', в т. ч. мн. ч.⁸; *Гвоздики растут*

⁴ Полная номенклатурная запись: *Caryophyllaceae* A.L. de Jussieu, *Gen. Plant.*: 299 (1789), *nomen conservandum* *Caryophyllus* Mill. (1754) *nom. illeg. non Caryophyllus* L. (1753) *nom. rej.* *Syzygium* Gaertn. 1788 *nom. cons.* *Murtaceae* Juss. (1789). [тут вроде не все]

⁵ Этот взгляд давно принят и в «донаучной» этимологии, ср. определения из «Словаря Академии Российской» 1806 г.: «ГВОЗДИКА, ки, и ум. Гвоздичка, чки, с. ж. I скл. *Caryophyllus aromaticus*. Дерево, которое собственно на Молукскихъ островахъ прежде произрастало; но въ 1652 году на оныхъ вовся Голландцами истреблено и разведено токмо въ Амбоинѣ: видомъ походить оно на лавровое; имѣеть голубые цвѣтки, коихъ зародыши прежде, нежели опадаютъ цвѣтки, собирають въ Октябрѣ и Ноябрьѣ мѣсяцахъ, и держать въ дыму чрезъ нѣсколько дней, отъ чего они становятся бурыми, а потомъ сушатъ ихъ на солнцѣ и въ Европу вывозятъ. Для обильнаго, пахучаго и прянаго въ нихъ масла употребляется какъ приправа въ яствы и въ лѣкарства. Названіе дано по сходству сихъ зародышей съ гвоздями. 2) *Dianthus Caryophyllus* [так!]. Цвѣтки принадлежащіе къ статьѣ произрастеній имѣющихъ по десяти тычинокъ и по два пестика; отличающіеся отъ сродныхъ пятью цвѣточными лепестками, и на пять частей раздѣленною чашечкою, съ присоединяющимися къ ней съ низу чешуйками. Ростеть въ полуденной Европѣ. Любители цвѣтковь безконечное множество произвели отмѣнь моховыхъ какъ въ разсужденіи пестроты цвѣтовъ, такъ и въ разсужденіи величины ихъ. Названіе дано по пріятному запаху сходному съ гвоздиккою подъ числомъ первымъ описанною» [САР IV: 1087].

⁶ В большинстве случаев мы ссылаемся только на словари, даём время фиксации, но за указаниями на источники отсылаем к этим словарям.

⁷ Здесь, конечно, вполне может быть *гвѣздик.

⁸ Неясно, какого рода: *На что гвоздики ей, нарцисс, левкой, фиоля?* (Сумароков, Притчи, 1762), но ясно, что

вершков до девяти в вышину; цветы оных бывают благовонны, а дикия почти не имгють запаху (1788) [СлРЯ XVIII 5: 95];

гвоздичка: ‘маленькие, аленькие полевые гвоздички’ (1779) [СлРЯ XVIII 5: 95].

В русском имеется ещё одно название растения с прилагательным, образованным от *гвоздика*: *гвоздичный корень* ‘Geum urbanum = гравилат городской, сем. розовые’; собственно *корень* относится к корневищу этого растения (но так называют и всё растение), которое сушат и измельчают, добавляя в пищу в качестве заменителя гвоздики. Это название, таким образом, выглядит как синхронно мотивированное (см. ниже о нём в других языках). Само слово *гравилат* (1771–1805) связано с латинским названием этого растения; оно называется также *гвоздичник* [Даль: s.v. *гвоздика*], а раньше — *гребник* (1788) [СлРЯ XVIII 5: 227].

1.2. Восточнославянские языки

Памятники. Первое свидетельство — в «Хождении Афанасия Никитина» (ок. 1472, Тверь), где он дважды перечисляет пряности, продаваемые в Малабаре (г. Каликут):

самый ранний список конца XV в. — начала XVI в.: *А Келекотъ же есть пристанище Индйскаго моря всего [...]. А родится в немъ перецъ, да зеньзебиль, да цвѣтъ, да мошкатъ, да калафуръ, да корица, да гвозники, да пряное коренье, да адрякъ, да всякого коренья родится в нем много* [ХАН: 21]; *В Лекоте же родится перец, да мошкат, да гвозники, да фуфаль, да цвѣтъ* [ХАН: 22];

список XVI в.: *А Келекотъ же есть пристанище Индйскаго моря всего [...]. А родится в немъ перецъ, да зеньзебил, да цвѣтъ, да мошкат, да каланфуръ, да корица, да гвозники, да пряное коренье в нем родится много* [ХАН: 42]; *В Лекоте же родится перецъ, да мошкат, да гвозники, да фуфал, да цвѣтъ* [ХАН: 43];

список XVII в.: *Въ Лекотъ же родится перец, да мошкатъ, да гвоздика, да фуфал, да цвѣтъ* [ХАН: 61] (в первом пассаже перечисление опущено).

Как отмечает А.Г. Бобров, этот перечень Аф. Никитина явственно перекликается с Чином мироварения того же времени⁹, где те же индийские пряности (в числе прочих) перечисляются по-гречески с русским переводом, в т.ч.: *каріофалонъ, а роусскы гвоздики; кинамомонъ, а роусскы корица, зинзиверъ, а роусскы непряное кореніе; ипери¹⁰, а роусскы перецъ* [Бобров 2017: 129–130]. У Аф. Никитина этот перечень преобразован, на месте части греческих слов в них стоят арабо-персидские, части из них нет, а глоссы, вероятно, стоят при непонятных словах (они внесены в перечисление как однородные члены — по вине переписчика?). Если это верно, то список пряностей в «Хождении» можно гипотетически восстановить так:

*А родится в немъ перецъ, да зеньзебиль, да цвѣтъ мошкат[ный]¹¹, да калафуръ [т.е.] корица [...?] да гвозники, да адрякъ [т.е.] пряное коренье, да всякого [прочего] коренья родится в нем много.

это, скорее всего, гвоздика садовая.

⁹ Откуда вывод А.Г. Боброва, что Аф. Никитин своё путешествие предпринял с целью поиска ингредиентов для мироварения (поэтому его интерес к пряностям неслучаен).

¹⁰ Очевидно, вместо *ипери* (новогр. *пипѣри*).

¹¹ Слово *цвѣтъ* вряд ли может быть глоссой к *мошкатъ*, ср. в Чине мироварения: *Маскокардонъ, а роусскы оръшки мошкатны; маскоридію анфось, а роусскы мошкатного оръшка цвѣтъ* [Бобров 2017: 130]. Поэтому тут в «Хождении» явно что-то пропущено (ошибочно принято переписчиком за повтор), как и во втором пассаже, где *мошкат* и *цвѣтъ* разделены другими словами (в т.ч. *фуфаль* ‘плод арековой пальмы в качестве ингредиента бетельной жвачки’ ← ар. *фѹфал* [Янковская 2015: 15]; рискнём предположить, что глоссой к нему может быть *перецъ*, если имеется в виду сам бетель).

Оставшийся без глоссы *зеньзебиль* (← фарси زنجبیل, тадж. *занҷабил* ← ар. زنجبیل *zanjabīl*) — это ‘имбирь’, он же *адрякъ* (фарси ادراك *adrak* ‘свежий имбирь’ [Steingass 1982: 28] ← др.-инд. आर्द्रक *ārdraka* ‘тж.’); возможно, к одному (или к обоим) относится глосса ‘пряное корне-нье’.¹² Тогда глосса к *кала(н)фурь* — *корица* или *гвозники*; какая именно, из внутренней реконструкции этого текста понять нельзя¹³, но ср. тождественное тадж. *қаланфур* (наряду с *қаранфул*) ‘гвоздика (пряность)’ (см. 1.14).

Следующее свидетельство — в «Посольстве от великого князя Ивана [...] к королю Казимиру» (1489) с жалобой на ограбление купцов:

Великого жь князя человекъ Игнатъ Верблюдь, гьхаль отъ Киева къ Смоленску, да ночеваль подо Мстиславлемъ, и туто его розбили на ночлгзъ, взяли у него полтретья камни гвоздики, полтора ста гривенокъ да третцать гривенокъ кицилибуги, да полтретьятцать гривенокъ миндалныхъ ядеръ, да кушакъ турецкой, да фату турецкую, да двъ япанчи бурьские, да гуню волошьскую бѣлу; а всего грабежу взяли у него на полчетвертатцать рублевъ. [СИРИО 35: 24]

Возвращаясь к форме слова, мы видим, что *гвоз(д)ники* (мн.) фиксируется как будто уверенно в ранних списках «Хожения», а современная *гвоздика* (ед.) появляется в его позднем списке, а также в другом документе того времени. Те же и близкие формы встречаем и в других старовеликорусских, старобелорусских и староукраинских памятниках:

(1) ‘пряность’

гвоз(д)ника: ст.-рус. *gvoessenicqua* (т.е., видимо, *гвозника*) ‘clou de girofle’ (1586);

гвоздикъ: ст.-рус. *gβosedic* ‘cloves’ (1618–19, Джемс);

ст.-блр. *гвоздикъ* [ЭТБМ III: 74], ...*коренье перьцу, шафрану, гвоздиковъ и имберу* (1582) [ГСБМ 15: 355]¹⁴;

ст.-укр.: *от фунта гвоздиковъ грошь один* (1563) [СУМ XVI–XVII 6: 196];

*гоздикъ*¹⁵: ст.-блр.: *Купили у дорогу кореня... два лоты гоздиковъ* (1691) [ГСБМ 7: 29];

гоздзчикъ (?): ст.-блр.: ... *купили ... Инберу фунтъ ... Кгоздзчиковъ лоть...* (1682) [ГСБМ 7: 56];

гоздика: ст.-блр.: ... *до него съ подаркомъ зъ речами коренными ... гоздикъ лот. гї...* (1690) [ГСБМ 7: 29];

гвоздика: ст.-рус.: *шесть гривенокъ перцу да шесть гривенокъ гвоздики* (1509) [Thomas 1978: 92]; *10 золотниковъ гвоздики* (1570) [СОРЯМР XVI–XVII 4: 67]; ...*с корицею, также с гвоздикою* [СлРЯ XVIII 5: 95];

ст.-блр. ...*однесли кгвоздик*¹⁶ *чвертка, золот. ѿ* (1679) [ГСБМ 15: 44], не до конца ясно, какой падеж; *гвоздика, шапъранъ, асм. ѿ...* (1699) [ГСБМ 15: 355];

ст.-укр. *гаріовилу(с) по ла(т)...* *по ру(с)ки же гво(з)діка...* *гвоздика пло(д) ест дрєвано(и)...* *гвоздику привоза(т) изъ индгійски(х) стран* (XVI в.) [СУМ XVI–XVII 6: 196];

¹² Предположение А.Г. Боброва о том, что *кала(н)фурь* представляет собой искажённое Аф. Никитиным греческое *каріофалонъ* некоего протографа, явно ошибочно.

¹³ Но это явно не ‘камфора’, как часто безосновательно считается, ср. [СлРЯ XI–XVII VII: 33]. Забегая вперёд, отметим, что в дравидийских языках ‘гвоздика’ и ‘корица’ могут называться одним словом (правда, не этим, см. 1.12).

¹⁴ В [ГСБМ 15: 355] в статье «кгвоздика, гваздика, гвоздика, гвоздыка» даётся несколько цитат, но не все из них показательны (в части — только мн. *гвоздики* и под.).

¹⁵ Формы на *го-* отражают польский вариант (см. ниже); в современных восточнославянских языках, насколько мы можем судить, они не встречаются.

¹⁶ Со взрывным, польским [г]. Однако это непоказательно ввиду множества написаний исконных слов типа «кгора» [ГСБМ 7: 57].

гвоздига ст.-рус.: *Явилъ борисогъбецъ Максим... ѣ фунтовъ гвоздиги ѿ пуда ладону* (1657) [СлРЯ XI–XVII IV: 14];

гвоздица ст.-рус. [СлРЯ XVIII 5: 95], с пометой «редко» (без примеров);

*гвоздець ст.-рус.: *ковшь меду съ гвозцы, ковшъ меду бѣлого паточного* (1597) [СлРЯ XI–XVII 3: 15]; *gvostzi = negelken* (1607, Фенне) [СОЛЯМР XVI–XVII 4: 67];

(2) ‘растение’

гвоздикъ ст.-рус. ‘травянистое растение’: *двѣ дюжины гвоздиков, двѣ дюжины нарцисов* (1679) [СлРЯ XI–XVII 3: 14] (т.е. это, очевидно, садовый цветок).

Итак, в ранних памятниках отмечается только значение ‘пряность’ (в разных формах, из которых раньше всех засвидетельствована *гвоз(д)ника* (1470-е гг.), а ‘растение’ (в форме м. р. *гвоздикъ*) появляется позже (а ещё позже *гвоздика*).

Теперь обратимся к современным литературным восточнославянским языкам. Для РЛЯ определения обоих значений мы дали в самом начале. В современной русской литературной речи нет никаких следов форм, отличных от *гвоздика* (о диалектах см. ниже). Рассмотрим остальные два восточнославянских языка.

Украинский. В современном литературном украинском в обоих значениях употребляется *гвоздика*, точно соответствующее русскому. Довоенные же словари дают почти исключительно *гвоздик* (мн. -и), кроме [Ніковський] (где значение не уточнено). В [СУМ] в этих значениях — только *гвоздика* (‘пряность’ и ‘цветок *Dianthus*’¹⁷), а *гвоздик* значит только ‘*Tagetes erecta*) = бархатец, из семейства астровых’. Итак:

(1) ‘пряность’

гвоздик (мн. *гвоздики*, ум. *гвоздичок*): [Гринченко и др. довоенные словари]

гвоздика: [СУМ II: 44] (только так); нынешний городской узус (только так)

(2) ‘растение’

гвоздик (мн. *гвоздики*)¹⁸: ‘*Dianthus*’, (*вінки*) з *гвоздиків та чорнобривців*¹⁹; мн. ‘*Tagetes erecta* L. = бархатцы прямостоячие/африканские’, ‘*Tagetes patula* L. = бархатцы мелкоцветные’ [Гринченко]; ‘*Dianthus*’ [Уманець, Спілка]; только ‘*Tagetes erecta* L.’ [СУМ II: 44];

гвоздика: из довоенных словарей — только [Ніковський] (значение неясно), на него же ссылается [Гринченко-3]; только ‘*Dianthus* L.’ [СУМ II: 44]; уменьш. *гвоздичка* [Крымский, Ефремов; СУМ]

Судя по всему, вариант м. р. *гвоздик* в обоих значениях раньше был главным²⁰, а в послевоенные годы в городском языке укоренился вариант ж. р. *гвоздика*, чьё нынешнее безраз-

¹⁷ Единственный пример в [СУМ] на *гвоздика* ‘*Dianthus*’ из старых текстов — из Коцюбинского: *гвоздиками*, что, естественно, непоказательно.

¹⁸ Неясны показания словаря начала XIX в. авторства украинца Н.М. Амбодика-Максимовича: *гвоздика* ‘*Dianthus, caryophyllus, tunica*’: *гвоздики, з[ри] шапки, шапки* ‘*Tagetes*’ [Амбодик 1808: 19, 113]: во втором случае род как будто намеренно скрыт. В этот словарь включены — как «российские» — и русские, и украинские названия, в т.ч. без полного фонетического пересчёта, ср. «недопересчитанные» *чорнобривка, чорнобривцы* ‘*Tagetes patula*’ (укр. *чорнобрівці*) при рус. *чорнобрівка* [Даль: s.v. *черный*].

¹⁹ Из этого примера (‘венки из гвоздик и бархатцев’, из И. Левицкого, 1872), где *гвоздик* явно означает ‘гвоздика’, ибо тут же рядом стоит *чорнобривець* ‘бархатец’, явствует, что [СУМ] (согласно которому *гвоздик* — только ‘бархатец’) не отражает реальной ситуации в дореволюционном (если не довоенном) украинском (хотя претендует на историческую глубину, судя по цитатам XIX в.).

²⁰ А форма ж. р., вероятно, тоже бытовала (судя по *гвоздичка*), но старые словари её отметали по принципу отталкивания, считая русизмом. Ровно противоположная ситуация в [СУМ], очевидно, в рамках советской практики языкового сближения с русским.

дельное господство²¹, скорее всего, следует относить к распространению суржика (как в просторечии, так и в прескриптивной лексикографии). Вариант *гвоздік*, судя по всему, по-прежнему жив (см. ниже о диалектах), а *гвоздика* встречается и в литературе XIX в.²²

Белорусский. В современном литературном белорусском находим иную ситуацию: 'пряность' называется формой ж. р., а 'Dianthus' — формой м. р. (с акцентными вариантами, один из которых маргинален):

(1) 'пряность'

гваздзіка: в т.ч. [РБС 1: 299; ТСБЛМ: 147];

(2) 'растение'

гваздзік (мн. -і), в т.ч. [Носовичъ: 111; РБС 1: 299; ТСБЛМ: 147; Астрэйка 2001: 240]; *гвóздзік*: мн. *гвóзьдзікі* 'гвоздика (цветы)' [Байкоў, Некрашэвіч: 80]; *гвозьдзік* [Гарэцкі, Гарэцкі: 255] (значение не указано); сейчас нелитературно.

Можно предположить, что белорусская ситуация в своё время была схожа с украинской: м. р. был главным в обоих значениях (при относительной распространённости ж. р. в значении 'пряность'), затем в советское время в украинском в обоих значениях начался дрейф к ж. р. (теперь только так), а в белорусском рано победил ж. р. только в значении 'пряность', после чего «естественная» эволюция языка замерла²³.

Диалекты. Приведём доступные нам диалектные формы из всех трёх языков. Диалектные словари дают по большей части формы и значения, отклоняющиеся от литературных (и это при размытости нормы в случае украинского и белорусского). Без ссылок даём русский материал по [СРНГ 6: 159–163], украинский по [СУНННСР]²⁴:

(1) 'пряность'

гвоздика: [диалектных данных нет]

(2) 'растение'

гвоздіка: рус. диал. 'Platanthera bifolia Kich. = любка двулистная, сем. орхидных' твер.; 'желтая бархотка' (т.е. бархатец) (дон.), *г. белая (красная)* 'Antennaria dioica Gaerth. = кошачья лапка двудомная, сем. сложноцветных' (Вят.); *г. лесная (сенокосная)*. 'Lychnis flos-cuculi L. = горицвет, кукушкин цвет, сем. гвоздичных' (калуж), *г. полевая* 'Lychnis githago'²⁵ = лихнис, сем. гвоздичных' (вят.), 'Lychnis chalconica L. = татарское мыло, сем. гвоздичных' (Ворон.); *малороссийские гвоздіки* 'Tagetes erectus L. = бархатцы'²⁶ крупноцветковые,

²¹ Только так (*гвоздіка*) в украинской Википедии [2018].

²² «В лівім куті – велика кахляна піч, хитромудро прикрашена, а в правім — все образи київської, мистецької роботи, увішані шитими рушниками, уквітчані волошками та запашною гвоздиною» (Л. Старицька-Черняхівська, «Жива могила. Українська легенда», 1889) [НКУМ].

²³ За последние полвека-век с украинских диалектов на южнорусское просторечие массово перешли только городские жители восточной и отчасти центральной Украины, а в западноукраинских городах утвердилось койне (суржик) на украинской основе. В Белоруссии же русский язык проник во все сферы жизни всего населения, а белорусский остаточное выживает только в виде диалектов, а также поддерживаемого активистами литературного языка.

²⁴ Этот словарь нельзя считать в полной мере диалектным, несмотря на аккуратное указание источников, ср. предисловие: «Подано численні народні назви, зібрані шляхом опрацювання публікацій та опитування населення. Вказано літературні джерела і регіони походження назв. На підставі їх вживаності сформовано систему українських наукових назв, що містить менше іншомовних запозичень і є дохідливішою, ніж попередній варіант ботанічної номенклатури». Мы приводим здесь данные этого словаря, имея в виду ценность всего, что расходится с предписаниями украинской литературной нормы (отчасти неясной).

²⁵ Напечатано «githago». Такого вида в роде зорька нет.

²⁶ Напечатано «бархотцы».

- сем. астровые' (Курск); *польская г.* 'Dianthus deltoides L. = гвоздика-травянка, сем. гвоздичных' (Красноуфим.);
- укр. диал. *гвозді́ка* 'Dianthus', *г. ді́ка* 'Agrostemma githago L. = куколь обыкновенный/посевной, сем. гвоздичных', 'Calendula officinalis L. = ноготки лекарственные, сем. астровых', 'Saponaria officinalis L. = мыльнянка аптечная, сем. гвоздичных'...²⁷, *г. (городня)* 'Tagetes patula L. = бархатец мелкоцветный, сем. сложноцветных', 'Thesium linophyllum L. = ленец льнолистный, сем. санталовых';
- бел. диал.? *гваздзі́ка* [Астрэйка 2001: 240];
- гвоздичка*: рус. диал. 'Stellaria holostea L. = звездчатка ланцетовидная, сем. гвоздичных' (Яросл.), 'Dianthus sinensis, сем. гвоздичных; гвоздика'²⁸;
- укр. диал. 'Dianthus [...]' (разные виды), 'Tagetes patula L. из сем. сем. сложноцветных; бархатец мелкоцветный';
- гвозді́га*: рус. диал. *белая г.* 'Saponaria officinalis L. = мыльнянка аптечная, сем. гвоздичных' (Твер.); 'Dianthus = гвоздика' (Перм.);
- гвозді́к*, укр. диал.: 'Tagetes erecta L. = бархатец крупноцветковый';
- гво́здик*, укр. диал.: 'Dianthus [...]' (разные виды);
- зво́здик*, укр. диал.²⁹: 'Dianthus [...]' (разные виды), 'Saponaria officinalis L. = мыльнянка аптечная, сем. гвоздичных';
- морфологически дальше: рус. диал. *гвоздя́нка* 'травянистое растение [какое?]' : *гвоздя́нка — трава... поспеет — отпадет, отливает, и семенушки гвоздиком...* (Свердл., 1964).

Приведённый материал наводит на два наблюдения. Во-первых, название пряности слабо (или вообще не) фиксируется в диалектах, что, очевидно, связано с отсутствием в них отличия от литературных форм, а также преимущественным распространением этой пряности в городском, а не сельском, быту. Колебания в форме названия пряности (*гвоздника*, *гвоздика*, *гвоздица*, *гвоздига*, *гвоздикъ*), фиксируемые ранними памятниками, вероятно, довольно быстро сошли на нет, но в русском и белорусском некоторое время соперничали *гвоздикъ* и *гвоздика*, причём победила *гвоздика* (в белорусском позже, причём только в значении 'пряность'), которая довольно поздно проникла из русского в украинский, утвердившись в нём в обоих значениях только в последнее время.

Во-вторых, обращает на себя внимание повсеместное распространение слов *гвоздик(а)* в качестве названий довольно разных цветущих растений, относящихся к разным семействам: гвоздичные, астровые, сложноцветные, санталовые, орхидные. Вряд ли о запахе всех этих цветов можно сказать, что он напоминает запах гвоздики (пряности).

Название *гвоздик(а)* относится как к садовым, так и к дикорастущим цветам. Так, типовой вид гвоздики — гвоздика садовая, но этим словом называются и внешне не очень похожие на неё полевые цветы из этого рода (например, гвоздика-травянка) или других родов семейства гвоздичные (мыльнянка лекарственная, куколь обыкновенный, горицвет кукушкин = кукушкин цвет, татарское мыло), а также из других семейств (любка двулистная, кошачья лапка двудомная, ленец льнолистный, ноготки).

Особую связь гвоздика показывает с другим (садовым) растением — бархатцем (укр. стар. *гвозді́к* наряду обычным названием *чорнобрівець*). Это легко понять, принимая во вни-

²⁷ А также: 'Rubus caesius L.; ежевика сизая'.

²⁸ А также: 'местный сорт груши (имеет ярко окрашенный запах, напоминающий запах гвоздики)'.

²⁹ Вероятно, контаминация с диал. *звізда́* 'звезда', в связи с названиями разных цветущих растений рус. *звёздочки*, укр. *зірочки́*, а также (теперь нелитер.) *звіздочки́*.

мание внешнее сходство цветков некоторых гвоздикоцветных видов бархатца (например, *Tagetes patula*) и садовой гвоздики (не исключена прямая калька с французского, см. 2.5).

Приведённый обзор восточнославянских форм ничего не прояснил для формальной этимологии интересующего нас слова *гвозди́ка*. На восточнославянской почве никакой особой связи со словом *гво́здик*, уменьш. от *гво́здь*, уловить не удалось. Такая форма для названия цветка встречается маргинально (два довоенных белорусских словаря, современный украинский широкого профиля), а для названия пряности — не встречается вообще. Основной старой формой, кажется, предстаёт *гвозди́к* (старовеликорусское ударение неизвестно), никоим образом не производная от *гво́здь* или *гво́здик*. Однако ударение *гвозди́к* и форма женского рода *гвозди́ка* объясняется при анализе возможного механизма их возникновения на основе полонизма (см. 1.3).

Что касается форм *гвозди́ка*, рус. диал. *гвозди́га*, то эти варианты содержат продуктивные русские суффиксы *-ик-а*, *-иг-а*, типичные для названий ягод (ср. дублиеты рус. *брусни́ка* и диал. *брусни́га* — так со всеми такими названиями ягод). Впрочем, в названиях ягод типичен и суффикс *-н-*: *-н-ик-а*, (*-н-иг-а*), чем может объясняться вариант со вставкой *-н-* (уже в самой ранней фиксации *гвоздники*). Остаётся неясным, какое отношение обсуждаемые цветок и пряность (фиксация *гвоздига* ‘пряность’ в XVI в.) имеют к ягодам.

1.3. Польский язык

В современном польском литературном языке употребляются две формы: *goździk* и редко (и диал.) *gwoździk* — в тех же двух значениях, что представлены в литературных восточнославянских языках: (1) обычно во мн. ч. *g(w)oździki* [SJP I: 686] (у формы ед. ч. собирательно-го значения нет) ‘засушенные бутоны гвоздичного дерева (пряность)’ (но также и название самого этого дерева) и (2) ‘растение *Dianthus*’ (о названиях разных видов см. [Непоп-Айдачич 2010: 270–271]).

Первое значение фиксируется с XV в. (в этих примерах латинские слова — перевод): *Wyelki gozdzik gariofoli magni* (1419); *goszdzik* (XV), *goszdzik cariofolus* (1464) *guozdzik gariofolus* (1472), *gwozszdyky gariofilus* (1484) и др. [SSP II: 477]³⁰.

Рано встречается значение ‘*Geum urbanum*; гравилат городской, сем. розовые’: *Polne gvoszdyky gariofillata* (1484), а также ещё раньше ‘*Asarum europaeum* L. = копытень европейский/обыкновенный, сем. кирказоновые’: *gozdziky asarus* (1419) [SSP II: 477]. В современном языке одно из названий гравилата — *kuklik goździk* букв. ‘гравилат гвоздика’. Позже — *goździk* ‘*Dianthus*’ (1534) [SP XVI: s.v. *gwoździk*]; однако есть и свидетельства 2-й пол. XV в. [Bańkowski 1: 465] (без указания источника).

По форме *goździk* однозначно опознаётся как уменьшительное со значением ‘гво́здик’ от ст.-пол. *gózdź*, наряду с *gwózdź* ‘гвоздь’ (теперь только *gwózdź*, уменьш. *gwoździk* ‘гвоздик’, ср. и совр. редкое и диал. *gwoździk* ‘гвозди́ка’). Любопытно, что в старопольском ситуация якобы была частично обратной: форма с *-w-* чаще употреблялась в значении ‘гвозди́ка’, для отличия от *goździk* ‘гво́здик’ (так вплоть до XIX в., например у Сенкевича) [Bańkowski ESJP I: 465]. Несмотря на эти колебания с *-w-*, сомнений в тождестве ‘гвозди́ки’ и ‘гво́здика’ на польской почве нет.

Что касается значения ‘растение’, то, как видим, в польском, как и в восточнославянском, оно распространяется (по крайней мере в старом языке) и на растения других семейств, нежели гвоздичные.

³⁰ Все примеры, кроме первого (1419), приводятся там в значении ‘*goździk*, *Eugenia caryophyllata* Thun. = гвоздичное дерево’, т.е. как фитоним.

Кроме польского, белорусского, русского и украинского языков, рассматриваемое $g(w)ozdzik$, *гвоздик(а)* в обоих значениях не встречается нигде (о положении в других славянских языках см. ниже).

Итак, наша пара значений для данного образования (в двух главных вариантах) ограничена польско-восточнославянским ареалом (если не считать литовского, см. ниже). В восточнославянском варианты м. р. этимологически не мотивированы в виду необъяснимого на местной почве ударения *гвозді́к*, *гваздзі́к*. На польской же почве это — прозрачное производное, легко объясняющее белорусское и украинское ударение. Если за предмет заимствования принять пол. мн. *gwoździki* в собирательном значении ‘пряность’ (в польском обычно именно мн. ч.), с регулярным польским ударением на предпоследнем слоге: *gwoździki* $\Rightarrow$ *гвозди́ки*, то к нему на новой почве могло быть достроено только ед. *гвозді́к*, а никак не ***гвоздик*, поскольку в восточнославянском такое соотношение ударений в парадигме невозможно (не может быть ***гвоздик* : *гвозди́ки*). Ударение *гвозді́к* (а не *гвоздик*) было единственным допустимым решением во избежание нарушения вост.-слав. акцентологических правил. В украинском это соотношение осталось, а в белорусском оно преобразовалось в *гваздзі́к* : *гваздзі́кі*, т.е. форма ед. ч., изначально вторично извлечённая из заимствованной из польского формы мн. ч., оказала давление на эту заимствованную форму: **гваздзі́кі* $\rightarrow$ *гваздзі́кі* (ср. типичное соотношение в *мужы́к*, *мужы́кі*). В старовеликорусском, видимо, было **гвозді́к* : **гвозди́ки*, причём в нём не успела случиться эта аналогическая мена ударения, в т.ч. поскольку победила альтернативная форма ж. р. *гвозди́ка*, подходящая в качестве ед. ч. к *гвозди́ки* не хуже, чем *гвозді́к*. Всё сказанное изобразим так:

	пол.		блр.		укр.		рус.
мн.	<i>gwoździki</i>	$\Rightarrow$	<i>*гвозди́ки</i>	$\rightarrow$	<i>гваздзі́кі</i>	$>$	<i>гвозди́ки</i>
ед.	<i>(gwoździk)</i>		<i>*гвозди́къ</i>		$>$ <i>гваздзі́к</i>	$>$	<i>гвозди́к</i>
			<i>*гвозди́ка</i>		$>$ <i>гваздзі́ка</i>	$>$	<i>гвозди́ка</i> ³¹

Мы не можем установить, существовало ли в древнерусском другое, исконное, слово *гвоздика*. Если да, то оно могло быть названием каких-то растений. Правда, есть ещё всего одно общее восточнославянское название растения на *-ика* — рус., укр. *ожика*, блр. *ажы́ка*. Как бы то ни было, кажется вероятным, что при заимствовании из польского формы мн. *gwoździki* она могла полностью совпасть с уже наличной формой или подстроиться под неё (ср. древнейшую фиксацию названия пряности в форме *гвоздники*).

В польском же $g(w)ozdzik$ в значениях ‘пряность’ и ‘*Dianthus*’ — несомненная семантическая калька с немецкого *Nelke* ‘тж.’ или его вариантов [WDLPSS: s.v. *nalki*] (см. 1.4).

Рано зафиксировано и отдельное значение ‘копытень европейский’, а также значение ‘гравилат городской’, чей корень называется по-русски *гвоздичным* (см. 2.2).

Особняком стоит пол. стар. и диал. *karofiał*, *karafiol*, *karafiał* ‘*Dianthus*’, иногда и в виде *kalafior* [Непоп-Айдачич 2010: 270, 287] (смещение с *kalafior* ‘цветная капуста’, что считается италиянизмом [SEJP II: 26]³²). Вторая часть *-fiol* $\sim$ *-fial*, — очевидно, из *fiol* $\sim$ *fial* ‘фиалка’ (с колебанием); неясно колебание *karo-* $\sim$ *kara-*, но ср. чеш. *karafiát* ‘*Dianthus*’ (см. 1.4), а также рус. *гравилат* $\Leftarrow$ (?) $\Leftarrow$ нем. *Kariofillat* ‘тж.’ [Langstedt 1805: 25] ($\Leftarrow$ среднев. лат. *Caryophyllatus* ‘гвоздичный’). Итак, *karafiał* и т.п. — точно не из итальянского, а скорее из чешского (?), с заменой второй части.

³¹ П. Янчуевич (л. с.) предложил нам альтернативный сценарий: форма женского рода *гвозди́ка* могла быть извлечена из формы мн.вин. *гвозди́ки*, понятой как родительный частичный (в контекстах типа **взяти гвоздики*).

³² Значение ‘*Dianthus*’ в [SEJP II: 26], как ни странно, не отмечено.

Старопольская форма *gwoździk(i)* или старобелорусская *гвоздик* (ударение на *-*úк*) заимствована в литовский: *gvazdikas* ‘Dianthus’ уменьш. *gvazdikėlis* ‘пряность (один бутон)’.

1.4. Немецкий язык

И пряность, и растение *Dianthus* в современном литературном немецком называются *Nelke* ж., мн. -*n*. Значение ‘пряность’ может уточняться первой частью сложения *Gewürznelke* (где первая часть = ‘пряность, приправа’).

Сама форма *Nelke* заимствована в нововерхненемецкий из новонижненемецкого: ср.-ниж.-нем. *negelken* ‘гвоздик’ (уменьш. от *nagel* ~ *negel* ‘ноготь; гвоздь’), но также ‘пряность гвоздика’ [Köbler] > нов.-ниж.-нем. *nelke*. В этой форме произошло стяжение с выпадением -*g*- (ср. альтернативное развитие *Nägelchen*, форма с нижненемецким суффиксом, но без стяжения). Это слово встречается впервые у Хильдегарды Бингенской (первая часть — латинизм): *gariofiles nelchin* (ок. 1170) [Migne PL CXC VII: 1141]^{33, 34}.

В этом значении бытовали и средневерхнемецкие формы, например *negellîn* (> совр. *Negelein*, *Nägelein*), в т.ч. в сочетании с -*krūt* ‘пряность’ и др., а также формы без уменьшительности: *nagel* (> совр. *Nagel*), *negel*. Эти формы сохранились в верхненемецких диалектах (в т.ч. *Kramernageln* [Arends 2013: 156], первая часть = ‘лавочник’ и др.). В XIX в. ещё употребляли параллельную форму без стяжения *Nägelchen*, ср. также в Австрии *Nagl*, *Nagerl* (оба значения).

Отличие нижненемецкой формы от соответствующих верхненемецких состоит не только в наличии нижненемецкого уменьшительного суффикса -*ken*, но и в женском роде, неожиданном для такого уменьшительного (вместо среднего) — видимо, за счёт восприятия -*n* как показателя мн. числа. Типологически это даёт интересную параллель с восточнославянской ситуацией (где, как мы предположили, к мн. *гвоздики* построено *гвоздика*, вытеснившее **гвозди́к*³⁵).

Как название растения *Dianthus* это слово фиксируется со средневерхненемецкого периода [год?]: ср.-н.-нем. *nēgelkenblōmen* (мн.) [Köbler] ‘Nelkenblume?’ (значение точно не известно). В современном языке оно входит в несколько сложений:

Pechnelke (*Pech* ‘смола’): ‘*Silene viscaria* = *Viscaria vulgaris* = смолка клейкая (иначе — смолёвка), сем. гвоздичные’;

Lichtnelke (*Licht* ‘свет’) ‘*Silene dioica* = дрёма двудомная/лесная, сем. гвоздичные’

Nelkenwurz (букв. ‘гвоздичный корень’) ‘гравилат’, в т.ч. ‘*Geum urbanum* = гравилат городской, сем. розовые’;

Нижнемецкая форма не везде заменила верхненемецкие (в обоих значениях), ср. бавар. *Nagele*, *Nagl*, *Nagerl*, идиш נעגלע *nēgele* с.

Отметим также *Türkennägelein* (букв. ‘турецкий ноготок/гвоздик’) ‘бархатец’.

Распространение именно нижненемецкой формы на большей части немецкого ареала и принятие в качестве литературной, возможно, было отражением некоего культурного явления.³⁶ Однако эта форма лишь потеснила, но не вытеснила исконные формы в других диалектах (они по-прежнему употребляются). Судя по всему, связь названия растения с пряностью,

³³ См. romanes.org/pub/Caryo/Migne.PL.1141.197.pdf.

³⁴ Стяжение -*egi-* > -*e(i)-* (частично устранимое «давлением системы») характерно для и для средневерхненемецкого [Paul, Mitzka 1960: 170].

³⁵ Звёздочку здесь ставим только из-за ударения (в великорусском не засвидетельствованного).

³⁶ Как мы можем предположить, это связано с новой интенсивной волной торговли этой пряностью, прибывавшей морем в северные порты.

когда первое начало распространяться в немецком языке (XV в.? [Sauerhoff 2003: 191]), ощущалась живой и приводила к семантическим калькам, а не к формальному заимствованию.

Так, нижненемецкая форма не дошла до Австрии, где исконная южная форма (не уменьшительная) *Nagl*, видимо, издавна означала и означает пряность, и на это старое значение наложилось и новое 'Dianthus'.

В немецких диалектах встречается и *Groffel* 'Dianthus' [Schmeller 1828: 106], ср. ст.-шбав. *garoffel* (из итальянского?) [FEW II: 448].

Заимствования из немецкого. Именно верхненемецкая форма заимствована в словенский язык, ср. словен. *nágəlj*, род. *náglja* и *nágəljna* (!) в обоих значениях (XVI в. [Snoj: 454] наряду с калькой, см. ниже), а также в часть ретороманских диалектов — *negla* 'Dianthus'³⁷ (при *groffel* 'пряность').

Не очень ясно, из какой формы (со стяжением) заимствовано верхнелуж. *nalika*, *nalik* 'гвоздика' (в обоих значениях?) и пол. диал. *nalik* 'пряность' [WDLPSS: s.v. *nalki*]³⁸.

Нижненемецкая форма заимствована в скандинавские языки в обоих значениях: шв. (*krydd*)*nejlika* 'пряность', *nejlika* 'Dianthus', новонорв. (*krydd*)*nellik* (и др. варианты), дат. (*krydder*)*nellike*, норв. букмол (*krydder*)*nellik*.

Кальки с немецкого. В части славянских языков положение более или менее тождественно наблюдаемому в уже затронутом польском: в обоих значениях выступает слово, по форме тождественное уменьшительному от 'гвоздь':

словен. *klinček* = уменьш. от *klin*, *klínc* 'гвоздь', уже у Плетершника [Pleteršnik I: 494] (наряду с *nágəlj*, см. выше);

слвц. *klinček* в обоих значениях = уменьш. от *klínc* 'гвоздь';

срб.-хрв. *klinčić* в обоих значениях = уменьш. от *klínc* (устар.) 'гвоздь' (*klín* тж.); синоним *karànfil* и др. (см. 1.14);

чеш. *hřebíček* 'пряность' и диал. 'Dianthus' = уменьш. от *hřebík* 'гвоздь'.

В литературном чешском название растения 'Dianthus' — обычно *hvozdík*, причём это слово лишено местной этимологической поддержки (чеш. *hvozd* — только 'лес', а не 'гвоздь'), поэтому это, видимо, заимствование из польского. Гвоздика садовая также называется (*hvozdík*) *karafiát* вм. ст.-чеш. *karaffilat*³⁹ (1565) [Matthioli 1565: CLVI?]⁴⁰ (это эпитет в составном латинском названии типа варианта [*Dianthus*] *caryophyllatus* вм. *caryophyllus*; неясно *kara-*, ср. нем. стар. *Kariofillat* 'гравилат', см. 2.2). Таким образом, чешский — единственный славянский язык, где обсуждаемые понятия не омонимичны (за вычетом каких-то диалектов).

В связи с омонимией нем. *Nagel* 'гвоздь; ноготь' можно предположить, что из этого же источника, по крайней мере частично, происходит ст.-пол. *nogietek* 'ноготок' (сейчас также *nagietek*, *nagiętek*, *nokietek* и *nogiet*, *noktek*) 'Calendula officinalis; ноготки лекарственные' [Вогуś: 348] (ср. укр. *гвоздік*, а также *ногітка*, *ногіток*, *нагідка* в этом значении [ЕСУМ 4: 21]).

1.5. Нидерландский язык

В отличие от нижненемецкого, в нидерландском на протяжении всей истории употреблялась главным образом не уменьшительная форма *nagel*. Сейчас она значит обычно только

³⁷ См. ru.wikipedia.org/wiki/Negla_purpura.

³⁸ Там говорится о гипотетическом ср.-нем. *Nalke — контаминации *negelke* и *nal* (со стяжением) — заимствованном в пол. *nalki* (мн., 1764), откуда достроено *nalek*, затем заменённое на *nalik* (один раз с опечаткой: «*nalki*»).

³⁹ А не *kariofillat* [Machek: 193].

⁴⁰ См. romanes.org/pub/Caryo/Matthioli.156.pdf.

‘пряность’ (почти всегда в сложениях *kruidnagel*, *specerijnagel* букв. ‘пряность + гвоздь’), а главное название цветущего растения — *anjèr*, *anjelier* ‘Dianthus’.

Из нидерландских памятников история наименования нашей пряности проступает яснее, чем из немецких. В средненидерландском *nagel* выступает обычно вне сложений или же в сложении *g(e)roffelsnagel*, где первая часть *g(e)roffel* — старое название пряности из старофранцузского *gerofle* ‘пряность’ (см. 1.6). Эти сложения состоят, можно сказать, из единицы измерения + измеряемое, т.е. букв. ‘гвоздь гвоздики’ (ср. устроенное так же рус. *крупинка перца*), причём *naghel* и т.п. ‘гвоздь’ здесь семантически прозрачен, а *geroffel* и т.п. — макаронизм.

Примеры встречаются с конца XIII в.: *naghele* (1286)⁴¹, *gheroffelsnaglen* (1287)^{42, 43}. Позже встречается и уменьшительная форма *naghelkine* (1376–1400)⁴⁴.

Слово *nagel* входит в ряд сложных названий растений (ещё примеры?):

nagelkruid (букв. ‘гвоздь/ноготь + приправа’): ‘Geum = гравилат’ — сложение с обратным порядком относительно *kruidnagel* ‘гвоздика’ (приправа); *nagelwortel* ‘его корневище’; ‘Satureia = чабер, сем. яснотковые’ (1608);

nagelbloem (букв. ‘гвоздь/ноготь + цветок’): ‘Dianthus caryophyllus = гвоздика садовая’ (1588), ‘Agrostemma githago L. = куколь обыкновенный, сем. гвоздичных’ (1599), ‘Hyacinthus orientalis’ (1780), ‘Erysimum xcheiri = лакфиоль, сем. крестоцветные’; ‘Endymion nutans = ?’, ‘Syringa vulgaris = сирень обыкновенная’, ‘Pilosella officinarum = ястребиночка обыкновенная’ [как-то связано с гравилатом?].

Кроме того, *nagel* имеет и общее значение ‘мелкий цветок в соцветии’.⁴⁵ Растение *Dianthus* сейчас чаще всего называется *anjèr*, *anjelier* (об этимологии см. 2.4), а также диал. *genoffel*.

Итак, современные литературные нидерландские названия пряности и растения — обычно разные — (*kruid*)*nagel* : *anjèr*. Мы можем проследить, как происходило постепенное вытеснение галлицизма *geroffel* (подробности и указание лет фиксации см. в 2.4). При этом название пряности было заменено на *nagel*, возможно, вычлененное из сложения, а садовое растение появилось позже, причём под тремя названиями: *angelier*, *nagelbloem*, *genoffel*:

	>> 1300	>> 1400	>> 1500–1600	>> 1800	>>
‘пряность’	<i>geroffel</i> [<i>nagel</i>]	<i>nagel</i> (<i>geroffel</i>)	<i>nagel</i> (<i>geroffel</i> , <i>genoffel</i>)	[<i>kruid</i>] <i>nagel</i>	
‘растение’		?	<i>anjèr</i> , <i>angelier</i> <i>nagelbloem</i> <i>genoffel</i> , <i>geroffel</i>	<i>anjèr</i> , <i>anjelier</i> (<i>nagel</i> [<i>bloem</i>]) (<i>genoffel</i>)	

Форма *genoffel* ‘Dianthus’ — скорее всего, непосредственное заимствование из фр. *genofle* (см. 1.6), а не искажение *geroffel* на нидерландской почве, вопреки [EWN].

Следует также иметь в виду, как уже было сказано, что нидерландские и немецкие слова

⁴¹ В рецепте: *Jtem een pont pepers xxvi d Jtem een verendel naghele iij sol* ‘также [лат.] фунт перца, также четверть гвоздики ... ??’ [VMNW].

⁴² В рецепте: *men neme gheroffels+naglen goet die van scarper smake sijn [ende] [breecse] [te] [puluere] [fijn]...* ‘Взять гвоздик хорошо, у которых острый вкус, и растереть их в порошок мелкий’ [VMNW].

⁴³ Также вариант *garioffelnaghel* (1351–1375), где первая часть — латинизм в гибридной форме.

⁴⁴ *Doe quamen die crude mengherande, noten musscaten, naghelkine* ‘Было добавлено множество пряностей, мускатный орех, гвоздика’ [...].

⁴⁵ А также обозначает часть цветка гиацинта (это уже явно научный термин).

значат не только ‘гвоздь’, но и ‘ноготь’, что могло сказаться на некоторых этапах в виде разного рода семантических сюрпризов.

1.6. Французский язык

В современном французском пряность ‘гвоздика’ носит собирательное название *clous de girofle* мн., где «единица измерения» — *clou* м. ‘гвоздь’ (*clou de girofle* ‘один сушёный бутон гвоздики’). Само слово *girofle* м. в качестве названия пряности употребляется маргинально и теперь обозначает преимущественно ‘гвоздичное дерево’ (синоним *giroflie*).

Слово *girofle* засвидетельствовано в памятниках в разных вариантах с колебаниями в сонантах и гласном первого слога: *girofle* (1165), *gerofle* (XII), *gilofre* (XIII–XIV), *ginoffre* (XIII), *genofre* (XIII), *girofre* (XIV), *geroffle* (1462); в сочетании *clos de girofle* ‘пряность’ (1225) [FEW II: 446; DHLF].

Растение *Dianthus* сейчас называется *œillet* (1493 [FEW VII: 316]), производное от *œil* ‘глаз’. В значении ‘*Dianthus caryophyllus*; гвоздика садовая’ выступает также *œillet giroflé(e)* букв. ‘глазик гвоздичный’.

Слово *girofle* и т.п. употреблялось [FEW II: 447] (и по крайней мере в XIX в. оставалось в диалектах) как название нескольких родов цветущих растений: диал. *džirōfl*, *gèrofle* и др. ‘*Mathiola* = левкой’ и ‘*Erysimum cheiri* = желтофиоль’ (эти цветы вообще слабо различаются; сейчас в этих значениях производное, см. ниже); маргинально также *girofle* (1663), диал. *dženoř* ‘*Dianthus*’.

Но обычно (и только так в литературном языке) растения ‘левкой’ и ‘желтофиоль’ называется производным: *giroflée* ж. ‘левкой’, *giroflée jaune* (букв. ‘желтый левкой’) ‘желтофиоль’, в т.ч. с уточнениями: *giroflée des murailles* ‘*Erysimum cheiri* = лакфиоль, желтофиоль, желтушник Чери’ (также *violier jaune*, *ravenelle*, *bâton-d’or*); *g. des dunes* ‘*Matthiola sinuata* = левкой выемчатый’; *g. odorante* ‘*Matthiola longipetala* = левкой двурогий’; *g. des dames* (1608) ‘*Hesperis matronalis* = вечерница матроны, ночная фиалка’ [FEW II: 447]; *grande giroflée* ‘*Matthiola incana* = левкой седой (сизый)’ и нек. др. (все сем. капустные = крестоцветные).

В памятниках *giroflée* ж. ‘левкой’ (XV в.), также *géroflée*, *ginofrée* (XV в.), *genoufree* (1531) ‘тж.’; *guiroflée jausne* (ок. 1500), *gyroflée* (1556) ‘*Cheirantus cheiri* = ‘желтофиоль, желтушник Чери’. Это название восходит содержит прилагательное *giroflée* ж., которое как эпитет ещё раньше встречается в сочетании *violecte girofree/girofflee* (букв. ‘гвоздичная фиалка’, ок. 1393) ‘желтофиоль’ (?).⁴⁶

Это же производное обозначало и ‘*Dianthus*’: *guirofflee* (1503–1508) [Horie Annae: 111]⁴⁷, *giro(f)lée* (1544), и также в искажённом (?) виде *giroffleur* (1584, вторая часть = ‘цветок’).

Примечательно в этом значении производное с суффиксом *-īna: ст.-валлон. *jalofrine* — в «Хронике Жана Ставело» (1410-е гг.), где оно толкуется как ‘œillets’ (т.е. цветы *Dianthus*) [Stavelot 1861: 541]⁴⁸. Судя по всему, это толкование основано на валлон. диал. *jalofrène* ‘тж.’.

Что касается самой формы *girofle*, то здесь этимологически неясен первый гласный. При этом ещё недавно распространённый вариант *gérofle*, очевидно, восходит к народнолатинской форме *garòvflu, хотя и тут имеется фонетическая трудность: ожидается *gerofle (а не *gé-*).

Значение ‘гравилат’ в исконных французских формах слов этого гнезда не засвидетельствовано, но оно встречается в разных, в т.ч. искажённых, латинских и гибридных обликах

⁴⁶ Во многих словарях (но не в [FEW]) это указывается как первое упоминание левкой в виде существительного, хотя на самом деле это эпитет [Möhren 1986: 341].

⁴⁷ См. romanes.org/pub/Caryo/AnneBret.111.pdf.

⁴⁸ См. romanes.org/pub/Caryo/Stavelot.541.pdf.

(как лекарственное растение), ср. *galiophilee*⁴⁹ (1268), *galionfilate* (XV в.), *garioflata* (1517), *garioflee* (1516) [FEW; Godefroy IV: 229⁵⁰]; сейчас ‘гравилат’ — *benoîte, benoite*.

Заемствования из французского. Как сказано выше, французское слово *girofle* в значениях ‘пряность’ и ‘разные растения’ рано заимствовано в нидерландский язык (в первом значении не позже XIII в.), в т.ч. вариант *genofle*, откуда совр. ндрл. диал. *genoffel* (см. 1.5). По ср.-ндл. формам *groffelsnagele, geroffelsnagle*, кажется, невозможно установить, какая из форм (с *-e- или -é-) лежит в их основе.

Ещё раньше оба французских слова, входящих в единственное современное французское название пряности *clou de girofle*, заимствованы в английский из англонормандского, ср. в значении ‘пряность’ англо-норм. *clowes de gilofre* (ок. 1200). Первое дало англ. *clowes* ‘пряность’ (XIV в.), заменённое на *clove(s)* (XV в.) под влиянием англ. *clove* ‘зубок чеснока’ (< др.-англ. *clufu*). Теперь англ. (*spice*) *cloves* ‘гвоздика’ (пряность). В английский заимствованно и *gelofre* ‘гвоздика, левкой’, что народноэтимологически преобразовалось в совр. *gillyflower* ‘левкой’ (иногда ‘гвоздика’) (1550-е) [etymonline]. Садовая гвоздика обычно называется синонимами *carnation* и *clove pink* (об этимологии см. 2.3).

1.7. Итальянский язык

И пряность, и растение *Dianthus* называются в литературном языке *garòfano*, а пряность — обычно (собираетельно) мн. *chiodi di garòfano*, букв. ‘гвозди гвоздики’ (ед. *chiodo di garòfano*), что соответствует фр. *clou(s) de girofle*.

В диалектах⁵¹ часто отличается исход основы: фриул. *garòfalo, garòful*, венец. *garòfalo*, пьемонт. *garofo*, сицил. *garòfalu, jalòffiru*; с глухим началом: апул. *caròfele* [уточн. всё]. На юге в обоих значениях встречается форма с носовым: ср. калабр. *caròmpulu, caròmpulu, carònfulu, garòmbulu, gariòmparu* [Rohlf 1983: 295], сицил. *galònfulu, galònfuru* [Piccitto, Tropea: 193] (наряду с формами без носового).

Формы на звонкий и без носового известны по памятникам с XIII в. в значении ‘сушёный бутон гвоздики’ (без добавления *chiodo*): мн. *garofani* (1231/50), *garoffani* (1310), *garoffoli* (1312), *garofoli* (1318–21), *garofano* (1321, Данте), мн. *garofay*⁵² (1299/1309), *garofali* (1345), *gherofani* (XIV в.) [TLIO].

Приведём здесь отрывок из «Божественной комедии» («Ад» 29, 108) — для ясности значения этого слова в XIV в.:

*E io dissi al poeta: “Or fu già mai
gente sì vana come la sanese?
Certo non la francesca sì d’assai!”
Onde l’altro lebbroso, che m’intese,
rispuose al detto mio: “Tra’ mene Stricca
che seppe far le temperate spese,
e Niccolò che la costuma ricca
del garofano prima discovese
ne l’orto dove tal seme s’appicca*

И я сказал поэту: «Да был ли когда
люди такой суетный, как сиенский?
Точно не французский аж настолько!»
И тут другой прокажённый, что меня слышал,
ответил на реплику мою: «Кроме Стрикки,
что умел делать умеренные расходы,
и Никколо, что обычай пышный
гвоздики впервые открыл
в саду, где таковое семя принимается,

⁴⁹ Под влиянием фр. стар. *gaillet* ‘гравилат’, см. rromanes.org/pub/Caryo/AnneBret.215.pdf.

⁵⁰ У Годфруа *garioflee, galiophilee, garioflee* определяется как ‘formes savantes et mi-savantes de giroflée, sorte d’œillet qui a l’odeur des clous de girofle [учёные и полуучёные формы *giroflée*, сорта гвоздики[-цветка] с запахом гвоздики[-пряности]]’, что, очевидно, является недоразумением, ввиду того что *giroflée* — это в первую очередь ‘левкой’ и лишь маргинально ‘*Dianthus caryophyllus*’ (1671–1700 [FEW]), в памятниках имелся в виду именно гравилат (согласно [FEW]).

⁵¹ Группы итальянских диалектов составляют несколько отдельных языков; здесь мы не будем углубляться в их классификацию (условно «итальянский язык» = романские диалекты Апеннинского полуострова).

⁵² С неясным исходом основы.

*e tra' ne la brigata in che disperse
Caccia d'Ascian la vigna e la gran fonda,
e l'Abbagliato suo senno proferse...*

и кроме компашки [«бригата»], в которой расточил Качча д'Ашан[о] виноградник и большую пахоту, А Аббальято свой рассудок отдал...⁵³

Известно, что здесь речь идёт об использовании сушёных бутонов (гвоздики-пряности) в качестве дров для жарки мяса [...?] (расточительном ввиду дороговизны этой пряности), а во все не о садовом цветке. Вероятно, сама сложность контекста говорит в пользу отсутствия для Данте у слова *garofano* иного значения, кроме 'пряность'.

Во втором значении 'растение' *garòfano* обозначает, главным образом, 'Dianthus' (XVI в.) [DEI III: 1766; DELI: 637⁵⁴], а также 'кукушкин цвет' (обычно *fior di cùculo*), ср. также *garofano a mazzetti* (букв. 'гвоздика букетиками') 'мыльнянка' (обычно *savonella, saponaria*); *garofano indiano* (букв. 'индийская гвоздика') 'бархатец'; уменьш. *garofanino* 'Epilobium = кипрей'. Кроме того, диал. абруцц. *erba garofano* (букв. 'трава гвоздика'), тоск. *garofanata*, сицил. *galofararia* и др. — все в значении 'гравилат'⁵⁵.

В сардском языке (тесно связанном, по крайней мере в определённые периоды своей истории, с южноитальянским) — только формы без носового и с колебаниями в гласном первого слога (все они, по-видимому, обозначают и пряность, и *Dianthus*)⁵⁶ [Rubattu 2006; Farina; Casu; Casciu]: нуор. *coróffulu, corófulu, coróvulu, carófulu*, луг. *colóvuru, gorovulu, colovru*, галлур. *caróvulu*, сасс. *garófulu, garóvuru*. Эти формы во всех диалектах сосуществуют с *gravéllu* (реже *cravéllu*) в тех же значениях (см. 1.8).

Итак, в итальянско-сардских формах имеем основные, несводимые различия (изначально колебания?) по двум признакам: глухости-звонкости начала и наличию носового в середине (не в сардском), что позволяет восстановить четыре условные праформы: **karóf(f)Vlu, *karónfVlu, *garóf(f)Vlu, *garónfVlu*.

Из этих форм выводятся более или менее все продолжающие их итальянские рефлексы (а также французский, см. 1.6). По единогласному мнению этимологов формы без носового восходят к народнолатинским праформам типа **gar(i)ófilum, *kar(i)ófilum*, продолжающим лат. *caryóphyllum* (с нарушением латинских правил ударения ввиду двойного *-ll-*), заимствованное из древнегреч. *καρυόφυλλον* 'гвоздика (пряность)'.

Формы с носовым этимологическими словарями никак специально не исследуются. Однако совершенно очевидна их близость к арабским формам, ср. араб. *قرنفل qaránful* 'гвоздика' (в обоих значениях). В обстоятельной работе [Lafitte 2009] делается попытка установления особой этимологической связи между арабской и романскими формами, причём последние, по мысли автора, — прямые заимствования из арабского.

В ходе нашего обзора здесь важно отметить, что к сохранившемуся в итальянском традиционному названию пряности добавлено слово 'гвоздь'. Когда это случилось и в каком языке, мы установить вряд ли сумеем, но важно, что, по крайней мере в итальянском, в отличие от нидерландского и французского, это фиксируется поздно (в XVI в.), однако это отражено в средневековых латинских текстах (см. 1.9). Как бы то ни было, именно это (типологически) могло явиться в своё время толчком для перехода от старого европейского немотивированно-

⁵³ Литературный перевод: «И я поэту: «Где еще найдется | Народ беспутней съенцев? И самим | Французам с ними нелегко бороться!» | Тогда другой лишавый, рядом с ним, | Откликнулся: «За исключением Стрикки, | Умевшего в расходах быть скупым; | И Никколо, любителя гвоздики, | Которую он первый насадил | В саду, принесшем урожай великий; | И дружества, в котором прокутил | Ашанский Качча и сады, и чащи, | А Аббальято разум истощил...» (пер. М. Лозинского).

⁵⁴ Якобы под португальским влиянием [там же].

⁵⁵ В общеитальянском языке — бывшее научное название: *Cariofillata (comune)*, см. dryades.units.it/valerio/index.php?procedure=taxon_page&id=2015&num=695.

⁵⁶ Диалекты: нуор. = нуорский, луг. = лугодорский, камп. = кампиданский, сасс. = сассарский (относится к корсиканскому языку), галлур. = галлурский (сардско-корсиканский).

го названия пряности ‘гвоздика’ к новому ‘гвоздь’ (французский, нидерландский, немецкий, славянские). Впрочем, как это ни удивительно, возможно (хотя и маловероятно), для этого имелись и чисто фонетические основания (о которых в связи с иберо-романскими языками см. 1.8).

Займствования из итальянского. Вероятно, северноитальянское заимствование имеем в ретороманском *garòful*, *-fal* [Gartner 1893: 2].

Северноитальянские (венетские) формы отразились в хорватских чакавских диалектах и приводятся различными общесербохорватскими (а также специфически хорватскими) словарями (или в обоих значениях, или только ‘Dianthus’): *garòfān* (род. *-āna*), *garòфул* [РМС I: 469], *gàròфал*, *gàròфао* [Мичатек, Лавров], чак. (Крк) *garǎfūl*, *garòful* [Spicijarić 2009: 83]⁵⁷. Эти формы явно венетские, в отличие от выбивающихся чак. (Крк) *karòful* [Spicijarić 2009: 83] и поданных как обще(серб)хорватские *gariful* [HJJP], *garòфул* [РМС] (они больше похожи на греческие, см. ниже). Истинно же общесербохорватскими, помимо кальки *klinčić*, букв. ‘гвоздик’ (см. 1.4), являются только турецкие формы типа *karànfil* (см. 1.14). Не совсем ясны (гибридные?) варианты с *-a-* второго слога (чак. *garǎfūl*).

К итальянским формам возводятся новогреческие (в обоих значениях) литер. *γαρίφαλο* (с орфографическими вариантами *γαρύφαλο*, *γαρύφαλλο*⁵⁸), разг. *γαρούφαλο*, *γαρόφαλο*. Однако, помимо этих форм, имеются и другие (собственно греческие и турецкие, см. 1.10).

Опосредованные заимствования из итальянского. Особняком стоит румынский язык. Пряность (один бутон) называется *cuişór* с., собирательно мн. *cuişoáre*, букв. уменьш. от *cui* ‘гвоздь’; *Dianthus* называется *garóafă* ж. со множеством вариантов: диал. *garoáflă*, *găroáflă* ж. (арумынская форма [DEX], но, возможно, не только), *garofil* м., а также на *k-*: *carafilă*, *calafîră*, *calafînă* (или *carafînă*?); кроме того: *calamfir*, *caramfil*, *caramfilă*, *caranfînă*, *caranfîr*, *calonfir*, *caranfîl*, *caranhîl*. Частью из этих слов называют не садовую гвоздику, а различные дикорастущие её виды, а также другие цветы (как, например, в восточнославянском). Варианты типа *caranfîl* (с *-nf-*) близки или тождественны турецкой форме *karanfil* ‘гвоздика’ (в обоих значениях), а остальные считаются заимствованными из новогреческого частично через сербохорватское посредство [DER]. Форма *garóafă* наводит на мысль о схрв. диал. *garòful* (из ит.), с исходом *-ul*, принятым за румынский артикль; тогда придётся предположить смену рода в румынском (**garóf[ul]* → **garófă*). Форма *găroáflă* может быть заимствованием из новогр. *γαρόφαλο* (вариант), опять-таки со сменой рода со среднего на женский⁵⁹. При этом, чисто формально, остаётся ещё и возможность прямого наследования из народной латыни: например, *găroáflă* вполне может продолжать мн. **garófilu* со сменой рода. Если так, то румынское слово прямо восходит к античной древности. В связи с румынским, правда, тогда совершенно неясна семантическая сторона, ибо в значении ‘пряность’ это слово в нём, видимо, не употребляется.⁶⁰

⁵⁷ Последние из приведённых форм (со срединным нисходящим ударением) отражают неоттянутое чакавское ударение, а остальные являются заимствованиями в новоштокавский, или же эти записи — искусственная нормализация под новоштокавскую систему (так что, например, *garòфул*, возможно, следует читать *garòфул*), однако этого не скажешь о *garòfān* (род. *-āna*), что может быть или ошибкой, или перестройкой **garòfan*, **garòfana* → **garófān*, **garófānă* (если источником считать *garófano*).

⁵⁸ Курьёзно, что эти орфографические варианты являются в Греции предметом спора, сводящегося к тому, нужно ли писать ипсилон и две ламбды (читается так же), ибо так вернее отражается исконно-греческое происхождение этого слова (через итальянский из гр. *καρυόφυλλον*) [Μπαλιτιώτης: 401], притом что на самом деле ясность этимологии здесь довольно иллюзорна. В научном языке употребляются и формы из кафаревусы: *καρυόφύλλι*, *καρυόφύλλο*.

⁵⁹ Впрочем, в румынском названия растений не бывают среднего рода (С.А. Лашин, л. с.).

⁶⁰ Словарь [Scriban] даёт слово *garóafă* (с вариантом *garófă*), кроме ‘Dianthus’, также в значении ‘гвоздичное дерево’. Поскольку для гвоздичного дерева в европейском языке не может быть народного обозначения, то

1.8. Иберо-романские языки

На Пиренейском полуострове положение весьма загадочно. Все четыре представленных там романских литературных языка различаются соотношением выражения интересующих нас понятий. В португальском, испанском и каталанском языках как будто нет рефлексов лат. *car(i)ofilum*, *gar(i)ofilum*: пряность называется там словом 'гвоздь' (или уменьшительными), а растение так же или производными. В галисийском же разные рефлексы:

	порт.	исп.	кат.	галис.
'гвоздь'	<i>cravo</i>	<i>clavo</i>	<i>clau</i> (ум. <i>clavell</i>)	<i>cravo</i>
'пряность'	<i>cravo</i>	<i>clavo</i>	<i>clavell</i> (~ <i>clau</i>)	<i>caravel</i> (~ <i>cravel</i>)
'Dianthus'	<i>cravo</i>	<i>clavel</i>	<i>clavell</i>	<i>caravel</i> (~ <i>cravel</i>)

Выпишем рефлексы в современных языках:

(а) 'гвоздь' = 'пряность' = 'Dianthus' (в основных вариантах):

порт. *crávo* 'ковочный гвоздь' ('обычный гвоздь' — *prego*)
crávo [*da Índia*] (букв. 'гвоздь [из Индии]') 'гвоздика-пряность; сушёный бутон гвоздики', также *cravinho* (уменьш.); *craveiro* 'гвоздичное дерево';
crávo 'Dianthus', а также *cravina* 'Dianthus plumarius' и др. (вариант: *craveiro* 'растение Dianthus как таковое', тогда *cravo* 'его цветок' [порт. вики]);
cravóila 'гравилат'; *cravo-fétido* (букв. 'вонючая гвоздика') 'Tagetes patula = бархатец мелкоцветный'

(б) 'гвоздь' = 'пряность' ≠ 'Dianthus' (одна основа, но разное оформление):

исп. *clávo* 'гвоздь' (главное слово, ст.-исп. ещё *priego*)
clávo [*de espècia/olòr*] (букв. 'гвоздь [пряности/запах]') 'гвоздика-пряность; сушёный бутон гвоздики', также стар. *clavillo* [*de especia*] [Taboada 1805: 382]⁶¹;
clavél 'Dianthus caryophyllus'⁶², *clavelina* 'тж. или немахровые виды', а также (неосновные названия) 'Fumaria muralis', 'Centaurea cyanus', 'Calendula officinalis', 'Taraxacum officinale'; *clavel turco*, *clavel de Indias* 'Tagetes patula'; *clavelada*⁶³, *hierba del clavo* 'гравилат';

(в) 'гвоздь' = (или ≠) 'пряность' = 'Dianthus' (одна основа, но разное оформление):

кат. *clau* 'гвоздь' (уменьш. *clavèll*)
clavèll (или *clau*) [*d'espècia*] (букв. 'гвоздь [пряности]') 'гвоздика-пряность'
clavèll 'Dianthus', а также *clavellina*, *clavellèt* 'разные виды Dianthus';

(г) 'гвоздь' ≠ 'пряность' = 'Dianthus' (обычно разные основы):

галис. *crávo* 'гвоздь'
caravèl 'гвоздика-пряность; сушёный бутон гвоздики', редко *cravèl*

по румынской ситуации, отражённой Скрибаном (если это достоверно), можно предположить, что раньше *garo(a)fa* обозначало пряность, после чего было заменено калькой *cuişor*.

⁶¹ Во французско-испанском словаре XIX в. слово *girofle* переводится так: «Clavo especia: que tambien se llama clavo ó clavillo, y en escritos antiguos gerofla» [Taboada 1820: 450] (в первом издании: *gerofle* [Taboada 1805: 382]).

⁶² Маргинально также *clavel de clavo* букв. 'гвоздика-Dianthus гвоздики-пряности'.

⁶³ А также латинские (научные, а также, возможно, полуучёные?) термины: *cariofilada* (*oficinal*), *cariofilata*, *gariofilada* (см. es.wikipedia.org/wiki/Geum_urbanum).

caravel ‘Dianthus’ (и др. цветы: ‘цветок розы’, в некоторых частях Галисии это главное значение; ‘цветок любого растения, особенно картофеля’)⁶⁴, редко *cravel*; также *caraveliña*, *craveliña* ‘тж.’; *caravel mariño* (букв. морская гвоздика) ‘*Armeria maritima* = армерия приморская, сем. свинчатковые’; *caravel prolifero* ‘*Petrorrhagia prolifera*, сем. гвоздичные’; *caravel dos campos* (букв. ‘гвоздика полей’) или *herba caraveleira* (букв. ‘гвоздичная трава’) ‘гравилат городской’⁶⁵.

В португальском языке и ‘пряность’, и ‘Dianthus’ синхронно мотивированы (просто ‘гвоздь’). В каталанском — тоже, поскольку представляют собой уменьшительное от слова ‘гвоздь’. В испанском же *clavel* ‘Dianthus’ совершенно очевидно не производно от *clavo* ‘гвоздь; гвоздика пряность’ за отсутствием в этом языке суффикса *-el*. Отсюда делается общепринятый в романистике вывод, что исп. *clavel* — заимствование из каталанского; это обосновывается и исторически: «в Испанию гвоздика [Dianthus], должно быть, попадала через восточный берег, отсюда распространение каталанского слова, проникшего также в сард. *cravellu*»⁶⁶ [Corominas II: 98–99]. Видимо, имеется в виду, что кат. *clavell* заимствованно в испанский только в значении ‘Dianthus’, но не ‘пряность’.

Таким образом, путь получается довольно причудливый: слово *clavell* обозначало в каталанском (1) единицу пряности (букв. ‘гвоздик’); затем (2) саму пряность собирательно; затем (3) цветок ‘Dianthus’. После этого в испанский язык заимствовали только третье значение (а также производное *clavellina* ‘тж.’), а первое уже было у *clavo*. Примерно это следует из этимологии, данной в главном иберо-романском этимологическом словаре Ж. Короминаса, где *clavel* даётся в одной статье с *clavo*.⁶⁷

Между тем, в этимологии Короминаса налицо некоторый логический сбой. Процитируем её часть, касающуюся исп. *clavel* ‘Dianthus’: «*Clavel* [1555 [...] как название растения; 1582 [...] о цветке], галис. *caravel* ([...] но порт. *craveiro*), из кат. *clavell* ‘цветок гвоздики [Dianthus]’ [1460; Ж. Родж [„Зеркало или Книга женщин“], [...]], называемый так из-за своего запаха, схожего с запахом *clavell* ‘гвоздика (пряность)’ [1455], чьё значение в свою очередь происходит из ст.-кат. *clavell* ‘гвоздь’ (XIII в.) благодаря сопоставлению по форме; гвоздике [Dianthus] было принято давать название гвоздики-пряности в различных языках Запада, куда гвоздика [Dianthus] распространилась из Италии в раннем Возрождении; Колон [...] приводит свидетельства кат. *clavell* ‘гвоздика [Dianthus]’ с 1406 г.; впрочем, есть пример *clavel* в рукописном списке О „Книги о Александре“».⁶⁸

Итак, сначала уверенно даётся год первого свидетельства кат. *clavell* ‘Dianthus’ — 1460, в труде валенсийского медика Жайме (Жауме) Роджа⁶⁹. Затем говорится, что Ж. Колон нашёл

⁶⁴ Галис. *caravel* — символически нагруженное слово, частотное в галисийской поэзии, как и *clavel* в испанской.

⁶⁵ Из галисийской википедии, см. [gl.wikipedia.org/wiki/Caravel_\(homónimos\)](http://gl.wikipedia.org/wiki/Caravel_(homónimos)) (там ссылки на словари).

⁶⁶ «[E]n España el clavel penetraría por la costa oriental, de aquí la extensión de la voz catalana, que también pasó al sardo *cravellu*».

⁶⁷ Короминас специально не пишет об этом слове в значении ‘гвоздика-пряность’ (как будто оно само собой разумеется), кроме того, что оно может быть калькой кат. *clavell* (см. ниже), при этом вообще не упоминает *clavillo*.

⁶⁸ «*Clavel* [1555 [...] como nombre de la planta; 1582 [...] para la flor], gall. *caravel* ([...] pero port. *craveiro*), del cat. *clavell* ‘flor del clavel’ [1460; J. Roig [...]], llamada así por su olor análogo al del *clavell* ‘clavo de especia’ [1455], ac[erpción]. que a su vez procede del cat. ant. *clavell* ‘clavo de clavar’ (S. XIII) por comparación de forma; fué común dar al clavel el nombre del clavo de especias, en los varios idiomas de Occidente, adonde el clavel se extendió desde Italia a principios del Renacimiento; Colón [...] documenta el cat. *clavell* ‘clavel’ desde 1406; por otra parte hay un caso de *clavel* en el ms. O del Alex.».

⁶⁹ Именно этот год чаще всего фигурирует в работах по истории Dianthus как год первого его упоминания в Европе, например [Harvey 1978: 47], также даже в более новых работах. Складывается впечатление, что ис-

кат. *clavell* ‘*Dianthus*’ в ещё более раннем памятнике⁷⁰, и тут же отмечается, что *clavel* встречается и в испанской поэме XIII в. «Книга об Александре» (значение не дано). Последнее указание переворачивает этимологию с ног на голову: если исп. *clavel* ‘*Dianthus*’ — заимствование из каталанского XV в., то что же такое ст.-исп. *clavel* в XIII в.?

«Книга об Александре» (написанная, по разным версиям, между 1202 и 1250 гг.⁷¹) сохранилась в двух рукописных списках, в старшем из которых («О», конец XIII — начало XIV вв.) имеется форма мн. *clavels* в значении ‘пряность’, а в младшем («Р», XV в.) на этом месте — *clauos*. Приведём эту строфу по [LA] (восстанавливаем текст по примечаниям):

1463	O	<i>Ally son las espeçias el puro garengal</i>	Там пряности чистый калган
	P	<i>Ally son las espeçias el puro galingal</i>	Там пряности чистый калган
	O	<i>en ella ha gengiure clauels & çetoal</i>	В ней есть имбирь гвоздика и куркума
	P	<i>canela e gengiure clauos e çetual</i>	корица и имбирь гвоздика и куркума
	O	—	—
	P	<i>ençeñs e [ci]namomo balsamo que mas val</i>	фимиам и корица бальзам что больше сто́ит
	O	<i>girofre e nuez muscada e nardo que mas ual</i>	гвоздика и орех мускатный и нарды что больше сто́ит
	P	<i>girofre e nuez muscada e nardo natural</i>	гвоздика и орех мускатный и нарды натуральный

Ища логику в этимологии Короминаса, мы встаём перед выбором одного из вытекающих из неё объяснений: (1) ещё до XIII в. кат. *clavell* ‘пряность’ заимствовано в ст.-исп. *clavel*, а затем в XV в. это случилось ещё раз, но в значении ‘*Dianthus*’ (исп. *clavel*, 1555); (2) то же, но в XV в. произошло не заимствование, а калькирование (а это значит, что тогда ещё было живо исп. *clavel* ‘пряность’); (3) ст.-исп. *clavel* ‘пряность’ — не заимствование из каталанского, а его омоним ‘*Dianthus*’ заимствован или (4) калькирован из каталанского в XV в.

Беглый просмотр (весьма обширной) литературы на эту тему показывает, что общепринят только вариант (1). Кроме того, С. Дворкин специально уточняет, что ‘пряность’ — раннее заимствование из провансальского, а ‘*Dianthus*’ — позднее из каталанского [Dworkin 2012: 196 сн.]; это, видимо, вариант (3). Что касается необычной формы мн. *clavels* (выглядеющей как провансальская или каталанская) в «Книге об Александре», то Дворкин сообщает, что встретил в испанской рукописи (ветеринарный трактат, ок. 1300) ожидаемое испанское мн. *claveles* ‘пряность’ [там же]. Однако его заимствованность в «Книге об Александре», по-видимому, не должна удивлять, т.к. речь идёт о поэтических клише (среди которых в испанском немало инороманизмов)⁷², ср. тут же галлицизм *girofle*⁷³. Что касается каталанских памятников, то значение ‘пряность’ встречается довольно поздно (1455 по Короминасу), а в провансальских — рано, ср. ст.-пров. *clavel de girofle* (нач. XIII в.).

В каталанском «Зеркале» Ж. Роджа (1460) это слово обозначает в одном месте пряность (...*e desijosa* | *de fills cocebre*, | *clavells, gingebre* | *los feya pendre* ‘...и желая детей зачать, гвоздики, имбирь заставляла их принимать’) [Roig 1905: 80]⁷⁴, а в другом — бесспорно цветок (...*roses e flòs*, | *clavells, gesmir* | *hi creus collir* ‘розы и цветы, гвоздики, жасмин | тебе кажется, что там рвёшь’) [Roig 1905: 193]⁷⁵.

следователи читают эту статью у Короминаса только до этого места.

⁷⁰ Но Короминас этому как будто не доверяет и лишь осторожно ссылается.

⁷¹ Авторство и датировка этого текста — предмет оживлённых споров. Самую позднюю датировку (1250) даёт Короминас [Corominas I: XXXIII].

⁷² Впрочем, об этих клише в романских языках мы знаем из более поздних текстов. Здесь это может быть «экзотизмом».

⁷³ Нам непонятно, как через одно слово могут стоять полные (?) синонимы.

⁷⁴ См. romanes.org/pub/Caryo/Roig.80.pdf.

⁷⁵ См. romanes.org/pub/Caryo/Roig.193.pdf.

Ж. Колон сообщает не только о свидетельстве 1406 г., но и (в более новой работе) о ещё более раннем — в письме короля Арагона Хуана I (Охотника) жене (1392) [Colón 1993: 111 сн.]:

*Trametem-vos, molt cara companyona, II pomellets
que.us havem fets fer dels clavells que.us foren
trameses de Mallorques, de què.n ha VI tests ací en
lo terrat de la nostra cambra. Si.n volets, trame-
trem-vos-en les II, aquells qui millors hi sien.*

Шлём вам, дражайшая подруга, два букетика, кото-
рые мы приказали сделать вам из *clavells*, что
были присланы вам с Мальорки, каковых здесь
есть шесть ваз на террасе наших покоев. Если хоти-
те их, мы пошлём вам оба, те, какие лучшие есть.

По мнению Колона, этот текст свидетельствует о наличии в Европе садового цветка *Dianthus* уже в XIV в. (вопреки Вартбургу [FEW II: 448], не знавшему этих свидетельств и считавшему, что *Dianthus* ввели итальянские садовники в XV в.). Этому было бы трудно возра-
зить, будь у нас уверенность, что тут имелся в виду именно *Dianthus* (см. 2.2).

Впрочем, спустя полвека в испанском — намного раньше, чем исп. *clavel* в «цветочном»
значении (1555) — встречается *clavellina* (что упоминает и Короминас!), причём это совер-
шенно однозначно садовый цветок — у Иньиго Лопеса де Мендосы (маркиза Сантильяны),
3-й сонет (ок. 1439) [Santillana I: 261–262] (даём его полностью):

*Qual se mostrava la gentil Lavina
en los honrados templos de Laurencia
quando solepnizavan a Heritina
las gentes d'ella con toda femencia,
e qual paresçe flor de clavellina⁷⁶
en los frescos jardines de Florençia
vieron mis ojos en forma divina
la vuestra imagen e dina presença
quando la llaga o mortal ferida
llagó mi pecho con dardo amoroso:
la qual me mata en pronpto e da vida
me faze ledó, contento e quexoso;
alegre passo la pena indevida
ardiendo en fuego me fallo en reposo.*

Словно представала любезная Лавина [= Лавиния]
в почтенных храмах Лаврента,
когда славили Эрицину
народы её со всем рвением,
и словно является цветок *clavellina*
в прохладных садах Флоренции,
узрели мои очи в божественной форме
ваш образ и достойное присутствие,
когда язва или смертельная рана
язвила мою грудь копьём любовным:
коя меня убивает сразу и даёт жизнь,
меня делает счастливым, довольным и жалким;
весёлый отбываю кару незаслуженную
пылая огнём, нахожусь в покое.

Это явный каталонизм, поскольку в испанском языке отсутствует суффикс *-ina*. Более того, мы можем быть относительно уверены касательно его значения (видимо, ‘*Dianthus*’), ибо в арабско-испанском лексиконе Алькалы (1505) слово *caronfal* (как мы знаем по арабско-
му языку, в главном значении — ‘гвоздика-пряность’, но и ‘*Dianthus*’, см. 1.14) переводится как: *clavo de girofe, clavellina flor* [Alcalá: ...]. Это арабское слово не вошло впоследствии в испанский язык, но эта или подобная арабская форма (*qaronful), вероятно, заимствована в южно-итальянские *carònfulu* и т.д. (см. 1.7). Интересно при этом, что галис. *caraveliña* ~ *craveliña* ‘*Dianthus*’ оформлено исконным суффиксом (пересчёт?), а в порт. *cravina* как будто заимствован только суффикс⁷⁷.

Это подводит нас к галисийской форме *caravel* (в обоих значениях, при галис. *cravo* ‘гвоздь’), каковая не может не наводить на размышления. Весьма заманчиво усматривать в ней остатки иной праформы, нежели ‘гвоздь’. Например, можно представить себе некое *carofillu (а не *carófilu), которое бы дало этот рефлекс (пока абстрагируемся от окончания). Безотносительно галисийской формы эта мысль в зачаточной форме высказывалась касатель-

⁷⁶ В другой рукописи: *frol de cravellina* — с элементами леонской, астурийской или галисийской фонетики [Santillana I: 262].

⁷⁷ Впрочем, тут есть неясность: дело в том, что считающийся учёным суффикс порт. *-in-* — вместо обычного *-inh-* — всё-таки встречается в слове *pequenino* — уменьш. от *pequeno* ‘маленький’.

но порт. *cravo*: «возможно, грубое искажение греч. *k[ar]yóphyllon*, лат. *caryophyllu*»⁷⁸ [Nascen-tes 1955: 141]. До сих пор в романистике это остаётся лишь необоснованным предположением, которое, однако, тот же Короминас развивает в сноске к упомянутой статье: «однако нельзя отменить возможность того, что кат. и окс. *clavel(l)* ‘гвоздика (пряность)’ происходит из греко-лат. CARYOPHYLLUM > **carvel(l)* и что влияние CLAVUS лишь вмешалось на уровне народной этимологии; тогда исп. *clavo*, нем. *näglein* и т.д. — кальки кат.-окс. слова» [Corominas II: 99].⁷⁹ Это, безусловно остроумное, решение явно показалось Короминасу слишком смелым, поэтому он оставил его в виде побочной ремарки⁸⁰.

Это решение красиво объяснило бы «таинственное исчезновение» рефлексов *caryophyllum* на Пиренейском полуострове: тогда оно бы вовсе не исчезло, а просто слилось с другим словом (но не в галисийском). Но надо признать, что решение и впрямь, видимо, слишком смело. Дело в том, что на первый взгляд красноречивая форма галис. *caravel* на поверку оказывается непоказательной, поскольку *-a-* в первом слоге вполне может быть анаптиксой (вставным гласным).

В галисийском языке есть по крайней мере ещё одно подобное слово — *caravilla* ~ *cravilla* ‘болт, колок’ (опосредованное заимствование лат. *clavicula* ‘ключик’), соответствующее исп. *clavija* ‘тж.’. Это слово показывает старые колебания и в португальском: *caravelha* ~ *cravelha* ‘тж.’, ср. также позднюю гиперкоррекцию в другом слове: порт. *caravina* ~ *cravina*⁸¹ ~ *clavina* ‘карабин’ (XVIII в.). Впрочем, старых примеров такой анаптиксы в *cr-* в португальском, кажется, больше нет [Williams 1973: 111], как, вероятно, и в галисийском; однако ср. также порт. *crónica* ~ *caronica* (1344) ‘хроника’⁸².

Теперь вернёмся к ‘гвоздю’. Это слово в испанском, галисийском и португальском языках (но не в каталанском) показывает как будто нерегулярное развитие: ожидается лат. *clavus* > исп. **llavo [χ-], галис. **chavo [tʃ-] и порт. **chavo [ʃ-] (ср. лат. *clamare* > исп. *llamar* ‘звать’, галис. *chamar*, порт. *chamar*). На самом деле во всех трёх языках ‘гвоздь’ ведёт себя как раннее заимствование из латыни (или романского языка, например, каталанско-провансальского). Имеется целый ряд таких слов: больше всего их в испанском, ср. лат. *claru-* и исп. *claro* (не **llaro), порт. стар. = галис. стар. *craro* (не **charo, теперь *claro*); ср. ещё на другие приступы: *flore-* и исп., порт., галис. *flor* ‘цветок’ (исп. не ***llor*⁸³; ст.-порт. *chor*; галис. параллельная форма *chor*).⁸⁴

⁷⁸ «[T]alvez alteração violenta do gr. *kryóphyllon*, лат. *caryophyllu*» (с опечаткой вм. *karyóphyllon*).

⁷⁹ «No debe descartarse la posibilidad de que el cat. y oc. *clavel(l)* ‘clavo de especias’ venga del greco-lat. CARYOPHYLLUM > **carvel(l)* y que el influjo de CLAVUS sólo interviniera por etimología popular; entonces el cast. clavo, el alem. *näglein*, etc. serían calcos de la voz cat.-oc.».

⁸⁰ Впрочем, сторонники у этого решения есть. Так, на сайте «deChile» в «народном» этимологическом словаре [etimologias.dechile.net/?clavo] повторяется мысль Короминаса в качестве главной этимологии, однако без каких-либо новых обоснований.

⁸¹ Омоним *cravina* ‘Dianthus’.

⁸² Это необязательно именно анаптикса, т.к. в самом раннем памятнике, где это слово отмечено («Общая хроника Испании 1344 года») оно, причём в старейшем списке, выступает в виде *canonica* [Pedrosa 2012: 61, 11].

⁸³ Однако ст.-исп. *llor сохранилось в баск. *lore* ‘цветок’ [Agud, Tovar 1988: 43].

⁸⁴ В случаях наличия параллельных форм вопросов не возникает — одна из них признаётся народной, а другая латинизмом (т.е. заимствованием). Когда же народной формы нет, говорят о фонетических исключениях. Для них в испанистике введено понятие «замедленной эволюции» (исп. *evolución retrasada*), суть которого сводится к тому, что некоторые слова на некоей ранней стадии претерпели ожидаемую эволюцию лишь в языке низов, но в общеиспанском они задержались на стадии, бывшей им свойственной в языке высших сословий (*de las clases altas*) [Corominas II: 98]. В свете запутанной истории иберо-романских языков во всём их сложном взаимодействии это представляется вероятным. Однако также вероятно, что тут не обошлось и без «диатопического» компонента. Так, в арагонском лат. *cl-* сохранялось (араг. *clamar*), как в каталанском и мосарабском, тогда как западнее (т.е. в кастильском, астурийском, леонском, галисийско-португальском)

Итак, в галисийско-португальском на месте лат. *cl-* имеем: (1) *ch-* *[ʃ-] — народные слова; (2) *kr-* — полуучёные слова, заимствованные или до действия, или, по крайней мере, до конца действия замены **cl-* ⇒ *cr-*⁸⁵; (3) **kəl-* (?) > *car-* ~ *cr-* — кастильянизмы (точнее, испанские латинизмы) и каталанизмы, заимствованные, когда уже все полуучёные слова имели *cr-* (в т.ч. *cravo*); (4) *cl-* — новые латинизмы и т.п. Таким образом: *clavel* ⇒ *kəlavell > *caravel* ~ *cravel* и *clavija* ⇒ *kəlavilla > *caravilla* ~ *cravilla* (тогда *-ij-* ⇒ *-ill-* — пересчёт; то же относится к порт. *caravelha* ~ *cravelha*).

Всё это было бы уместно, если бы не наличие живых промежуточных форм в близкородственных народных идиомах, ср. соответствующую леонскую форму *calabia* ‘asa [рукоятка]’ [Pidal 1906: 165], сохраняющую кастильское *-l-* с анаптиксой.

В провансальском (где *clavel* ‘гвоздь’) пряность называется, как по-каталански: пров. *clavel (de girofle)* (с нач. XIII в.) [FEW II: 445] (со старым вариантом *clavelh*, совр. *claveou* [Honnorat I: 507]) однако только галлицизм *girouflada* ‘Dianthus’.

Итак, несмотря на отсутствие анаптиксы в галис. *cravo* ‘гвоздь’, оснований считать галис. *caravel* чем-то отдельным и древним нет — это, скорее всего, кастильянизм или каталонизм. Против возведения кат. *clavell* к *carofilu выступает и Колон [Colón 1993: 169 сн.].

В любом случае, даже если галис. *caravel* каким-то образом восходит к *carofillu, то смешение с ‘гвоздём’ случилось в каталанско-провансальском, ибо только там **-illu* дало бы кат. *-ell*, пров. *-el(h)* (что совпало бы с уменьшительным, как лат. *clavellus*, *clavillus* ‘гвоздик’ > кат. *clavell*). Тогда промежуточной формой могло бы быть только пров.-кат. *carve[ʎ], что, однако, сопряжено с фонетическими трудностями (ожидалось бы кат. **carovell). Без каталанско-провансальского посредства получилось бы исп. **carovillo, галис. **carovelo. К первой из этих форм близко исп. *clavillo* в значении ‘гвоздик; гвоздика-пряность’ (в памятниках во втором значении, видимо, не встречается), которое можно считать калькой с кат. *clavell*.

здесь имели место фонетические мены разной степени прогрессивности. Поэтому взаимодействие «сословий» должно было так или иначе быть связано с престижем восточных идиомов и непрестижностью западных. При этом, как известно, в испанском языке эта шкала по престижу в современной лексике наблюдается на двух уровнях (например, *ll-* и *cl-*), тогда как в португальском — на трёх (*ch*, *cr-*, *cl-*). В любом случае, всякая форма, не претерпевшая общенародного развития в устах высших сословий (и совпадающая с формой престижного языка — здесь языка церкви, т.е. латыни) должна считаться не чем иным как заимствованием. В связи с этим нельзя не упомянуть огромное количество церковнославянизмов в русском, которые на современном этапе развития славистики никому не приходит в голову считать более старыми формами по очевидной причине их изначальной принадлежности к другому языку (старославянскому), где фонетические изменения противоречат русским (прасл. *vortāti > ст.-слав. **вращати** ⇒ цслав. *врацѣтъ* : рус. *ворочать*, где русская форма никак не может быть рефлексом старославянской). В испанском же такого противоречия не наблюдается, что ведёт к этимологическим объяснениям в указанном духе. Как бы то ни было, для слова ‘гвоздь’ социологическое объяснение представляется излишним. Слово *clavus* ‘гвоздь’ во все эти языки легко могло войти в латинской (или иной романской) форме в связи с его частотным употреблением в библейском контексте, а не как главное название строительного гвоздя. Тогда это ожидаемый «полуучёный» латинизм (а не какое-то особое развитие). Это положение по-прежнему актуально в португальском языке. Читаем в португальской Википедии (статья «cravo»): [«*Cravo* первоначально — название, даваемое гвоздям, применяемым в подковах. Его основной особенностью, отличающей его от других гвоздей, является квадратная форма его тела, а также головка. Кроме того, это был еще тип гвоздя, используемый при распятиях, например, Иисуса Христа» [«*Cravo* é, inicialmente, o nome que se dá aos pregos usados nas ferraduras dos cavalos. Sua principal característica, que o difere dos demais pregos, é o formato quadrado de seu corpo e também da cabeça. Era, ainda, o tipo de prego usado nas crucificações, como a de Jesus Cristo»]. Это наивное суждение, как нам кажется, антиисторично и в языковом плане, поскольку диахронически первично распятие, а не подковы, но важно, что ассоциация носителя, возможно, выдаёт прежнюю регистровую принадлежность слова (в португальских словарях тоже даются отдельно именно эти значения: ‘ковочный гвоздь’, ‘гвоздь для распятия’).

⁸⁵ Само это правило возникло, когда завершился переход лат. *cl-* > порт.-галис. *ch-* (так что ***cl-* просто не было).

Отметим, что в значении ‘единичный бутон пряности’ невозможно кат. ***clavell (clau) de clavell*, как и, естественно, исп. ***clavo de clavo* (но частотно, особенно в старом языке, исп. *clavo de girofle* с галлицизмом). Это значит, что значение ‘гвоздик’ полностью заменено собирательным (но ср. в памятниках ст.-исп. мн. *clavel(e)s*).

В португальском же вообще нет суффиксальных производных, схожих с кат. *clavell*⁸⁶.

В испанской поэзии слова *clavel, clavellina* ‘Dianthus’ чрезвычайно частотны. Имеются примеры колебаний начальных *cl-* ~ *cr-* (уже в XV в., см. сн. 76), что несомненно отражает актуальный на то время факт живой речи в леонских (и частично в астурийских?) говорах, где произношение с *-r-* считалось простонародным [Pidal 1906: 167].

Как мы уже видели, в иберо-ромаских языках издавна в значении ‘пряность’ наряду с исп. *clavo [de especia/olor]* и т.п. употребляется и галлицизм *girofle*, в том числе и в современном испанском⁸⁷; старые варианты: исп. *girofle, girofe, girofre, girofla* [Gual Camarena 1981, 238], ср. также и порт. *cravo girofe* у Орты [Orta 1563: 364]⁸⁸.

Займствования из испанского или каталанского. В сардских диалектах имеется слово *cravellu* ‘гвоздика’ (в обоих значениях?). Оно считается займствованием формы на *cl-* из испанского или каталанского. При этом оно в качестве варианта сосуществует с луг., камп. *gravéllu* (а также камп. *graveđu*), нуор. *gravégliu* (т.е. [-lu]) [Rubattu 2006] — со звонким началом, которое считается результатом влияния синтаксической фонетики (озвончение и лениция после слов с гласным исходом в латыни) [Vidris 1978: ?], т.е., например, *crau de kravéllu* [kraɔ ðe ɣravellu] с обобщением на независимую форму *kravéllu* → *gravéllu*. Вообще, такое озвончение, по-видимому, не очень свойственно займствованиям.

1.9. Латинский язык

Первое античное свидетельство нашего слова в значении ‘пряность’ встречаем в «Естественной истории» Плиния Старшего (77 г. н.э.), причём в разных формах по спискам: в старшем списке VI в. — *caryophyllon*, затем: *gar[yophyllon]*, *carophillon*, *garioph[yllon]*, [*gario*]phyllon, [*gario*]fyllon, [*gario*]fillon, [*gario*]filon, [*gario*]filū [Plinius: 386]. Многими этимологическими словарями это толкуется как первое упоминание гвоздики, однако определить это наверняка невозможно — более того, нет никаких оснований считать это гвоздикой. Этот пассаж у Плиния нетривиален с филологической точки зрения и допускает разночтения, в результате, как нам кажется, приведшие к недоразумению. Впервые «Естественная история» напечатана в 1491 г.⁸⁹, после чего, по ходу обнаружения новых списков, неоднократно редактировалась, пока не приняла современный вид. Приведём полностью интересующее нас место в новейшей редакции 1909 г. (*Naturalis Istorica*, XII, 30–31 [Plinius 1909: 376])⁹⁰ с нашим по возможности буквальным переводом:

⁸⁶ Португальцы начали активную торговлю гвоздикой в начале XVI в., вывозя её в т.ч. с Цейлона; первые (?) свидетельства: см. [Dalgado 1919: 320; romanes.org/pub/Caryo/Dalgado.1919.320.pdf]. Вероятно, этим можно объяснить выражение *cravo da Índia* (букв. ‘гвоздь [из Индии]’, 1500). По-португальски о гвоздике (в форме диалога) подробно пишет Гарсия де Орта (1563) и, в частности, воспроизводит воображаемый спор о том, упоминает ли гвоздику Гален [Orta 1891: 360], см. romanes.org/pub/Caryo/Orta.359.pdf (о Галене см. 1.10).

⁸⁷ Ср. в испанской википедии: «Его бутоны (ещё не раскрывшиеся цветы) именуется *clavos de olor* или *girofles* и применяются как приправа в кухнях всего мира» [«Sus botones (flores que aún no se han abierto) secos se denominan clavos de olor o girofles y se usan como especia en las cocinas de todo el mundo»] [статья «*Syzygium aromaticum*»].

⁸⁸ См. romanes.org/pub/Caryo/Orta.359.pdf.

⁸⁹ См. romanes.org/pub/Caryo/NH.1491.XII.VII.pdf.

⁹⁰ См. romanes.org/pub/Caryo/NH.1909.386.pdf.

30. *Est etiamnum in India piperis grani simile quod vocatur garyophyllon, grandius fragiliusque. tradunt in Indico luco id gigni. advehitur odoris gratia. fert et spina piperis similitudinem praecipua amaritudine, foliis parvis densisque cypri modo, ramis trium cubitorum, cortice pallido, radice lata lignosaque, buxei coloris. hac in aqua cum semine excocta in aereo vase medicamentum fit, quod vocatur lycion.*
31. *ea spina et in Pelio monte nascitur adulteratque medicamentum. item asphodeli radix aut fel bubulum aut aptisinthium vel rhus vel amurca. aptissimum medicinae quod est spumosum. Indi in utribus camelorum aut rhinocerotum id mittunt. spinam ipsam in Graecia quidam pyxacanthum Chironium vocant.*

Есть ещё в Индии [нечто] похожее на крупинки перца, что зовётся *garyophyllon*, крупнее и хрупче. Сообщают, что родится в индийском лесу. Привозится ради запаха.

Несёт и колючка с перцем сходство чрезвычайной горечью, листьями малыми и густыми вроде *cyprus*, ветками в три локтя, корой бледной, корнем₁ широким и деревянистым, цвета самшита. Из него₁, в воде, с косточкой вываренного, в медном сосуде лекарство получается, которое зовётся *lycion*.

Эта колючка и на горе Пелион родится и подделывает лекарство.

Также корень *asphodel[us]*, или бычья жёлчь, или *apsinthium*, или *rhus*, или *amcura*.

Наигоднейший для лекарства — тот, что пенист.

Индийцы в бурдюках [из] верблюдов или носорогов его шлюют.

Колючку сию же в Греции некоторые *pyxacanthum Chironium* зовут.

Самые ранние комментаторы усматривали здесь именно гвоздику, в т. ч. Гарсия де Орта (1563) [Orta 1891: 360]⁹¹. Затем возникли сомнения; насколько мы можем судить, первое известное скептическое высказывание о нашем слове у Плиния принадлежит Карлу Клузиусу, который определил его как «*Atomum quorundam*» = (?) *Pimenta dioica/officinalis* (пимента лекарственная, ямайский перец)⁹² [Clusius 1605: 16–18]⁹³. Почти все последующие комментаторы тоже были уверены, что это вовсе не известное им растение *Caryophyllum aromaticum* (= совр. *Syzygium aromaticum*). Так, Ж. Далешан считал, что речь идёт о растении, которое Теофраст называл *comacum* [HN 1829: 23–24] (гр. *κόμακον*: возможно, это мускатный орех [Amigues 2005: 376]). Ж.-Ж. Скалигер писал (1607): «Было ли [*Caryophyllum*] известно Плинию, едва ли явствует из его Истории [...]. Ведь *Caryophyllum* ни крупинками не является, ни в чём-либо перцу не подобен»⁹⁴ [Scaliger 1607: 496], что повторил и Ж. Гардуэн (1723) [Plinius 1832: 31]⁹⁵.

Кажется, после Клузиуса из старых учёных только Клод де Сомез (Клавдий Сальмазий) (1668) выступал за отождествление Плиниевского *caryophyllum* с гвоздичным деревом, основываясь на том, что головку бутона гвоздики нередко отрывают от ножки, что придаёт ей сходство с крупинкой перца [Vincent 1807, II: 700–701]⁹⁶.

Комментаторы также спорят по поводу того, что Плиний назвал *lycion*, причём и здесь мнения расходятся радикально. Гардуэн: «Плиний бредит. Это описание *lycion* [род *Lycium*; дурья, сем. паслёновые] из Кападокии, Ликийи, и, как он говорит, на Пелионе родящегося. Индийская *spina lycii* [колючка дерезы], каковую *Ionchitin* называют, ветки прямые пускает, в три локтя или больше, **красно** толще, из корня многочисленные: листья **ароматные**; сломанная кора краснеет [...]

Таким образом, главный предмет споров — это то, какие именно два растения имел в виду Плиний в этом фрагменте. Между тем, из текста Плиния совершенно не видно, что речь идёт о двух разных растениях. Более того, во второй части (от слов *fert in spinis...*) описыва-

⁹¹ См. romanes.org/pub/Caryo/Orta.359.pdf.

⁹² Неверность этого суждения очевидна: во времена Плиния ямайский перец ещё не был известен в Европе (куда он завезён из Вост-Индии) [Sloane 1694: 464], см. romanes.org/pub/Caryo/Sloane.464.pdf.

⁹³ См. romanes.org/pub/Caryo/Clusius.16.pdf.

⁹⁴ См. romanes.org/pub/Caryo/Scaliger.495.pdf.

⁹⁵ См. romanes.org/pub/Caryo/NH.1832.31.pdf.

⁹⁶ См. romanes.org/pub/Caryo/Vincent.700.pdf.

ются колючки, листья, корень и т.д., а название *lycion* даётся только в конце следующего предложения (*hac in aqua...*) и относится вовсе не к растению, а к получаемому из него снадобью. Кроме того, *lycion* может быть не ботаническим термином, а просто прилагательным 'ликийское [лекарство]'.

В современных переводах обычно пишут что-то в духе: «Есть ещё и колючка, похожая на перец...», напр. [Pliny 1960, IV: 23], без каких-либо сомнений в логике повествования. Однако двусмысленность налицо (и мы нигде не встретили её обсуждения), причём разные читатели толковали это место или только так, или только иначе, ср., например: «Lycium у Плиния — лекарство, получаемое из Caryophyllon»⁹⁷ [Vincent 1807, II: 734].

Вероятно, конфуз всё-таки возникал у средневековых переписчиков — именно после *fert* по спискам имеются три варианта: *et spina* ('и колючка' или 'и колючкой', если это абл.ед. *spīnā*); *ed in spina* 'и в колючке'; *ed in spinis* 'и в колючках'. Вариант *spina* может трактоваться как новое подлежащее ('и [ещё одна] колючка'), но необязательно, ибо может быть и *spina* [*caryophylli*] 'колючка с.'. Остальные варианты тоже двусмысленны, но гораздо вероятнее прочтение 'и колючкой/колючками [*caryophyllon*] перцу подобно...'⁹⁸

Если так, то *caryophyllon* — это то самое растение с колючками (шипами), из которого готовят снадобье. Правда, далее опять непонятно: Плиний говорит, что эта же (?) колючка растёт и в Греции. Здесь уже, кажется, речь точно идёт не о *caryophyllon*, но между этой колючкой и предыдущей имеется как будто логический сбой. Как бы то ни было, абстрагируясь от ботанических соображений, можно сказать, что сам этот текст туманен, а видеть в нём именно гвоздику, действительно, пожалуй, нет никаких оснований. Однако, приняв, что описание колючего растения относится к *caryophyllon*, вероятно, можно надеяться понять, что это за растение.

Отметим, что по Плиниевому изложению понятно, что в его время латинского названия описываемого растения не было: он даёт греческую форму, видимо, излагая для латиноязычного читателя греческое научное знание.

Ещё один ранний (но малодостоверный) пример — в «Книге пап» (за 334 г.), где говорится о даре папе Сильвестру в 150 фунтов *cariophyllorum* [Liber Pontificalis 1602: 21; Laffitte 2009: 17 сн.]⁹⁹.

Следующее латинское свидетельство нашего слова (опять в неясном значении) — у Феодора Присциана (408 г.; однако, возможно, это лже-Присциан) [Priscianus 1894: 408]¹⁰⁰.

В VIII в. оно фигурирует уже в более понятном значении — в перечне пряностей в документе 716 г.: *...pipere lib. XXX, cumino lib. CL, cariofilo lib. II, cinamomo lib. V...* '...перцу 30 фунтов, тмина 150 ф., гвоздики 2 ф., корицы 5 ф. ...' [Pardessus 1849: 308–310; Laffitte 2009: 17]¹⁰¹.

Несмотря на семантические неясности, нельзя отрицать, что поздние лат. *cariofilum/gariofilum* очевидно восходит к чему-то близкому греческому слову, употреблённому Плинием. Видимо, именно эти формы (с древним колебанием начальной звонкости-глухости) дали ит.

⁹⁷ «Lycium, in Pliny, is a medicine derived from the Gartyophyllon».

⁹⁸ Другие важные разночтения по спискам: (1) *in Indico luco* 'в индийском лесу' (лат. *lūcus* 'священная роща', поэт. 'лес') : *Indica loto* 'от индийского *lotos*' (растение, но какое, неясно [Zumbroich 2012: 53]) : *Indica toto* (?) : *Indico loco* 'в индийском месте' (?); (2) *cum semine excocta* 'с косточкой вываренного' : *cum semine exserta* 'с косточкой вынутой' (здесь прямо противоположный смысл). Как видим, полагаться на филологическую обработку этого текста можно далеко не во всём.

⁹⁹ См. rromanes.org/pub/Caryo/LibPont.1602.20.pdf. В этом первом издании «*cariophyllorum*» вынесено на поля как вариант; в более поздних (критических) изданиях оно в тексте (как и многие отсутствующие в первом издании фрагменты). Полный текст в современном виде см.: thelatinlibrary.com/liberpontificalis1.html.

¹⁰⁰ См. rromanes.org/pub/Caryo/Priscianus.408.pdf.

¹⁰¹ Полное название документа: Diploma Chilperici II, regis Francorum, quo plurima dona confert monasterio Corbeiensi. Текст также на сайте: mlat.uzh.ch.

диал. *caròfulu*, *garòfolo* и т.д. (и уже на итальянской почве вторично *garòfano*). При этом, конечно, остаётся неясной потеря йотации *-rjō- > -ro-.

В позднюю латынь проникало и «новое» гвоздики букв. 'гвоздь', ср. в в нидерландской латыни *clavos gariophili* (1319) [LLNMA: 620]. Позже в латинском переводе труда Гарсии де Орты переводчик Клузиус пишет: «...гвоздику саму гвоздём зовут, ибо головку имеет наподобие гвоздя...»¹⁰².

Что касается нашего второго значения, то в средневековой латыни словом *gariofolata* называли гравилат, а не гвоздику (в частности, в Беллунском травнике, Италия, ок. 1415) [Harvey 1978: 53]. Именно в этом травнике, между прочим, находим самое раннее из дошедших до нас изображений гвоздики (*Dianthus*), причём названа она там *Oculus Christi* ('око Христова'), что очевидным образом перекликается с фр. *œillet* '*Dianthus*' [там же].

1.10. Греческий язык

Первое греческое свидетельство — у псевдо-Галена в труде «Περὶ εὐποριστῶν» («De remediis parabilibus», «О [лекарствах,] легкоготавливаемых»: *καρυόφυλλον* [Galen 1827: 461–462]¹⁰³. Гален писал во II в. н. э., а к какому времени восходит текст этого псевдо-Галена, мы не знаем; он может быть поздним переводом с арабского [Schumann 1884: 124]¹⁰⁴. Тем не менее приведем его здесь:

[Πρὸς σπλήνα.] Λαβὼν κυπαρίσσου χώνους κόψον εὐτόνωσ καὶ ἄλευρον ὀρόβινον λεπτότατον βάλε εἰς ὄζος καὶ ἔψε ἕως γένηται ὡς ἔμπλαστρον. ἐπιτίθει εἰς τὸν σπλήνα ἕως ἡμερῶν γ'. καὶ μετὰ γ'. ἡμέρας λῶσον καὶ εὐρήσεις τὸ ἔμπλαστρον πεπληρωμένον.
ἄλλο. Ἀμμωνιακοῦ θυμιάματος ἐναποβρέζας ὄξει σκιλλητικῶ ἐπὶ ἡμέρας γ'. καὶ λειώσας εἰς ράκος ἐπιθέσ καὶ μὴ λύσης, ἕως τὸ ἔμπλαστρον ἀποπέσῃ.
ἄλλο. ψύλλα συκάμινου χλωρά ψύζας ἐν σκιᾷ καὶ τρίψας ποίησον ξηρίων γραμμάρια δ'. καὶ μετὰ ὀλίγου πεπέρεως καὶ *καρυόφυλλον* μετὰ οἴνου ἀκράτου θερμοῦ εἰς ἔμβασιν δίδου πιεῖν.

[Для селезёнки.] Возьми кипариса ягод и хорошенько перетри и чечевичную муку как можно более мелкую в укус положи и кипяти, пока пластырем не станет. Прикладывай к селезёнке до 3 дней.

А через три дня сними и найдёшь пластырь наполненным.

Ещё. В капле нашатыря 3 дня растворив в укусе морского лука и намазав на тряпку, приложи и не убирай, пока пластырь не отпадёт.

Ещё. Листья тутовой шелковицы зелёные охладив в тени и высушив, порошка сделай 4 грамма, а потом с немного перца и *καρυόφυλλον* с вином неразведённым горячим в ванну пить дай.

Что это — непонятно. Всё, что можно с уверенностью заключить, — это что речь идёт не о перце, т.к. он упоминается отдельно [Lafitte 2009: 9]. Заметим, что по форме род.мн. *καρυόφυλλον* нельзя однозначно определить ударение им.ед. (традиционно *καρυόφυλλον*).

Это слово фигурирует в неясном значении в нескольких грекоязычных египетских папирусах медицинского содержания (в II–нач. III в.¹⁰⁵; в IV–V вв.¹⁰⁶; в VI в.¹⁰⁷, см. также [Donkin 2003: 112]). Возможно, оно встречается в «Александрийском тарифе» — списке продуктов (ок. 176 г.) [Donkin 2003: 134, прим. 80; Hoogervorst 2013: 67 сн.]¹⁰⁸.

¹⁰² «...Garyophyllum ipsum clauum uocant, quod capitatus sit in modum clau...» [Orta 1567: 103] (в оригинале порт. *cravo*), см. romanes.org/pub/Caryo/Orta.lat.101.pdf.

¹⁰³ См. romanes.org/pub/Caryo/Galien.461.pdf.

¹⁰⁴ Мы не углублялись в вопрос атрибуции этого текста; в некоторых новейших работах авторство Галена не подвергается сомнению (а проблема атрибуции даже не упоминается), так в [Donkin 2003: 112].

¹⁰⁵ См. papyri.info/ddbdp/p.horak::17r.

¹⁰⁶ См. papyri.info/ddbdp/p.alex::inv291.

¹⁰⁷ См. papyri.info/ddbdp/sb.14.12142.

¹⁰⁸ Самого текста мы не видели, а в изданиях, видимо, царит разноречие (обычно *aroma indicum*).

Затем *καρυόφυλλον* упоминается Филосторгием (ок. 425) как райское растение («то ли фрукт, то ли цветок»), так что значение опять неясно [Migne PG LXV: 1141]¹⁰⁹.

Следующее свидетельство — в VI в. в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова — в перечне товаров, увиденных им на Цейлоне [Indicopleustes 1909: 322]¹¹⁰:

Καὶ ἀπο μὲν τῶν ἐνδοτέρων, λέγω δὴ τῆς Τζίνιστα καὶ ἐτέρων ἐμπορίων, δέχεται μεταξὺν, ἀλοὴν, καρυόφυλλον, ζυλοκαρυόφυλλον, τζανδάναν, καὶ ὅσα κατὰ χώραν εἰσὶ· καὶ μεταβάλλει τοῖς ἐξωτέρω, λέγω δὴ τῆ Μάλῃ, ἐν ἧ τὸ πιπέρι γίνεται, καὶ τῆ Καλλιάνῃ, ἐνθα ὁ χαλκὸς γίνεται, καὶ σησαμινὰ ζύλα, καὶ ἕτερα ἰμάτια· ἔστι γὰρ καὶ αὐτὴ μέγα ἐμπόριον.

А из далёких, сиречь из Китая и других торговых [стран], получает шёлк, алое, *καρυόφυλλον* [= гвоздику?], *ζυλοκαρυόφυλλον* [= древесину гвоздичного дерева?], сантал и что в какой стране и переправляет на внешние [рынки], сиречь в Мале¹¹¹, где растёт перец, и в Каллиану, где добывается медь, сезамовые брёвна и одеяния, и она сама — большой рынок.

Это же слово встречается без описания в рецептах Александра Траллийского (VI в.) [Tralles I: 431; 613]¹¹² и наконец — уже гораздо информативнее — у Павла Эгинского (VII в.) [Aegineta 1924: 221]¹¹³ (где это уже совершенно точно гвоздика):

Καρυόφυλλον οὐ πρὸς τοῦνομα καὶ τὴν οὐσίαν ἔχει, ἀλλ' ἐκ τῆς Ἰνδίας οἶον ἄνθη τινὰ δένδρου καρφοειδῆ μέλανα, ὅσον δακτύλου σύνεγγυς τὸ μῆκος, φέρεται ἀρωματίζοντα καὶ δριμέα, ὑπόπι- κρα, θερμά τε καὶ ζηρὰ περὶ που τρίτης τάξεως· ἂ πολύχρηστά ἐστὶν ἐν ὄμοις τε καὶ ἐτέροις φαρμάκοις.

Καρυόφυλλον не по имени и сущность имеет, но из Индии [представляет собой] как бы цветки некоего дерева гвоздвидные чёрные, с палец примерно в длину, слывут [как] ароматные и острые, горьковатые, горячие да сухие в третьей степени, каковые многополезны суть в блюдах, а также других лекарствах.

Перейдём к форме. Слово *καρυόφυλλον* выглядит как сложение *κάρυο*[ν] ‘орех’ + *φύλλον* ‘лист’, что семантически вряд ли имеет отношение к гвоздичному дереву (и вообще к какому-либо воображаемому растению)¹¹⁴. Поэтому считается, что это заимствование из какого-то древнего восточного языка, переоформленное в духе народной этимологии (см. 1.13).

В византийский период рефлекс *καρυόφυλλον* как будто ещё живы, но трудно поручиться, что это не из латыни (?): *καρεόφαλον*, *καριόφηλον* [Langkavel 1866: 19], а также, видимо, турецкие и арабские формы (часть в значении ‘Dianthus’): *καρούφουλ*, *γαρούμφουλ*, *κορούμφουλ*, *καρομφίλ* [там же]; кроме того, *καραφίλι* (?), а также *καρεφύλλι* [Maidhof 1920: 11].

Новогр. *γαρύφαλλο* и т. п. (при синониме *μοσχοκάρφι*, букв. ‘мускатогвоздь’) считается заимствованием из итальянских диалектов, а именно венецкого (см. 1.7). От этих слов образовано (?): *γαριφαλιά*, *γαρυφαλλιά* (орфографические варианты), а также *γαρουφαλλιά* ‘Dianthus’.

Однако рефлекс *καρυόφυλλον*, похоже, сохранились, в греческих диалектах южной Италии («грико»): *karòfiddo*, *karòfaddo*¹¹⁵ ‘garofano’¹¹⁶ [Rohlf's 1983: 219]. Наличие в этих формах *-dd-* < **-ll-* может быть свидетельством их именно греческого (а не итальянского) происхождения, поскольку в итальянском удвоенный согласный после заударного слога едва ли воз-

¹⁰⁹ См. romanes.org/pub/Caryo/Migne.PG.65.493.pdf.

¹¹⁰ См. romanes.org/pub/Caryo/Cosmas.322.pdf.

¹¹¹ Имеется в виду Керала [Андронов 1993: 10].

¹¹² См. romanes.org/pub/Caryo/Tralles.431.pdf, romanes.org/pub/Caryo/Tralles.613.pdf.

¹¹³ См. romanes.org/pub/Caryo/Aegineta.221.pdf.

¹¹⁴ Отметим, что и само слово *κάρυον* ‘орех’ лишено надёжной этимологии [Chantraine II: 501; Frisk: 794–795; Beekes: 651].

¹¹⁵ Может быть, в этих формах начальный согласный напрасно дан Рольфсом как глухой (поскольку в италорумейском начальная глухость-звонкость почти не смысловоразличительна), т.е. вернее было бы писать *garòfiddo* (В.А. Панов, л.с.).

¹¹⁶ Речь, кажется, идёт только о Dianthus (судя по переводу *karofeddèa*, см. ниже), но можно предположить, что значение ‘пряность’ не отмечено Рольфсом случайно.

можен (по крайней мере, в современных диалектах, ср. ит. диал. *garòfalo* и т.п.). Впрочем, приводимая Рольфсом форма ит. диал. (Лечче) *kaddòfaru* [там же] может быть рефлексом **karòfallo* с метатезой плавных. Как бы то ни было, нигде в итальянских диалектах не засвидетельствован конец основы **-fil-* (при обычных *-fol-*, *-fal-*), каковой (**-fill-*) налицо в одной из двух форм ит.-гр. *karòfiddo*. Если это действительно греческий рефлекс, то важно, что здесь нет йотации, так что, возможно, исходной «греко-латинской» формой, лёгшей в основу народных названий гвоздики в поздней латыни, следует считать **karòfillum* > **garòfilu*.

Правда, всё это несколько подрывается тут же приводимым Рольфсом ит.-гр. *karofeddèa* ‘die ganze Pflanze [всё растение [Dianthus]]’, соответствующим новогр. *γαρουφαλλιά* ‘тж.’ (при вариантах с другим вторым гласным, см. выше). Если это не поздние параллельные образования (например, калька с новогреческого в итало-греческом), то следует поставить под сомнение выведение новогреческих слов из итальянских диалектов (тем более, северных), а связывать их с итало-греческими формами. Дело также запутывает ар. класс. *قرنفلية qaranffuliyya* ‘odeur de clou de girofle [запах гвоздики]’ [Dozy II: 340].

1.11. Новые индоарийские языки

Главное, повсеместно распространённое в Индии название гвоздики — рефлексы др.-инд. *लवङ्ग lavaṅga-* (см. 1.13).

В качестве источника гр. *καρόφυλλον* были предложены различные реконструированные древнеиндийские этимоны (см. 1.13). Созвучные формы имеются в двух южных индоарийских языках: сингальском и мальдивском.

Начнём с мальдивского слова *କରାଫୁଲ karanfū* ‘гвоздика’ (пряность). По-видимому, это очевидный арабизм (← ар. *قرنفل qaranful*). Конечное *-ū* < *-ul*, ср. с неопределённым артиклем *karanfulek* [Fritz 2001: 13] (об отпадении *-l* см. [Куликов 2011: 664]).

В сингальском имеем указываемые в словарях варианты *කරාබු krābu* ‘cloves; earring’, *කරාබු karābu* ‘clove tree’ [Clough 1892: 109, 142]; для обеих форм в [Белькович, Выхухолев 1970: 170, 220] даётся ‘мн., гвоздика (пряность)’ при *කරාබුවා karābuva* ‘серьга’. При этом морфологически *කරාබු karābu* — это ожидаемая форма мн. от *karābuva*. Формы *karabu* (видимо, с ошибочной краткостью) в значении ‘adornment; украшение’ даётся в [Geiger 1898: 22]; отсюда её даёт Тёрнер [Turner: 141 №2798] как прямой рефлекс др.-инд. **karabhūṣā* (‘рука’ + ‘украшение’) или заимствование из пали *karabhūṣā*. Помимо ошибки в долготе, это явно неверно и ввиду вероятной специфичности первичного значения ‘серьга’ (а не просто ‘украшение’, тем более для рук), а также соотношения основ в сингальском, типичного для относительно новых заимствований [Краснодембская 2011: 646].

В значении ‘гвоздика’ похожие слова представлены в южнодравидийских языках (см. 1.12), так что это может быть ареальным культурным термином¹¹⁷. Само сингальское слово

¹¹⁷ С другой стороны, в значении ‘серьга (особого типа)’ почти тождественные слова широко распространены в малайских языках. Т. Хоогерворст в своей книге [Hoogervorst 2013] даёт разбор различных рефлексов этого или подобных слов с реконструкцией направления заимствований. Так, он приводит малайск. *karabu* ‘ear-stud; серьга в форме гвоздики’, минангкбау *kurabu* ‘earrings; серьги’, ачехск. *krabu* ‘ear-stud’, тоба *kurabu* ‘a golden ear ornament’, мандаилинг *kurabu* ‘ear ornament’ [Hoogervorst 2013: 34]. Хоогерворст считает (с сомнением) все эти малайские слова постколониальным заимствованием из сингальского. Он также указывает, что из малайского это слово попало в нидерландский язык в виде ндрл. стар. *oorkrab* ‘индонезийская серьга’ (*oor* ‘ухо’), ср. определение: «Замечательное голландско-индийское слово, составленное из голландского *oor* [‘ухо’] и малайского *krabu*, сокращённого до *krab*. [...] Обычная серьга малайских и яванских женщин, называемая на низком яванском, или нгоко, *suweng*, на высоком яванском, или кромо [нгоко и кромо — регистры яванского языка], *sengkang*, не является ни кольцом, ни вешается на кольцо, но состоит из стержня или винта, который закрепляется в довольно большом отверстии, проделанном в ушной раковине, на передней стороне которого прикреплен ручка или диск, образующий само украшение, тогда как пластина или гайка,

කරාබු, කරාබු *k(a)rābu* иногда считают лузитанизмом, производя его из порт. *cravo* ‘гвоздь; гвоздика’ [Dalgado 1919: 320¹¹⁸; Hoogervorst 2013: 34]. При такой трактовке сингальскому языку (и тогда, видимо, и всему этому ареалу) отказывается в наличии старого слова, обозначавшего ‘гвоздику’ в доколониальные времена, тем более что в ранних памятниках оно не отмечено.¹¹⁹

Однако заимствование этого слова в сингальский из португальского представляется невероятным. Дело в том, что в сингальском имеется и вариант с «полуносным» (преназализованным) согласным කරාඹු *karāmbu*, насколько мы можем судить, не указанный в основных словарях, но встречающийся в старых работах в записи *karambu* [Khory, Katrak 1903: 264]¹²⁰, а также в современном языке¹²¹. Поэтому это скорее заимствование из тамильского (см. 1.12), а не из португальского. Кроме того, вероятно, португальское *cravo* дало бы синг. ****k(a)rāvuvva** (без перехода *v* в *b*)^{122, 123}.

Как синоним в значении ‘*Eugenia caryophyllata*, В.Р., *Caryophyllus aromaticus*, *Myrtus caryophyllus*’ в старых работах (достоверно ли?) приводится и синг. *krabugaha* (т. е., очевидно, *krābu-gaha* [Khory, Katrak 1903: 264]), ср. вторую часть синг. ගෘ *gaha* ‘корень дерева; комель’ [Белькович, Выхухолев 1970: 236], ‘tree, plant, shrub, stalk (of grass &c.)’ [Carter 2006: 206].

Наконец, нечто созвучное свидетельствуется в маратхи (и конкани): конк. *kālāphul* [Dalgado 1913: 66]¹²⁴. Правда, долгота в первом слоге здесь, кажется, ошибочна, а значение — на самом деле куда более общее: कळफूल *kaḷāphūl* n. ‘A certain bud dried and used as a drug. 2 Any bud-form flower’ [Molesworth 1857: 84]. Это слово имеет в маратхи совершенно прозрачную внутреннюю форму: कळ *kaḷā* ‘большой бутон’¹²⁵ + फूल *phūl* ‘цветок’. Первая часть — как в одном из предложенных как источник *καρυόφυλλον* санскритских сложений **kalikāphala-* (см. 1.13). Впрочем, значение здесь слишком туманно¹²⁶. Как бы то ни было, к порт. *cravo* или ар. قرنفل *qaranful* это вряд ли имеет какое-либо отношение, а скорее является соб-

---

прикрепленная сзади, предотвращает выпадение.» [«Een merkwaardig Nederlands-Indisch woord, dat uit het Hollandse oor en het tot *krab* afgekorte Maleise *kraboe* is samengesteld. [...] Het gewone oorsieraad van de Maleise en Javaanse vrouwen, in laag-Javaans of Ngoko *Soeweng*, in hoog-Javaans of Krômô *Sengkang* geheten, is geen ring, noch aan een ring gehangen, maar bestaat uit een spil of schroef die sluit in een vrij groot in de oorlel gemaakt gat, waarin aan de voorzijde de knop of schijf, die het eigenlijke pronkstuk vormt, wordt bevestigd, terwijl een plaatje of moer, aan de achterzijde aangebracht, het uitvallen verhindert»] [Veth 1889: 186–187].

¹¹⁸ См. romanes.org/pub/Caryo/Dalgado.1919.320.pdf.

¹¹⁹ В значении ‘серьга’ употребляется и लवङ्ग *lavaṅg* — так, например, в маратхи: ‘The clove tree, *Myristica* or *Eugenia* *Caryophyllata*. 2 A clove. 3 An ear-ornament of gold &c., in shape resembling a clove. 4 Wild Clove-tree, *Eugenia* *acris*’ [Molesworth 1857: 417] (см. также 1.14).

¹²⁰ См. romanes.org/pub/Caryo/Khory.264.pdf.

¹²¹ См. [youtube.com/watch?v=QGd-Wgp1JCA](https://www.youtube.com/watch?v=QGd-Wgp1JCA) (ролик «Department of Export Agriculture - කරාබු කොළ හැලීමේ රෝගයෙන් වගාව බේරාගනීම») [«...спасти посевы гвоздичного дерева от болезней листьев»]; в речи говорящих представлены оба варианта). Оба же варианта в значении ‘серьги’, см. si.wikipedia.org/wiki/කන.

¹²² У нас нет подходящих подтверждающих примеров заимствований в сингальский из португальского (см. en.wikipedia.org/wiki/List_of_Sinhala_words_of_Portuguese_origin), но ср. из тамильского: синг. *ilavuva* ‘death, funeral’ ← тамил. *ilavu* ‘death’ (см. en.wikipedia.org/wiki/List_of_Sinhala_words_of_Tamil_origin).

¹²³ Что касается малайских слов, то они обычно считаются прямыми заимствованиями из португальского, см., например, [Jones 2008: 169]. Это в какой-то степени озадачивает, т. к. значение ‘серьга’ широко представлено в Индии, а в португальском мы его не нашли (хотя [Dalgado 1913: 67 сн.] как будто приводит пример, но подтвердить нам его не удалось).

¹²⁴ Там приводится также вариант *kālāphur*, которого мы не нашли.

¹²⁵ कळ *kaḷā* m (कली S) A large कळी or bud: an ornamental bud-form knob (as that of the handle of चौफुला &c. &c.): a large कळी in some other senses. See कळी, of which word this is the intensive or enhancing form. 2 From कळी and used in all its senses [Molesworth 1857: 84].

¹²⁶ С долготой в *kālā-* буквальное значение было бы ‘чёрный цветок’.

ственно-индийским образованием с более или менее размытым (продуктивным, окказиональным?) значением.

1.12. Дравидийские языки

Слово लवङ्ग *lavaṅga-* распространилось из индоарийского также в дравидийские языки (ср. тамил. இலவங்கம் *ilavaṅkam*), где оно имеет более широкое значение, в т.ч. ‘корица’ [Lafitte 2009: 6; Zumbroich 2012: 50]. При этом, однако, в части дравидийских языков имеется ещё ряд слов с параллельным значением ‘гвоздика’, но не ‘корица’. Сначала рассмотрим слова из гнезда, уже затронутого в сингальском контексте:

тамил. கரம்பு *karāmpu* n. ‘clove; the clove-tree’ [UMTL: 745], கிரம்பு *kirāmpu* ‘clove’ [UMTL: 926] с.¹²⁷

малаялам കറയാമ്പു *kaṛayāmpu*, കറാമ്പു *karāmpu* (കര- *kara-*) ‘cloves, *Eugenia caryophyllata*’ [Gundert 1872: 216]; с мелкими отличиями (дефект записи у ГундERTA?): കരയാമ്പു *kaṛayāmpū* ‘тж.’, ഗ്രാമ്പു *grāmpū* ‘тж.’ [в т.ч. малаяльск. вики].

Именно эти слова уже давно приводятся как кандидаты на крайний этимон для гр. *καρυόφυλλον*, — кажется, впервые в [Dymock II: 21]¹²⁸ (где этот же источник предлагается для ар. *karanfal* [так!]), ср. также [Zumbroich: 2012: 52–53].

Итак, сосуществуют, среди прочих, две противоположные традиции: (1) усматривать источник греческого слова в дравидийских языках (обычно в работах, не имеющих дела напрямую с дравидийскими языками) и (2) считать дравидийские формы недавними заимствованиями из арабского (в т.ч. через урду) или португальского (благодаря курьёзному совпадению и то, и другое не выглядит невероятным).

Приведённые слова внешне выглядят как вполне дравидийские. Малаялам и тамильский разделились недавно, между IX и XIII вв. [Andronov 2003; 22 Krishnamurti 2003: 502], поэтому если это одно слово, то должна быть восстановима его праформа. Это, однако, не так: малаялам. *-ayā-* и тамил. (а также малаялам.) *-ā-* не могут быть регулярными рефлексам чеготлибо единого в «пратамилском» языке. Кроме того, и в пределах малаяльского имеется целая россыпь вариантов, в т.ч. полностью совпадающих с тамильским. Внутренней этимологии эти слова не имеют. В дравидистике они считаются очевидными заимствованиями и обходятся молчанием в этимологическом словаре [DED]. Их представленность (с вариантами и колебаниями) только в одной неглубокой южнодравидийской ветви (а также незасвидетельствованность в памятниках) ставит под большое сомнение их исконное происхождение, на каковом, тем самым, вряд ли имеет смысл настаивать. Варианты могут быть результатом колебаний при заимствовании, а также каких-то аналогий.

Как бы то ни было, мы, не имея достаточных познаний в истории дравидийских языков, не можем вынести окончательного вердикта по поводу этих слов (теоретически они вполне могут быть исконно дравидийскими — необязательно древними — образованиями), однако важно, что на *καρυόφυλλον* они и не очень похожи. Кажется, поиск многими исследователями именно в них источника греческого слова обусловлен в большей степени значением, чем формой.

Однако в тамильском и малаяльском имеется и ещё одно слово, более подходящее по форме (похожее на первую часть *καρυό-* греческого сложения):

¹²⁷ В этом словаре эти слова считаются заимствованиями из хиндустани (урду) *qaranful* (← ар. قرنفل, об этом слове в хиндустани см. также 1.14).

¹²⁸ См. romanes.org/pub/Caryo/Dymock.20.pdf.

тамил. கருவா *karuvā* с. 'cinnamon tree, Cinnamomum zeylanicum; cassia Cinnamon, Cinnamomum macrocarpum; clove tree, Eugenia caryophyllata' [UMTL: 765]; то же самое: கருவா *kruvā* 'the cinnamon tree, Cinnamomum aromaticum' [Winslow 1862: 96]; также в сложении: *karuvappu* 'тж.' [Rajapaksha 1998: 319]; малаял. കുറുവ *karuva* 'Laurus Cinnamomum' [Gundert 1872: 217]¹²⁹.

Здесь нам тоже неясно, насколько исконны эти слова ([DED] их не упоминает). Однако все приведённые формы выглядят неотличимо от собственно дравидийских; в частности, *karuvappu* может быть < пратамил. *karuvamppu (о реконструкции *-pp-* < *-mpp-* см. [Krishnamurti 2003: 171]), а также может быть сложением с тамил. பூ *pū* 'цветок' (неясна долгота).

Важно, что все эти слова (как и синонимичное тамил. இலவங்கம் *ilavaṅkam* и др.) обозначают не только 'гвоздику', но и 'корицу', т.е. семантическим ядром здесь является, видимо, 'пряность', а не то или иное дерево.

1.13. Древнеиндийский язык

Главное название гвоздики др.-инд. लवङ्ग *lavaṅga-* м. 'Syzygium aromaticum = гвоздичное дерево', с. 'гвоздика (пряность)' известно с I–II вв. н.э. в т.ч. в некоторых вариантах Рамаяны [Gonda 1932: 327–329; Turner: 637 №10977; Donkin 2003: 55; Zumbroich 2012: 49; Hoogervorst 2013: 68]. История этого слова туманна: видимо, это заимствование из малайских языков (в форме *lavay), закономерно видоизменённое в древнеиндийском.¹³⁰

В поисках же источника гр. *καρυόφυλλον* была предложена составная древнеиндийская форма **kaṭuka-phala-* (कटुक 'горький' + फल 'плод') [Weber III: 11; Maidhof 1920: 11; Chantraine II: 501]. Этот нигде не засвидетельствованный этимон на первый взгляд сомнителен фонетически. Впрочем, при учёте среднеиндийской лениции эта трудность снимается: др.-инд. कटुक *kāṭuka-* 'горький' > ср.-инд. *kaḍua-* (такие формы засвидетельствованы [Turner: 132, №2641]), что могло бы дать гр. *καρυ-*. Кроме того, в составе этого воображаемого сложения могла выступать неуменьшительная форма др.-инд. कटु *kaṭu-* 'тж.'

Вторая часто приводимая мнимая форма — **kalikā-phala-* (कलिका ж. 'бутон' + फल с. 'плод') [Donkin 2003: 112; Laffitte 2009: 11], которая, очевидно, хуже фонетически (из-за *-l-*). Однако мы видели, что сложение с практически той же первой частью представлено в маратхи (कळाफूल *kaḷāphūl*, где कळा *kaḷā* 'большой бутон' < **kalaka-*). Вторая часть сложения в маратхи — फूल *phūl* 'цветок', что перекликается с возможным толкованием дравидийских слов, ср. тамил. பூ *pū* 'цветок' (дравидийское *pū* и индоарийское *phulla-* [Turner 511: №9092] считаются этимологически несвязанными (?)) [DED: 384 №4345].

В древнеиндийском представлено ошеломляющее количество названий растений на *kar-*. Так, в словаре [BR] их более 30, причём многие из них имеют по несколько значений, а значения части из них не установлены. По-видимому, большинство из этих слов этимологически непрозрачны, причём часть опознаётся как дравидизмы (в дравидийском у них тоже, как правило, нет однозначной этимологии). Некоторые такие названия растений — сложения с прозрачной второй частью, ср. करिपत्र *karipatra-* м. 'N. einer Pflanze' (вторая часть — др.-инд. 'лист') [BR: 113].

Этот лексический фонд в какой-то степени можно считать обще-дравидо-индоарийским, причём ареал произрастания части этих растений (юг Индостана и Шри-Ланка) говорит в

¹²⁹ По работам (напр. [Zumbroich 2012: 52]) кочует также телугу *karavappu*, цитируемое по [Nadkarni 1954 I: 835; Khory, Katrak 1903: 264], однако в словарях мы этого слова не нашли, а в указанной книге Надарни явно много ошибок и неточностей.

¹³⁰ В настоящей статье мы не касаемся этого слова и вообще «доиндийского» положения дел, т.к. это не относится к интересующему нас вопросу происхождения европейских слов, приведших к русскому.

пользу дравидийского происхождения. Как бы то ни было, задача определения возможного источника гр. *καρύφυλλον* вырождается в поиск чего-то созвучного среди большого числа очень похожих названий растений (как дравидийских, так и древнеиндийских) с часто туманными значениями. Учитывая возможность народноэтимологического искажения на обеих сторонах, решение этой задачи предстаёт как чисто формальное, заведомо в какой-то степени нефальсифицируемое. В рамках такого понимания задачи мы можем высказать следующие чисто языковые соображения:

1. Значение ‘гвоздика’ не является исключительным для рассматриваемых слов в дравидийских языках (на деле выборка ограничивается тамильско-малаяльским). Если искать там источник гр. *καρύφυλλον* — в первую очередь исходя из туманного и сбивчивого описания Плиния — то как раз очень показательно, что значение ‘гвоздика’ выглядит как побочное у дравидов. Тогда у Плиния это не гвоздика, а что-то ещё (дело в пряности, а не в растении).

2. Найти в качестве источника древнего заимствования в греческий среди множества похожих форм наиболее созвучную (с учётом фонетической эволюции) — с одной стороны, тривиальная, с другой, — возможно, бессмысленная задача. Тем не менее, на эту роль явно в меньшей степени годится предлагавшееся ранее тамил. *கரம்பு* *karāmpu* (с вариантами), в котором легко заподозрить арабизм (как это, видимо, и считается в дравидистике), и в большей степени — сложение с тамил. *கருவா* *karuvā*, что (при индо-арийском посредстве или без него), кажется, могло бы дать *καρυο-* [kaɾuwo-], причём вторая часть гр. *-φυλλον* — это какая-то вторая часть сложения источника (ср. возможное сложение тамил. *karuvappu*, см. выше). Фонетически др.-инд. *फल* *phala-* ‘плод’ тут не годится, зато вполне годится *फुल्ल* *phulla-* ‘раскрывшийся цветок’ [BR: 1212]. Разумеется, это значение вступает в противоречие с тем, что речь идёт как раз о нераскрывшихся цветках, однако это вряд ли можно считать решающей помехой для принятия идеального соответствия *-φυλλον* : *-phulla-* ввиду маратхи *कळफूल* *kaḷāphūl*.

Исторически это можно толковать следующим образом. Дикорастущие на Цейлоне и юге Индостана растения (в т.ч. некоторые виды корицы) издревле в какой-то степени применялись для приготовления специй. Эти специи и, возможно, сами растения (иногда метонимически) назывались по каким-то продуктивным моделям. На рубеже эр некое такое слово типа дравидийско-среднеиндийского **karuvaphulla-* (причём вряд ли в значении конкретного растения) непосредственно попало в древнегреческий язык, что отражено у Плиния в виде *caryophyllon*, в неясном для нас значении. ‘Гвоздичкой’ это быть, скорее всего, не могло именно потому, что тогда она там не росла (а Плиний специально указывает его происхождение из Индии, если это не путаница в тексте).

Заметим, что есть примеры древнего заимствования названий пряностей в греческий из индо-арийского: *μαλάβαθρον* ‘какой-то вид корицы’, в форме мн. *τὰ μαλάβαθρα* ← *tamāla-pattra-* с. [Beekes: 896] (первый слог принят за артикль опр.мн.)¹³¹, ср. др.-инд. *tāmāla-* м. ‘*Xanthochymus pictorius* = гарциния красильная, сем. клузиевые’ [Turner: 323 №5690].

В какой-то момент (1-е тысячелетие до н.э.) на Цейлон в порядке торговли с малайцами стали попадать бутоны гвоздичного дерева. Происхождение этой специи долгое время оставалось там неизвестным, так что называться она могла (помимо заимствованного слова *lavaṅga-*) как-то окказионально. Кроме того, она могла заменяться приправами из местных растений, в результате чего названия могли путаться. В частности, гвоздика подверглась лексическому смешению с корицей.

К середине 1-го тысячелетия н.э. гвоздичное дерево, возможно, привилось на Цейлоне (и на юге Индостана) [Donkin 2003: 53] (см. 2.1). В результате, когда установилась торговля с

¹³¹ Интересно, что тут видно озвончение, т.е. *tamālapattra* > **tamalabattra* (что отражает раннесреднеиндийскую стадию), а также передача сочетания *-ttr-* как *-θρ-* с придыханием.

Европой, значение этого слова конкретизировалось в греческом (и латыни), но не потому, что было заимствовано ещё раз, а благодаря изменению «качества» самого продукта, который теперь был именно бутонами *Syzygium aromaticum*, собственно гвоздичного дерева (см. 1.14 о возможном арабском посредстве). В дравидийских же языках двусмысленность осталась. Она была преодолена только с появлением арабизма (если это арабизм), давшего современные однозначные названия типа тамил. கிராம்பு *kirāmpu* ‘гвоздика (а не корица)’.

1.14. Арабский язык

Арабский язык несколько выбивается из нашей линейной схемы движения от современности к древности, поскольку неясно, какое место занимает арабское звено в нашей истории (и занимает ли).

В арабском литературном языке оба наших значения ‘пряность’ и ‘*Dianthus*’ выражаются словом قَرْنَفُل *qaranful*. Традиционно это слово считается грецизмом (так в большинстве этимологических словарей разных языков¹³²), несмотря на очевидные фонетические затруднения.

Это общепринятое мнение решительно оспаривает Р. Лаффитт, реконструирующий лексическую историю гвоздики (пряности) следующим образом: древнегреческое слово *καρυόφυλλον* (у Плиния: *caryophyllon*) заимствовано из какого-то дравидийского источника — в значении какой-то пряности, но вряд ли именно гвоздики; арабское قَرْنَفُل *qaranful* независимо заимствовано арабами из того же или близкого дравидийского источника, но уже в значении ‘гвоздика’, после чего это арабское слово перешло к грекам в этом значении, причём перекрыло уже имевшееся созвучное слово *καρυόφυλλον*, тем самым как бы скорректировав его значение [Laffitte 2009: 15–16].

Дело в том, что в арабском языке слово قَرْنَفُل *qaranful* фиксируется с доисламских времён и встречается уже в муаллаке Имру-аль-Кайса (VI в.). Имеются некоторые споры касательно точности передачи и степени неприкосновенности этого текста [Имру’ аль-Кайс 2013: 24], однако наше слово в нём, по-видимому, фиксируется уверенно¹³³. Приведём оба стиха, где оно фигурирует (русский подстрочник Ф.О. Нофала [Имру’ аль-Кайс 2013]):

11. إذا قمتا تزوع المسك منهوما <i>idā qamatā taḍawwa‘a al-misk minhūmā</i> نسيم الصبا جاعت بریا القرنفل <i>nasiyma al-ṣibbā jā‘at biriyā al-qaranful</i>	Если вставали они, [то] распространялось благоухание мускуса от них [подобное] аромату гвоздик, принесенных Ас-Саба.
21. دعى البكر لاترثي له من رادفنا <i>da‘ī al-bakra lātartī lah min radafiya</i> وهاتي أديقينا جباة القرنفل <i>u-hātī aḍiqīnā janātan al-qaranful</i>	Оставь верблюда молодого и не жалуй ему из нашего уединения, но дай нам попробовать аромат гвоздик.

Первый из этих стихов неизменно даётся во всех изданиях, а второй — не во всех [Имру’ аль-Кайс 2013: 25 сн.]). Мы здесь не можем углубляться в источниковедческие проблемы, не владея темой, но само наличие в тексте слова قَرْنَفُل *qaranful*, насколько мы можем судить, у арабистов не вызывает сомнений. Сомнения, однако, вызывает его значение: ‘пряность’ или ‘цветок’. Вряд ли его можно с уверенностью установить по самому тексту. Традиционно комментаторы высказываются в пользу ‘*Dianthus*’, видимо, на основании суждения арабского

¹³² Отметим, что арабского этимологического словаря не существует.

¹³³ Например, в разборе разночтений по спискам [Jusoh et al. 2012: 1173] соответствующее место не обсуждается.

учёного XIX в. Б. Аль-Бустани, приводимого в словаре Дози^{134, 135}. Но и в более поздних текстах значение по-прежнему неясно; так, по-разному толкуется это слово и в поэзии XII в.

Облик слова *قرنفل qaranful*¹³⁶ не позволяет однозначно отвести версию его греческого происхождения, т.к. нун (-n-) может быть в нём морфологической вставкой. Кроме того, на арабской почве, возможно, имелись основания для народноэтимологического осмысления этого слова как сложения *قَرْن qarn* (мн. *قُرُون qurūn*) ‘рог’ + *فُل full* ‘Jasminum sambac = арабский жасмин’ (среди прочих значений), причём внешнее сходство арабского жасмина с гвоздикой (*قرنفل qaranful*) отмечал Ибн Сина (подробнее, в т.ч. о колебаниях гласных, см. [Laffitte 2009: 14]). Впрочем, всё это, видимо, никак не проясняет картины.

Имеется ещё одна этимология ар. *qaranful* (кажется, принятая в Индии), связывающая это слово с хинди *कर्ण-फूल karna-phūl* ‘жемчужные серьги в форме цветка’ [ХРС 1: 330] (прозрачное сложение скр. *कर्ण karna* ‘ухо’ + хиндустани *फूल phūl* ‘цветок’), ср. также фонетический вариант (?) *करन-फूल karan-phūl* ‘тж.’ (?)¹³⁷. В этом же значении имеется и арабизм *करन्फूल قرنفل qaranful*, могущий произноситься без арабских фонем: *karanphul*. Это созвучие, по-видимому, и привело к указанной народной этимологии, но важно, что серьги вообще могут называться в Индии тем же словом, что гвоздика-пряность (ср. хинди *लौंग laung*, а также санскритизм *लवंग lavaṅg* в обоих значениях; см. 117, 119).¹³⁸

Впрочем, найти созвучное древнеиндийское название дерева тоже, как уже было сказано, не составляет труда, ср. др.-инд. *कर्ण karna-* ‘ухо’, но также (в числе прочего) название растений: ‘Cassia Fistula = кассия трубчатая’, ‘Calotropis gigantea = калотропис гигантский’ [BR II: 122].¹³⁹

Ещё следует отметить, что обсуждаемому слову созвучно и ар. *قرفة qirfā ~ qarfā* (?) ‘корица’, которое, возможно, является более ранним арабским заимствованием из дравидийского, причём и в этом случае источник заимствования неясен, однако ср. всё то же тамил. *கருவா karuvā* ‘корица, гвоздика’. По-видимому, ар. *قرفة* ‘корица’ отражено в виде гр. *κάρφρα* ‘тж. (?)’ у Геродота.¹⁴⁰ Если так, то само по себе это лишь может означать, что ар. *قرنفل qaranful* ‘гвоздика’ считать грецизмом совершенно необязательно, ибо в арабском языке есть названия специй, скорее всего заимствованные из южной Индии. Что касается гвоздики-пряности, то для арабского можно предположить непрерывную традицию преемственности значения, т.е. ар.

¹³⁴ Толкование Дози (наряду с ‘clou de girofle’): «nom d’une fleur odoriférante, ordinairement rouge ou blanche, qui se trouve en abondance en Syrie; tel est le sens de ce mot dans la Mo’allaca d’Amro’l-kais» [«название душистого цветка, обычно красного или белого, который в изобилии имеется в Сирии; таково значение этого слова в муаллаке Имру аль-Кайса»], со ссылкой на словарь Бустани [Dozy II: 340].

¹³⁵ Значение ‘Dianthus caryophyllus’ для Имру аль-Кайса безоговорочно принимается в [Laffitte 2009: 13].

¹³⁶ Аль-Бируни приводит также вариант *قرنفول qaranful* [Бируни IV: 703].

¹³⁷ Перевод в этом же словаре: ‘золотые или серебряные серьги в форме цветка’ [ХРС 1: 326] (разные переводы даны по недосмотру?).

¹³⁸ Вот как арабизм *करन्फूल, قرنفل qaranful* толкуется в словаре [bharatavani.in]: «„гвоздика“ (ювелирное украшение, а не гвоздика-пряность) (это слово происходит от санскритского *कर्णफुल्ल karnaphulla*, оно распространено в Аравии полторы тысячи лет, что свидетельствует о древних отношениях Аравии и Индии) Декоративные украшения, носимые в ушах» [«लौंग, लवंग, (आभूषण विशेष, न कि मसाले की लौंग) (यह शब्द संस्कृत के ‘कर्णफुल्ल’ से बनाया गया है, और अरब में डेढ़ हजार बरस पहले से प्रचलित है, जिससे अरब और भारत के प्राचीन सम्बन्ध का पता चलता है।)] कान में पहना जानेवाला पुष्पाकृति का आभूषण।»]. Эта же версия приводится в [Singh, Singh 1983: 231]. Отметим, что скр. «*कर्णफुल्ल*» *karnaphulla*, — очевидно, реконструкция (или лже-санскритизм).

¹³⁹ Первое из них — важное дерево в культуре южной Индии, применяющееся в т.ч. в лечебных целях. Более того, допускается, что оно может быть источником древней «корицы», см. [Нав 2017: 12].

¹⁴⁰ Это слово понимают (неверно?) и как мн. от *κάρφος* ‘сухая щепочка, палочка’, ср. перевод этого места у Геродота: *τὰ κάρφρα τὰ ἡμεῖς κιννάμωμον καλεῖμεν* ‘сухие щепочки, т. е. полоски коры, которые мы называем корицей’ [Дворецкий 1958: 879].

قرنفل *qaranful* обозначало именно эту пряность, а в арабский язык это слово вошло, когда она была уже хорошо известна и не путалась, например, с корицей.¹⁴¹

В андалузском арабском встречаются формы *qurunful*, *qurunfalun*, *qaranful* в обоих значениях (если они верны) [Corriente 1997: 426]¹⁴², *caronfal* (см. 1.8).

В современных арабских диалектах, в т.ч. сирийском и магрибских, قرنفل *qaranful* (в разных местных огласовках) имеет оба значения: ‘пряность гвоздика’ и ‘растение *Dianthus caryophyllus*; гвоздика садовая’. Однако, как и в Европе, это слово относится и к другим цветущим растениям, ср. магриб. [qronfəl] ‘мыльнянка лекарственная, сем. гвоздичные’, а также с эпитетом: قرنفل الأرض *qaranful al-arḍ* (букв. ‘гвоздика земли’) ‘пажитник голубой, сем. бобовые’ (с сильным ароматом, применяется в т.ч. как приправа) и др. [Laffitte 2009: 19].

Заемствования из арабского. Арабское слово قرنفل *qaranful*, видимо, издавна употреблялось во всём мусульманском мире. В турецкий язык оно попало в виде *karanfil* (1069) *karenfil*, *karenfül* ‘пряность’ (значение ‘цветок’ — 1680) [Nişanyan Sözlük], откуда распространилось на Балканы, ср. приведённые выше сербохорватские, румынские и новогреческие формы (омонимичные в обоих значениях или с различиями в оформлении), а также алб. *karafil*, *karajfil*, *karanfil* (в обоих значениях). Возможно, южноитал. *carònfulu* и т.п. — арабизмы (см. 1.7).

Оно также употребляется в хиндустани (урду), откуда, возможно, попало в дравидийские языки (что, однако, точно установить нам не удалось, см. 1.12).

Заемствования из арабского в прочие семитские языки, а также во множество других языков (в т.ч. Африки) мы здесь приводить не будем (см. [Laffitte 2009: 10]).

Dianthus caryophyllus упоминается по-персидски в виде *gul-i-qaranful* букв. ‘цветок/роза гвоздики’ в 1515 г. [Harvey 1978: 52] (см. 2.3). Возможно, «гвоздичная» метафора породила (в языке одной из мусульманских стран) название ещё одного растения, отразившееся в рус. *калүфер* (см. 2.6).

2. Реконструкция и этимологии

Теперь пойдём от древности к современному русскому, а также более-менее подробно остановимся на других языках (для выяснения ряда этимологий).

2.1. Реконструкция истории названия пряности

Все вышеизложенное даёт приблизительную картину динамики распространения названий гвоздики-пряности, их заимствования и калькирования:

1. В конце 1-го тысячелетия до н.э. — начале н.э. на Шри-Ланке и юге Индии бытовали разнообразные в той или иной мере прозрачные продуктивные дравидийские (пратамильские?) названия (в т.ч. в виде сложений) местных растений, различные части которых применялись для изготовления приправ (и лекарств). Многие такие названия начинались на *kar-* (сама эта морфема многозначна); одним из них мог быть предок тамил. கருவா *karuvā* ‘корица’ (см. 1.12). Сложение с ним или с подобным словом типа **karuva-phullam* (где вторая часть = др.-инд. ‘цветок’, см. 1.13) на рубеже эр заимствовано в гр. *καρυόφυλλον*, переданное Плинием как лат. *caryophyllon* для обозначения какого-то экзотического продукта (см. 1.9).

¹⁴¹ Аль-Бируни (1040-е гг.) называет кору гвоздики قرفة القرنفل *qirfat al-qaranful* букв. ‘корица гвоздики’ (т.е. ‘гвоздичная корица’), причём тут же сообщает о сходстве запаха корицы и гвоздики, а также что «заменителем [гвоздики] служит [...] двухкратное количество *қирфат-аль-қаранфула*» [Бируни IV: 703, 704].

¹⁴² Ф. Коррьенте предупреждает, что значения названий растений наименее достоверны [Corriente 1997: X]. При этом он не даёт ни дат, ни точных ссылок на источники.

Самим дравидийским или древнеиндийским словом называлось какое-то местное растение, но оно же могло применяться и для обозначения завозной гвоздики-пряности (гвоздичное дерево *Syzygium aromaticum* в Индии не росло). Плиний же описывает (хоть и туманно) именно растение, а не только получаемый из него продукт. Сначала это могло быть окказиональное заимствование без чёткого терминологического значения. Определить, что имел в виду Плиний, пока не удалось (причём в его тексте имеются сильные искажения). Гвоздичное дерево тогда не росло за пределами «Островов пряностей» (Молуккских островов), однако сама пряность была хорошо известна в Индии под названием लवङ्ग *lavaṅga-* (см. 1.13). История этого слова, вероятно малайского происхождения, сложна и запутанна; здесь мы её не касаемся. Нам важно, что оно попало в дравидийские языки (ср. тамил. இலவங்கம் *ilavaṅkam*), вероятно, через среднеиндийское посредство, получив размытое значение ‘гвоздика; корица’, причём размытостью подкрепляется заимствованность как слова, так и предмета. Это может значить, что в дравидийских языках (и вообще на юге Индии) специального обозначения гвоздики не было, так что не следует его усматривать у Плиния.

2. К середине 1-го тысячелетия н.э. греки и римляне ближе познакомились с гвоздикой — по мере усиления торговли в т.ч. с Цейлоном, в которой участвовали и арабы. Возможно, в V в. гвоздичное дерево привилось в регионе, что может следовать из упоминания в поэме Калидасы его аромата, доносящегося из Малабара [Donkin 2003: 53]¹⁴³. В VI в. гвоздика (повидимому, это уже именно она) упоминается Индикопловом и Имру аль-Кайсом (см. 1.14). Источник арабского слова قرنفل *qaranful* надёжно установить не удаётся — оно может быть как грецизмом, так и независимым заимствованием из дравидийского (в конкретном значении), могшим повлиять и на значение в греческом (см. 1.14). Что бы ни означало *caryophyllon* у Плиния, к этому времени появляется чёткое представление о гвоздичном дереве.¹⁴⁴

3. В позднелатинском языке утверждаются дублиеты **kar(i)ófilu*, **gar(i)ófilu*. Неясным остаётся выпадение *-i-*. Эти народнолатинские формы (без *-i-*) наследуются итальянскими диалектами и французским языком (на *g-* и с неясным первым гласным, см. 1.6).

4. Крайне маловероятно, но всё же не исключено, что существовали параллельные формы типа **kar(i)ofillu*, **gar(i)ofillu* — с удвоенным *-ll-* и ударением на предпоследнем слоге (согласно латинским правилам), попавшие в иберо-романские языки (ожидаемая испанская форма — ***carovillo*) и смешавшиеся с рефлексам лат. *clavellus* ‘гвоздик’ (см. 1.8).

5. «Единицу измерения» гвоздики, т.е. один её сушёный бутон, стали метафорически называть словом ‘гвоздь’ или уменьшительным от него. Первое свидетельство (если достоверно) — средневерхнемецкое: *gariofili nelchin* (ок. 1170) букв. ‘гвоздик гвоздики’ (в этом примере первая часть — латинская). Позже — в провансальском *clavel* (XII в.), в испанском *clavel(e)s* (XIII в., провансализм?), без уменьшительности: ндрл.: *naghele* (1286, см. 1.5, исп. *clavo*, порт. *cravo* и др. (см. 1.8). В германских языках первая часть (собственно ‘гвоздика’) была факультативна и постепенно отпала совсем. Как видим, в германских и части романских языков рано распространилась одна и та же метафора, но в этих романских сразу (?) без старого названия **gariofilum* и т.п. (как уже было сказано, возможно, это не совсем случайно). Во французском утвердилось составное название (букв. ‘гвоздь гвоздики’) как основное.

¹⁴³ Об этом ничего нет в [Hoogervorst 2013: 66–67], где сказано, что гвоздичное дерево до нового времени росло только на Молуккских островах. Впрочем, и европейцы в начале XVI в. говорили о Молуккских о-вах как о единственном месте произрастания гвоздичного дерева [Donkin 2003: 4].

¹⁴⁴ Риснём предположить, что в Средние века этим словом могли называть, как и раньше, не только собственно гвоздику, но и её заменители, в т.ч. подделки (о них в XI в. писал Аль-Бируни [Бируни IV: 703]); возможно, с этим связано название гравилата (см. 2.2).

6. Не позже начала XV в. немецкая форма (а в самом немецком распространилась уменьшительная и сменившая род нижненемецкая форма за счёт верхненемецкой, см. 1.4) скалькирована в польский язык, дав *g(w)óździk*, мн. *g(w)óździki* (ср. *gozdzik*, 1419, *guozdzik*, 1472).

7. Эта форма в XV в. попала в восточнославянские языки, где к ней по-разному достроили форму ед. числа: блр. *гваздзік*, укр. стар. *гвоздік*, но рус. *гвоздіка* (см. 1.3, 1.2). При этом неясной остаётся ст.-рус. форма мн. *гвозднигы*, так что необходимо признать, что мы так и не выяснили, бытовало ли на Руси название пряности до появления полонизма.

Выше в ходе обзора по языкам мы дали сведения о названиях растений рода *Dianthus*, а также других растений, омонимичных или родственных названию гвоздики-пряности. Теперь сведём эти сведения воедино и представим вырисовывающуюся историю этих слов и значений.

2.2. Ранние названия растений по ассоциации с пряностью

Сначала в Европе словом 'гвоздика', т.е. в средневековых латинских формах *cariofilum*, *gariofilum* (а также в научном греческом написании *caryophyllum* и гибридном *garyophyllum*), называлась только дорогая заморская пряность (и экзотическое гвоздичное дерево).

Гравилат. Судя по памятникам, в Европе первым растением, обязанным своим названием ассоциации с гвоздикой-пряностью, был гравилат (прежде всего *Geum urbanum*, гравилат городской). 'Гвоздичным' средневековые европейские ботаники и медики его называли, поскольку из его корневища получали порошок, для каких-то нужд заменявший гвоздику (а в кулинарии, видимо, служивший для её подделки). В основу названия лёг эпитет лат. *gariofilāta ж., т.е. как бы 'прогвоздиченная' — с эллипсисом существительного, ср. раннее научное название гравилата *Radix caryophyllata*¹⁴⁵, рус. *гвоздичный корень*.

Это название возникло не в народной, а, например, в провизорской среде. Первое свидетельство — гибридная французская форма *galiophilee* (1268) (см. 1.6, 1.9). Название гравилата калькировалось в другие языки, ср. нем. *Nelkenwurz* букв. 'гвоздичный корень', а по-польски это передавали просто словом 'гвóздики' — *gvoszdyky* (1484). Можно предположить, что в языке немецких аптекарей латинизм *Kariofillat* '*Geum urbanum* = гравилат' [Langstedt 1805: 25] преобразовался в **grawilat(e)* ⇒ рус. *гравилат*¹⁴⁶ (это слово вошло в русскую научную номенклатуру); альтернативное название *гвоздичник* (и мн.др.). Неясно нем. *Garoffel* 'тж.' [Langstedt 1805: 25] (← ит. стар., диал. *garofolo* 'гвоздика?').

В галисийском гравилат называется в т.ч. тем же словом, что и *Dianthus* (см. *caravel dos campos* букв. 'гвоздика полей', см. 2.3); в части других языков 'гвоздика' — эпитет (ср. ит. диал. *erba garofano* букв. 'трава гвоздика', пол. *kuklik goździk* букв. 'гравилат гвоздика'). Весьма показательно исп. *clavelada*, производное от *clavel* (см. 1.8), выглядящее как народная форма вм. *caryophyllata* и т.п., что говорит о восприятии формы *clavel* как полной замены *cariofillu.

Левкой. По тому же принципу, что и гравилат, — вероятно, только на французской почве — были назван левкой (*Matthiola*) и желтофиоль (*Erysimum cheiri*, сем. крестоцветные), ср. фр. *girofflee* (1393) = совр. фр. *giroflée* 'левкой' (см. 1.6), с эллипсисом существительного (в т.ч. *violette* букв. 'фиалка', см. 1.6, отсюда женский род), причём в нынешнюю научную номенклатуру это наименование левкоя не проникло¹⁴⁷. Мотивация, насколько мы можем судить,

¹⁴⁵ Ср. также синоним *Caryophyllata montana* L. при обычном современном названии *Geum montanum* L. (гравилат горный).

¹⁴⁶ Иногда приводимый вариант *гравилат* [Аникин 11: 350], возможно, фиктивен.

¹⁴⁷ В старой русской терминологии *Matthiola annua* называлась в т.ч. *гвоздичная фиалка* [Анненков 1878: 209] — калька со старого французского названия *violette giroflée* '*giroflée ordinaire*' ['левкой обыкновенный']

не очень ясна, но ср. у Вартбурга: «Именем гвоздики в средневековье были названы различные растения, имеющие похожий запах и частично, как гвоздика, уже в древности использовавшиеся как приправа к напиткам, заменитель чая, а также как лекарство; это относится к левкою, [...] вечернице и нек. др. [...]. В основе лежит, в основном, (*herba*) *gariofilata* „(растение) с запахом гвоздики“. *Dianthus* [...] в средневековом саду не обнаружен. Садовая гвоздика, видимо, стала известна гораздо позже» [FEW II: 448].¹⁴⁸

Займствовано (впрочем, скорее всего форма *gelofer*, а не *giroflée*, ср. также ср.-фр. *giroflour*, см. 1.6)¹⁴⁹ в английский: *gillofloure* (1536), *gelofer* (1538) в неясном нам значении (‘левкой’ или ‘*Dianthus*’), совр. *gilliflower* обычно ‘левкой’ (в т.ч. с эпитетами: *stock gilliflower* ‘левкой; желтофиоль’, последний также *wall gilliflower*, однако устар. *clove gilliflower* ‘*Dianthus*’) [Harvey 1978: 47]¹⁵⁰.

Копытень. В польских памятниках *gozdyky* (1419) означает в т.ч. ‘*Asarum europaeum* L. = копытень европейский/обыкновенный, сем. кирказоновые’. Здесь налицо неизвестная нам научная мотивация, т.к. именно этот вид назван *gariofilus argrestis*, *gariofilata agrestis* (‘...полевая’) в английских списках XVI в. [Harvey 2003: 55 n. 2].

Дадим распределение по языкам¹⁵¹:

семейство	род (вид)	кат.	порт.	галис.	исп.	ит.	фр.	англ.	ндрл.	нем.	пол.	укр.	рус.
розовые	<i>Geum urbanum</i>		+^	+	+^	+^ (+)			+...	+...	+† (+)	+^	+^
крестоцветные	<i>Matthiola</i> , <i>Erýsimum</i>				+^		+^		+				
кирказоновые	<i>Asarum europaeum</i>										+†		

2.3. Реконструкция истории названий растения *Dianthus*, связанных с пряностью

«Гвоздичные» эпитеты, по крайней мере с XIII в. (в ряде языков по «новому» типу, т.е. словами ‘гвоздь’, ‘гвоздик’), в т.ч. как единственные названия, уже применялись к некоторым растениям (по крайней мере, к гравилату и левкою). Что касается гвоздики (*Dianthus*), то о ней до этого времени, по большому счёту, неизвестно ничего, кроме множества вымыслов¹⁵². Прочитируем по этому поводу В.С. Полилову: «Цветы-гвоздики распространены в Европе с

[Seve 1819: 78] с конца XIV в. (см. 1.6), причём актуального до XIX в.

¹⁴⁸ «Nach der gewürnelke wurden im Mittelalter verschiedene pflanzen benannt, die einen ähnlichen geruch haben und z. t. wie die gewürnelke bereits im altertum zum würzen von getränken, als teesurrogat und auch als heilmittel verwendet wurden, so der lack und die levkoje [...], die nachtviole und einige andere [...]. Zugrunde liegt meist ein (*herba*) *gariofilata* „mit nelkengeruch versehene (pflanze)“. *Dianthus* [...] ist für den mittelalterlichen garten nicht nachgewiesen. Die gartennelke ist offenbar erst viel später bekannt geworden».

¹⁴⁹ Это можно считать калькой, т.к. в английском тогда было слово (*clowe-*)*gilofre* ‘гвоздика-пряность’. Именно это значение следует прочитывать у Чосера (а не названия садовых цветов) [Harvey 2003: 48–49]. Последнее довольно очевидно по тексту Чосера и без знания исторического контекста.

¹⁵⁰ Харви неожиданно пытается вывести *gilli[flower]* из исп. *alhelí* ‘левкой’ (← ар.) [Harvey 2003: 51], что, по-видимому, абсурдно ввиду полной тождественности значений и форм во французском, а также наличия ровно этого слова в тогдашнем английском в значении ‘пряность’. Кажется, он пытается обойти французское влияние в вопросе этимологии *gilliflower* (если мы правильно поняли).

¹⁵¹ Обозначения:

+ то же слово, что гвоздика-пряность

(+) то же слово в качестве эпитета

+... то же слово с эпитетом

+^ суффиксальное производное названия пряности

† при любом знаке означает, что данное название зафиксировано только в памятниках

¹⁵² Гвоздика обросла «лжемифами», в первую очередь, кажется, во Франции, где они давно повторяются разными авторами, ср. их уверенное изложение под видом исторических фактов в [Morren 1851: 98–100; Strantz 1875: 197–199].

глубокой древности, однако у нас нет никаких прочных сведений об этом растении вплоть до Средних веков: если для множества трав и цветов (розы, гиацинта, лилии, нарцисса и пр.) без сомнений устанавливаются древнегреческие и латинские названия (они встречаются во множестве литературных и нелитературных текстов или даже фигурируют в мифологических сюжетах), то все сообщения об античной гвоздике чрезвычайно непрочно и опираются на смутные догадки и предположения. В большинстве новейших описаний под влиянием К. Линнея и его номенклатуры [...] в качестве гвоздики античного мира называется цветок *Διὸς ἄνθος* ('цветок Зевса', 'божественный цветок'). Это сочетание встречается в „Исследования о растениях” Теофраста (ок. 300 г. до н. э.) [...] и обозначает цветущее летом растение, употреблявшееся для плетения венков и не имеющее запаха» [Полилова 2019: ...].

Таким образом, это вряд ли гвоздика. Однако в 1738 г. К. Линней искусственно и произвольно преобразовал гр. *Διὸς ἄνθος* в лат. *Dianthus*, дав это имя роду, который, по его (видимо, неверному) мнению, имел в виду Теофраст. До этого гвоздика (цветок) и гвоздичное дерево в научной номенклатуре назывались одинаково: *Caryophyllus* (в т.ч. *C. domesticus* 'Dianthus', *C. aromaticus* 'пряность'); именно во избежание путаницы Линней ввёл фитоним *Dianthus* [Полилова 2019: ...], разведя научную и народную номенклатуру.¹⁵³

Ко времени Линнея ассоциация гвоздики-цветка и гвоздики-пряности была совершенно устоявшейся и в науке, и в живом языке. Однако, как показал наш обзор, это положение сложилось не раньше XIV в. До этого дикорастущие виды гвоздики, многие из которых эндемичны в Европе, назывались различными народными фитонимами (о которых мы почти ничего не знаем), никак не связанными с названиями пряности.

Вероятнее всего, положение поменялось в XIV в. с введением в садоводческую культуру Европы садовой гвоздики (*Dianthus caryophyllus*), т.е. культивируемого декоративного цветущего растения, довольно быстро вошедшего в моду, что получило отражение в западноевропейских языках. В работе Дж. Харви предполагается, что это растение в Европу было занесено с Востока, на том основании, что «в виде *gul-i-qaranful* 'гвоздичная роза' или 'гвоздичный цветок', она [гвоздика садовая, *Dianthus caryophyllus*] была включена Касимом ибн Юсуфом абу Насри Харави в его трактат, написанный в Герате в 1515 г. н.э., и описана как имеющая как махровую („столистную”), так и немахровую формы, белого, печеночного и рубинового цветов. Это, очевидно, подразумевает длительный период предшествующего окультуривания на Востоке, не имевший никаких аналогов в Западной Европе до того времени»¹⁵⁴ [Harvey 1978: 52].¹⁵⁵

¹⁵³ О том, что *Dianthus* — это произвольное сокращение Линнея, он сам сообщает в явной форме: «Название *Caryophylli* — общее для двух родов, поэтому оно должно быть сохранено для ароматического и лекарственного дерева и должно быть исключено [для садового цветка?], с чем согласны [Иоганн Якоб] Диллениус и [Генрих Бернгард] Рупп. Название *Tunica*, введенное вместо *Caryophylli*, [мне] не нравится, ибо [слово] „туника” понимается простонародьем как одежда, врачами — как оболочка тела. Среди синонимов ничего не нахожу годного, кроме имени, Теофрастом, как считается, этому роду наложенное, а именно *Flos Jovis* или *Dios Anthos*; поскольку же *Diosanthos* немного труднопроизносимо, я говорю *Dianthus* для краткости» [«Nomen Caryophylli commune est cum duplici genere, retineatur itaque in aromatica arbore, & officinali, ac excludatur hic consentiente Dillenio & Ruppio. Tunicae nomen introductum in loco Caryophylli non placet, cum tunica vulgo sumatur pro vestimento, medicis pro tegumento corporis. Inter synonyma nulla reperio opta praeter Theophrasti nomen, huic generi, ut creditur, impositum, Flos Jovis seu Dios anthos dictum; cum autem Diosanthos parum dure exprimitur, Dianthum per compendium dico»] [Linnaeus 1737: 165], подробнее см. [Полилова 2019: ...].

¹⁵⁴ «As the *gul-i-qaranful*, 'clove rose' or 'clove flower', it was included by Qāsim ibn Yūsuf abu Naṣrī Haravī in his treatise written at Herat in A.D. 1515, and described as comprising both double ('100-leaved') and single forms, in the colours white, liver-coloured and ruby. This evidently implies a long period of earlier improvement in the East, not paralleled by anything evidenced in western Europe before that time».

¹⁵⁵ В результате вывод Харви гласит: «The garden forms of Carnation were known both in Turkey and the Middle East, and also in western Europe by 1500 but not a great deal earlier. Among the Turks and Persians it appears as a

Первое свидетельство садовой гвоздики (?) в Европе — каталанское *clavell* (1392). На Востоке — *gul-i-qaranful* букв. ‘цветок гвоздики’ (персо-арабский гибрид, 1515). К этому же времени относится ценное свидетельство Педро де Алькалы (1505) о наличии в испанском слова *clavellina* ‘*Dianthus*’, отличного от *clavo de girofe* ‘пряность’ при омонимии в арабском *caronfal*, а также ещё раньше у Сантьяны (1439, см. 1.8). Можно думать, что именно в XV в. садовая гвоздика распространилась по всей Западной Европе, причём везде получила названия, связанные с пряностью. Если так, то очевидно, что семантический перенос ‘пряность’ → ‘цветок’ не имел место в пределах каждого из европейских языков, а был принят в готовом виде из какого-то одного языка.

Садовая гвоздика получила в Европе несколько типов наименований:

- (а) тождественное «старому» названию пряности (из *gariofilum* и т.п.) — полная омонимия: ит. *garòfano*, *garòfalo* и др. (отсюда в зоне итальянского влияния: схрв. *garòful*, возможно, новогр. *γαρούφαλο* и др., см. 1.7), фр. стар. *gérofle* (отсюда в зоне французского влияния: нидерл. стар. и фламанд. *genoffel* и др.; видимо, именно это слово скалькировано в англ. *clove* [pink], см. 1.6);
- (б) достроенные к «старому» названию суффиксальные производные: только новогр. *γαριφαλιά* (само производящее, возможно, заимствовано из итальянского, см. 1.7);
- (в) тождественное «новому» названию пряности (‘гвоздь’, ‘гвоздик’) — полная омонимия: кат. *clavell* (отсюда исп. *clavel*, галис. *caravel*, если это не рефлекс «старого» названия, см. 1.8), порт. *cravo*; нидерл. *nagel(bloem)*, нем. *Nelke* (отсюда в зоне немецкого влияния: словен. *nágelj* и др.; кальки: пол. *g(w)óździk*, схрв. *klinčić*, словен. *klinček* и др., см. 1.4; из польского: вост.-слав. *гвоздикъ*, см. 1.3);
- (г) достроенные к «новому» названию суффиксальные производные (только иберо-романские): кат. *clavellina* (при *clavell* в том же значении, тип (в)) и т.д.;
- (д) совсем другое слово: фр. *œillet* букв. ‘глазок’ (очевидно, сначала наряду с *gérofle* и т.п., тип (а), см. 1.6); ндрл. *anjelier*, *anjer* (наряду с типами (а) и (в), см. 1.5).

Распределение по языкам (звёздочка * — слова, не связанные с пряностью, см. 2.4):

семейство	род (вид)	кат.	порт.	галис.	исп.	ит.	фр.	англ.	ндрл.	нем.	пол.	укр.	рус.
гвоздичные	<i>Dianthus caryophyllus</i>	+ + [^]	+ + [^]	+ + [^]	+ + [^]	+	+ [†] *	+ *	+ *	+	+	+	+
	<i>Dianthus</i> др. виды	+	+	+	+	+	*...		+	+	+	+	+

Только тип (а) представлен в восточных языках: ар. قرنفل *qaranful*, тур. *karanfil* (отсюда в зоне турецкого влияния: схрв. *karànfil* и др.). Этим в какой-то степени поддерживается мысль Харви о том, что метафора возникла именно в мусульманском мире.

common symbol in art at a time when it was only infrequently portrayed in the West. Such evidence as is available agrees with cultivation and general distribution throughout Eastern Islam, but there is some evidence indicating that Turkish gardeners were actively working on the plant after the Ottomans had pushed westwards into Serbia, Bosnia and Hungary. Contrary to general modern supposition [...] the Carnation is not an ancient but a relatively modern addition to the garden flora. It was probably developed within the Turkish kingdoms quite late in the Middle Ages and brought to the West only after the Ottomans had crossed into Europe at the Dardanelles in 1353» [«Садовые формы гвоздики были известны как в Турции, так и на Ближнем Востоке, а также в Западной Европе к 1500 году, но не намного раньше. Среди турок и персов гвоздика — распространённый символ в искусстве, когда как на Западе его изображали нечасто. Имеющиеся сведения согласуются с разведением и распространённостью во всем восточноисламском мире, но есть и свидетельства того, что турецкие садоводы активно работали над этим растением после османского натиска на запад на Сербию, Боснию и Венгрию. Вопреки общему современному представлению [...] гвоздика — не древнее, а относительно современное дополнение к садовой флоре. Вероятно, она была выведена в турецких королевствах ближе концу Средних веков и завезена на Запад лишь после того, как османы в 1353 году через Дарданеллы перешли в Европу»] [Harvey 1978: 54].

Впрочем, как уже было сказано, речь всё же, возможно, идёт не о метафоре, а о вычленении эпитета из выражения типа ‘цветок гвоздики’ (перс. *gul-i-qaranful*). Это возвращает нас к наблюдению о неожиданной полисемии слова *caravel* в галисийском (см. 1.8). Вероятно, нельзя исключить, что в галисийском народном языке запечатлелось архаичное положение вещей, при котором название приправы (а не производные от него) распространялось на более широкий круг растений, чем впоследствии. Бросается в глаза название гравилата (*caravel dos campos* букв. ‘гвоздика полей’ наряду с более привычным *herba caraveleira* ‘гвоздичная трава’); как мы видели выше, это восходит ко времени задолго до появления садовой гвоздики. Что касается ассоциации с розой, то это может быть отголоском чего-то параллельного упомянутому персидскому составному выражению (ср. перс. گل *gul* ‘цветок’, но также ‘роза’, в т.ч. без эпитетов)¹⁵⁶.

Как бы то ни было, это само по себе в какой-то степени подрывает тезис Харви о восточном происхождении садовой гвоздики. Повторим, что его доводы зиждутся на более чем шатких основаниях, а именно — на одном персо-арабском упоминании махровых цветков гвоздики 1515 г. (см. выше). При этом, однако, уже в 1392 г. (т.е. более, чем на век раньше) этот (?) цветок упомянут в каталанском письме, в 1439 г. — в испанской поэзии, а в 1505 г. — в арабо-испанском лексиконе (откуда может следовать, что испанский каталанизм *clavellina* обозначал в т.ч. тот же садовый цветок в не меньшей степени, чем арабское *caronfal*¹⁵⁷). В турецком же *karanfil* в значении ‘цветок’ встречается только в 1680 г.

Итак, если принять, что высокая садоводческая культура возникла в мусульманском мире (что, кажется, не подлежит сомнению), но при этом учесть хронологию и географию упоминания (садовой) гвоздики (которая в Испании не упоминается в т.ч. в арабском травнике 1348 г. при представленности там левкоя [Harvey 1978: 47]), то, пожалуй, напрашивается мысль о единственно возможном таком сочетании (ислама и иберо-романских языков) — Андалузии. Как известно, в VIII–XV вв. она была арабской, а среди говоривших по-мосарабски имело место массовое двуязычие. Поэтому, возможно, и не стоит удивляться отсутствию упоминаний садовой гвоздики на Востоке раньше, чем на Западе. Теперь более или менее ясно, что этот цветок не был известен ни в раннесредневековой, ни, тем более, в античной Европе, а миф о его важной роли в древней европейской культуре возник благодаря целому ряду недоразумений (а также, косвенно, терминологическому нововведению Линнея). Не исключено, что и восточная предыстория цветка — такое же недоразумение (в т.ч. из-за неверного толкования слова у Имру Аль-Кайса). Если так, то центром распространения садовой гвоздики и её названий следует считать Мусульманскую Испанию, точнее — Гранадский эмират.

Возможно, этому противоречит указание короля Арагона Хуана I в 1392 г. на каталанском языке (см. 1.8) о привозе цветов с Мальорки (которая тогда уже не была мусульманской). Из него может следовать, что *Dianthus* был действительно окультурен где-то восточнее (по Короминасу, см. 1.8, или даже в Италии — по Вартбургу, см. 2.2), однако важно, что Данте в 1321 г. этого значения у слова *garofano*, кажется, не знал.

Как бы то ни было, для Сантьяго (1439), кажется, этот цветок не был новинкой, т.к. он применил его название в сложном поэтическом контексте, где означаемое должно было быть понятно: *e qual paresçe flor de clavellina | en los frescos jardines de Florençia* ‘и словно является цветок *clavellina* в прохладных садах Флоренции’¹⁵⁸ (см. 1.8). В скобках заметим, что име-

¹⁵⁶ Распространение в галисийском этого слова на цветки картофеля, естественно, позднее (картофель появился в Европе в XVI в.).

¹⁵⁷ Более того, заимствованность этого слова в испанском из каталанского свидетельствует об осознаваемой отдельности предмета обозначения: это недавно выведенный модный садовый цветок, не соотносимый в пределах тогдашнего испанского с какими-либо дикорастущими (?).

¹⁵⁸ Наличие Флоренции в этом контексте может означать только то, что к этому времени данный цветок уже был известен итальянцам (что, кажется, естественно), а также тривиальным образом мог быть частью «ита-

ются соображения, из которых может вытекать именно красный цвет цветка этого садового растения: «Эти стихи перекликаются с отрывком из начала кн. VII Энеиды (стихи 71–77), где, пока Лавиния приносила жертву перед алтарем и жгла благовония, огонь перекинулся на её волосы, и её окутало бледным облаком сияния и дыма»¹⁵⁹ [Santillana I: 261–262 сн.]. Не комментируя «облака сияния и дыма» (вряд ли возможного), отметим, что ассоциация цветка с огнём наводит на мысль о его ярко-красном (алом) цвете.

Таким образом, исходя из двух «ближайших крайних точек»: (1) отсутствия садовой гвоздики в андалузском арабском травнике середины XIV в. (при наличии там левкоя), а также у Данте; (2) её наличия в на рубеже XIV–XV вв. в каталанском, испанском, а также (3) памятуя об арабоязычности юга Испании — делаем рабочий вывод, что садовая гвоздика появилась в конце XIV в. на территориях арабо-испанского двуязычия.¹⁶⁰

2.4. Этимология названий *Dianthus*, не связанных с пряностью

Французский. Главное французское название *Dianthus œillet*¹⁶¹ (1493) [FEW VII: 323] не имеет удовлетворительного объяснения, однако ср. фр. *œillet du Christ*, фр. лат. *oculus Christi* ‘*Aster amellus* = астра ромашковая/итальянская’ (1667) [FEW VII: 320] (цветок с выраженной сердцевинкой), причём Харви отмечает, что так когда-то называли и *Dianthus* (см. 1.9), так что, возможно, это какая-то не совсем «цветочная» метафора.

Английский. Слова *carnation* (1548) и *pink* (1573) [Harvey 1978: 48, 51] обозначают разные виды дикорастущей гвоздики — *Dianthus caryophyllus* и *Dianthus plumarius* (гвоздика перистая). Первый из них подвергся селекции и породил большинство популярных садовых сортов¹⁶². Начнём со слова *pink*. Оно не имеет достоверной этимологии, но может быть связано с глаголом *pink* ‘колоть, протыкать’ или с глаголом (если это другой глагол), сохранившимся в *pinkish shears* ‘ножницы с зубчатыми лезвиями’. Если так, то гвоздика — ‘цветок с зубчатым краем’, что подкрепляется словом *pinrose* (1515) [Harvey 1978: 52], могшим быть на-

льянского мотива» у Сантильяны: этот сонет явственно черпает из Петрарки [Santillana I: 262 сн.].

¹⁵⁹ «Estos versos evocan un pasaje del comienzo del lib. VII de la Eneida (vv. 71–77), donde, estando Lavinia haciendo un sacrificio ante el altar y quemando perfumes, el fuego prendio en su cabellera y quedo envuelta en una palida nube de claridad y de humo».

¹⁶⁰ Толкуя значение قرنفل *qaranful* в андалузской арабской поэзии XII в., Л. Ди Джакомо, исходя из туманных и малоубедительных соображений, склоняется, вопреки мнению других переводчиков, в пользу ‘*Dianthus*’ [Di Giacomo 1947: 50 сн.]. При этом он удивляется «молчанию испанских поэтов в Испании по поводу гвоздики [*Dianthus*] [...], хотя этот цветок был известен в этой стране». Здесь мы видим, как на суждения учёного влияют ложные априорные представления (он также находит ложное подтверждение у Доци по поводу Имру Аль-Кайса, см. нашу сноску 134). Далее следует любопытное замечание: «Что касается Абу-Джафара [чей стих, содержащий слово قرنفل *qaranful*, разбирается], то отметим, но только потому, что это сближение в данных обстоятельствах не лишено забавности, что садовая гвоздика называется гранадской гвоздикой» [«A propos du vers d’Abū Ja’far, on fera remarquer, mais seulement parce que se rapprochemnt en la circonstance a son clé amusant, que l’œillet des fleuristes est appelé œillet grenadin.»] [там же]. Имеется в виду сорт фр. *œillet grenadin* (*Dianthus caryophyllus* grenadine, русское ненаучное название сорта *гранадин*) — с алыми цветками (без вторичного цветения, см. fr.wikipedia.org/wiki/Œillet_commun). У Ди Джакомо это замечание (каковое он приводит якобы ради курьёза) только путает дело, т.к. для XII в. связь садовой гвоздики и Гранады, как мы теперь понимаем, скорее всего, анахронистична. Однако для нас она может иметь смысл (начиная с конца XIV в.). Разумеется, этим нельзя обосновать происхождение всего вида из Гранады (ср., например, альтернативное русское название для всего вида — *гвоздика голландская*). Впрочем, упомянем также фр. *œillet d’Espagne* ‘petit œillet d’un rouge vif’ [‘маленькая гвоздика ярко-красного цвета’] (1694) [FEW VII: 316].

¹⁶¹ Видимо, не уменьшительное, а ласкательное, типичное для поэтического языка [FEW VII: 323], т.е. букв. ‘глазик’, а не ‘глазок’.

¹⁶² Их почти всегда без оговорок относят к *Dianthus caryophyllus*, хотя сейчас это нередко гибриды с другими видами (в т.ч. *Dianthus plumarius*).

званием гвоздики (эпитет + 'роза'), с отпавшей затем второй частью. Цветообозначение *pink* (1720) происходит от названия цветка и значит букв. 'цвета [перистой] гвоздики' [там же].

Название *carnation* считается загаочным. Оно фиксируется в форме *incarnacyon* (1538), затем только *carnation*. Как этимология предлагается искажение *coronation*, причём уже в XVI в. (1578, 1579) засвидетельствована такая форма; поэтому это, возможно, «народная ошибка» [«popular mistake»], и неизвестно, какая форма первична [OED: s.v. *carnation* n.3]. Между тем, имеются два цветовых обозначения: *incarnation* и *carnation*, первое из которых сейчас не употребляется, а второе определяется как 'цвета плоти; иногда более тёмного багряного цвета, как гвоздика'¹⁶³ [там же]. Считается, что первое значение первично, а второе — от цветка. Отвергая цветообозначение как источник названия цветка, Харви пишет: «Относись слова *incarnation* и *carnation* к цветку, они бы подразумевали, что цветки были бледными, как *Dianthus plumarius* и некоторые дикие виды, эндемичные в Британии, а не темно-красными, цвета типичной махровой гвоздики, показанной на виртуозном портрете турецкого адмирала Барбароса Хайреттина-паши в старости кисти Нигари (1483–1546)»¹⁶⁴. Здесь он исходит из современного и восстанавливаемого для старины значения *carnation* ('цвет плоти', т.е. 'кожи' [белого человека]). Поэтому Харви пытается (неправомерно) вывести *carnation* из тур. *karanfil* 'тж.' [Harvey 1978: 53]¹⁶⁵ (притом что в турецком в значении цветка оно фиксируется лишь в 1680 г. [Nişanyan Sözlük]).

Связь названия садовой гвоздики с цветом традиционна¹⁶⁶. Вероятно, можно её поддержать, напомнив, что в иберо-испанских языках прилагательное *encarnado* значит просто 'красный' (ср. фр. книжн. *incarnat* 'тж.'). Красный цвет садовой гвоздики в те времена был, вероятно, единственным.¹⁶⁷

Третье название — *gillyflower* (*gilliflower*), теперь устаревшее в значении 'Dianthus', обычно относится к левкою и желтофиолю (см. 2.2). Все три названия в значении 'садовая гвоздика' обычно употребляются с эпитетом: *clove pink* (обычно), *clove carnation* (редко), *clove gillyflower* (редко), где первое слово — 'гвоздика-пряность' (см. 1.6). Оно явно представляет собой кальку (а не заимствование!) фр. [*clou de*] *girofle*, из чего следует, что, например, *clove pink* значило букв. 'гвоздичная (в знач. пряности) гвоздика (в знач. Dianthus)'

Нидерландский. Современные варианты — *anjer*, *anjelier* (африкаанс *angelier*). В памятниках *angelieren* (ок. 1500), *angier* (1561) *anjers* (ок. 1600), *anjelier* (1745). В 1599 г. *angheliere*, *angiere* и *ghenoffel* даются как синонимы. Сейчас в значении 'Dianthus' *genoffel*, *jenoffel* бытуют только в южнонидерландских диалектах [EWN: s.v. *anjer*]. Там сказано, что слово *anjer* и под. заменило старое название *Dianthus*: *groffiel* (1608), *Ginoffelen* (1608), *genoffel* (1626), *jenoffel*, что, однако, малодостоверно ввиду того, что *genoffel* и т.п. в этом значении фиксируется позже, чем *angelier* и т.п. Эти слова не имеют надёжной этимологии; их гипотетически возводят к названию ломбардского города Анджера (ит. *Angéra*), раньше Ангёра (ит. *Anghiéra*) < лат. *Angleria*, причём варианты с *-l-* и без него будто бы отражают латинскую и

¹⁶³ «†(a) The colour of human 'flesh' or skin; flesh-colour. *Obsolete*. (b) A light rosy pink, but sometimes used for a deeper crimson colour as in the carnation flower».

¹⁶⁴ «If incarnation and carnation had reference to colour, they would imply that the flowers were pale like *Dianthus plumarius* and some of the wild species native to Britain, rather than deep red, the colour of the typical double Clove Carnation shown in Nigârî's masterly portrait of the Turkish Admiral Barbaros Hayrettin Pasha (1483–1546) in his old age».

¹⁶⁵ Харви предлагает сценарий с графической путаницей при транслитерации с арабицы; вряд ли можно эту версию воспринимать всерьёз.

¹⁶⁶ В XVI в. считалось, что название дано по цвету, о чём писал Дж. Джерард (1545–1612) [Harvey 1978: 52].

¹⁶⁷ См. иллюстрацию начала XVI в. из часослова Анны Бретонской, изображающую тёмно-красную (правда, немахровую) гвоздику (*guiroflée*), см. romanes.org/pub/Caryo/AnneBret.111.pdf. Учитывая сказанное, слово (*in*)*carnation* могло обозначать именно этот цвет.

одну из итальянских форм соответственно¹⁶⁸, что не подкрепляется никакими историческими фактами.

Между тем, этимология здесь, кажется, довольно прозрачна. Как мы видели, во французском языке с XV в. путались левкой и гвоздика (путаница устранена введением слова *œillet*, но в английском она до сих пор частично сохраняется). Было бы странно, если бы подобное не было характерно для нидерландского того же периода, тем более, что в итоге *Dianthus* получил целых три синонимичных названия (*nagel(bloem)*, *genoffel*, *anjer/anjelier*) — одно из них могло сначала иметь более широкое значение. Свидетельство именно этого мы, вероятно, находим в XVII в. у ботаника А. Мюнтинга (1672): «*Angelieren*. Всеми из-за их изящной красоты желанны, называются не только этим именем, но также по-нидерландски *ginoffelbloemen*, *testbloemen* [?]»¹⁶⁹ либо *violetten* [фиалка, левкой], из-за их прекрасного запаха; и поэто-му по-верхненемецки *naegelblumen* либо *naegelein*. По-французски *œilletz* или *ouilletz* [!]. А по-латински *caryophyllus flos*» [Munting 1682: 282]¹⁷⁰. Он описывает именно гвоздику, но, по-видимому, указывает, что словом *angelier* иногда называется и левкой (*Erysimum cheiri*).

Если так, то напрашивается сравнение с исп. *alhelí* ‘левкой’ (1588) ⇐ исп.-ар. (al-)ḥairí ‘тж.’ с определённым артиклем (ар. خيري ḥīrī ⇐ перс. خيري ḥiri; магрибский вариант ар. ḥailī) [Corominas I: 166]¹⁷¹. В испанском вариант ед. *alhelís* (1555), а также с разными рефлексамии согласного ḥ-: *alelí*, *alhelí*, *aljelí* [Colmeiro 1870: 24, 26, 27], ср. также порт. *alhelí* [-ʎ-] (обычно *goivo*), галис. *alelí*. Тогда первичным вариантом могло быть ндрл. *anjer*, а не *anjelier* (отношения между ними неясны).

Фонетическая трудность: *an-* на месте *al-* — это может быть относительно закономерным расподоблением, как в исп. *ancalde* [RSG: 1665] наряду с *alcalde* ‘городской голова, алькальд’ (⇐ ар. القاضي *al-kadī*). Кроме того, неясно ндрл. [-jer-] на месте исп. [-hel-], [-xel-] (?) — это может объясняться заимствованием варианта исп. **alherí*, ср. мурсийское *alaris* [Iniesta González 2009: 31] (если это не недавняя форма).

Более того, и в значении исп. *alhelí* и т.п., возможно, какое-то время имелась путаница. Так, в грамматике начала XVIII в. два написанные рядом испанских слова *alhelí*, *clavellina* переводятся одним французским словом *œillet* [Kramer 1711: 284]¹⁷². Ещё показательнее исп. *alhelí clavelado* ‘*Malcolmia lacera* DC.’ = ‘*Malcolmia maritima*, сем. крестоцветные’ [Colmeiro 1885: 197–198].

Если наша этимология верна, то ход событий выглядит так: ‘гвоздичными цветами’ (‘гвоздичная фиалка’, ‘гвоздичный левкой’ и другие крестоцветные) или иногда просто ‘гвоздиками’ называли декоративные растения по их приятному запаху, который высоко ценился (как и гвоздика-пряность), а сами эти растения были в т.ч. предметом коммерции. При этом *Dianthus* тогда ещё не был окультурен, так что к нему эти наименования не относились, поскольку эта метафора не выходила за рамки садоводческой культуры (разве что окказионально). Однако когда *Dianthus caryophyllus* вошёл в число садовых цветов — в XIV в. — и, более

¹⁶⁸ Этимологическая фантазия реконструирует словосочетания типа **genoffelen van Angiere*, лат. **caryophylli Angleriae*, увы, не засвидетельствованные [EWN: s.v. *anjer*].

¹⁶⁹ Мы не нашли толкования, но ср. ит. *teste* (мн., букв. ‘головой’) *di garòfano* ‘сушёные бутоны гвоздики’ (т.е. *testa* — единица измерения, на ряду с обычным в этой роли *chiodo* ‘гвоздь’, *bottone* ‘бутон’).

¹⁷⁰ «Van een jegelijk, om haare bevallige schoonheit, zeer begeert, worden niet alleen met deze Naame, maar ook in 't Nederlandsch, Ginoffelbloemen, Testbloemen, ofte Violetten, om haare lieffelijke reuk, genoemt; Ende daaromme op Hooghduitsch Naegelblumen, ofte Naegelein. In 't Francois Oeilletz, of Ouilletz. En op Latijn Caryophyllus Flos».

¹⁷¹ Более подробная этимология — на сайте «deChile» в «народном» этимологическом словаре [etimologias.dechile.net/?alhelí].

¹⁷² См. romanes.org/pub/Caryo/Kramer.284.pdf.

того, взошёл на самый верх «цветочного олимпа»¹⁷³, он оказался самым «гвоздичным» цветком из всех, а в итоге стал просто ‘гвоздикой’, быстро вытеснив из этой ниши все остальные цветы.

2.5. Поздние названия растений по ассоциации с цветком *Dianthus* (?)

В обозначении прочих цветущих растений прослеживается несколько типов мотивации. Наиболее тривиально, вероятно, объясняются названия растений из семейства гвоздичных, которые, по-видимому, так или иначе напоминают *Dianthus* (по крайней мере, какие-то его дикорастущие виды; впрочем, не исключена ранняя научная мотивация и кальки).

Вероятно, какие-то индивидуальные причины следует искать для названий единичных видов из других семейств. Что касается астровых, то здесь, очевидно, была какая-то более глубокая мотивация. Можно предположить, что центром распространения названия ‘гвоздики’ на астровые была Франция, где это название было изначально общим для разных цветов (см. 2.3). Названия садовых видов бархатца, ср. фр. *œillet d’Inde* (букв. ‘индийский глазик/гвоздика’) ‘*Tagetes patula* = бархатец мелкоцветный’ (1547) [FEW VII: 316] могли быть калькированы в укр. *гвоздик* (см. 1.2, неясно, через какое посредство).

Распределение по языкам (обозначения даны в сн. 151; звёздочкой * обозначаем фр. *œillet*; единичные виды даём выборочно):

семейство	род (вид)	кат.	порт.	галис.	исп.	ит.	фр.	англ.	ндрл.	нем.	пол.	укр.	рус.
гвоздичные	<i>Lychnis</i> ...					+	*						+...
	<i>Agrostemma</i>						*...	+...				+...	+...
	<i>Saponaria</i> ...					+						+...	+...
	<i>Silene</i> ...						*...			+			
	<i>Petrorhagia prolifera</i>						*...						
астровые	<i>Tagetes</i> ...		+...		+...	+...	*...			...+		+	+(...)
	<i>Calendula offic.</i>				+							+...	
	<i>Centaurea cyanus</i>				+								
	<i>Taraxacum offic.</i>				+								
	<i>Antennaria dioica</i>												+...
орхидные	<i>Platanthera bifolia</i>												+
бобовые	<i>Fumaria muralis</i>				+								
санталовые	<i>Thesium linophyllum</i>										+		
свинчатковые	<i>Armeria maritima</i>				+		*...						
розовые	<i>Rosa</i> (...?)				+								

2.6. «Гвоздичная» метафора на Востоке (?)

Есть ещё одно (ещё недавно культурно важное) растение, чьё название, возможно, связано с гвоздикой (пряностью). По-русски оно называется *калуфер*, *кану́пер*, *кану́фер*, *колу́фер* ‘*Tanacetum balsamita* = пижма бальзамическая, сем. астровые’ (иногда относят к хризанте-

¹⁷³ Ср. «Jusqu’à présent les Fleurs ont tousiours disputé | Qui porterait le sceptre en leur petit empire, | Le combat est finy, l’œillet l’a mérité, | Et ce petit Livret n’est que pour vous le dire» [«До сих пор Цветы всегда спорили, | кто понесёт скипетр в их маленьком царстве, | бой завершён, гвоздика это заслужила, | и эта маленькая книжка есть лишь для того, чтобы вам это сказать»] — обращение «к читателю» в трактате, посвящённом гвоздике [Rome d’Ardenne: 1647: 0, см. romanes.org/pub/Caryo/Ardenne.0.pdf]. Там же говорится, что гвоздика «появилась почти последней, но первая в цене» [«estant presque le dernier venu, il soit le premier en estime»] [Rome d’Ardenne: 1647: 7–8].

мам), также *сарацинская мята*; укр. (диал.) *кану́пер, кану́пир, кану́фер, калу́пир, калу́фер, кару́піль, кару́пир, кару́пирь* [ЕСУМ 2: 366].

Это явный тюркизм, судя по семантически тождественному схрв. *kalòfer, kalòper* ‘тж.’ (который [Skok II: 22] неправомерно помещает в одну статью с *karanfíl*, не обращая внимания на совершенно разные значения), болг. *калоферче* ‘тж.’.

Кроме того, в словарях приводится пол. *karupiel, karuper, karupień*.¹⁷⁴ Эти формы — словарные фантомы: они повторяются старыми польскими лексикографами и кочуют из словаря в словарь (и больше нигде не встречаются), будучи переписаны из трудов учёного Урсины (1563–1613) из Львова, и, скорее всего, отражают окказиональный украинизм¹⁷⁵. С одной стороны, это объясняет неносовость в польском (если это очень раннее древнерусское заимствование из чего-то вроде тур. *karanfíl*), с другой — остаются неясными сербохорватские формы с *-o-*. Однако, ввиду точного семантического соответствия, это различие следует объяснять на местной почве (мы не знаем, как).

Ассоциацию с гвоздикой другого, но близкого по культурному значению растения даёт нам Аль-Бируни в описании *قرنفل qaranful* ‘гвоздика-пряность’: «„садовая гвоздика“¹⁷⁶ — это *фаранджамушк*» — вид базилика (тут же говорится, что заменителем гвоздики служит «трёхкратное количество *фаранджамушк*») [Бируни IV: 703].

Можно думать, что поиски этимологии таинственного восточно- и южнославянского названия пижмы бальзамической надо так или иначе начинать с этих слов Аль-Бируни.

3. Результаты

Наш анализ распространения названия гвоздики-пряности прояснил некоторые моменты (в т.ч. хронологию), однако мы так и не ответили на вопрос, где и когда зародилось «новое» название ‘гвоздь’ и т.п., а фонетическое объяснение на романской почве по-прежнему сомнительно (см. 1.8); для ближайшей русской этимологии мы предложили акцентное объяснение (см. 1.3); дальняя же этимология остаётся туманной (см. 1.13).

Что касается цветка *Dianthus*, тут здесь как будто всё яснее: в начале он путался с левком (что привело нас к этимологии нидерландского слова, 2.4).

Изобразим результаты схематически (хронология неточная). Условные обозначения:

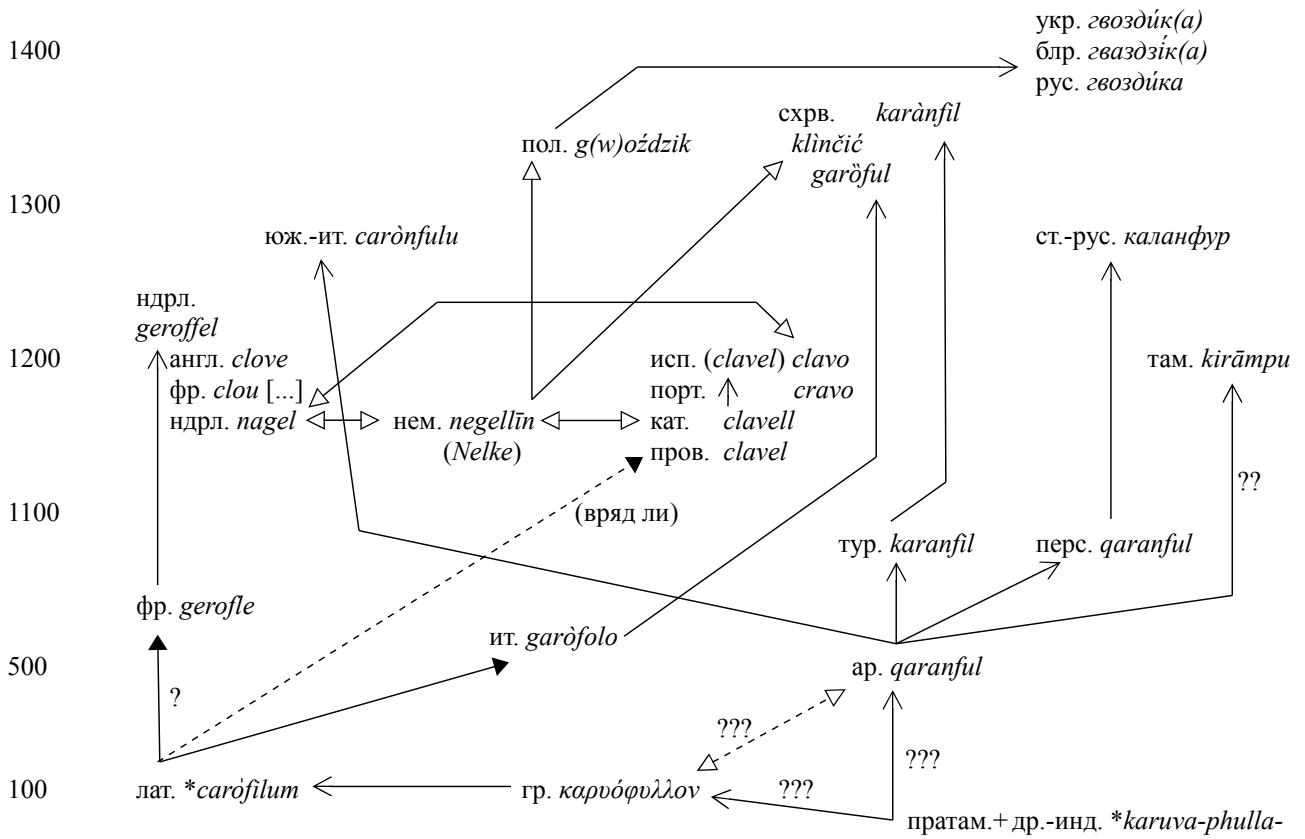
- >   заимствование
- ▷   калька
- ▶   фонетическая эволюция
- сомнительная, туманная связь
- ◁—▷   неизвестное направление влияния («ареальное» явление)

¹⁷⁴ Эти загадочные слова привлекаются в связи с ещё одним загадочным польским словом — *karafulka* ‘колодка [на смычке]’ (синоним *zabka* ← нем. *Frosch*, ср. англ. *frog* букв. ‘лягушка’), чьё происхождение пытаются связывать с ‘гвоздикой’ [Moško 1973: 414; Słuszkiewicz 1973]. Не можем воздержаться от сравнения с порт. *c(a)ravelha* ‘...de viola, Collabus [...], Epitonium [колок на грифе гитары, скрипки и т.д.]’. Интересно, что польски это называлось в т.ч. *gwoździk* ‘collabus, epitonium’ [SP XVI: s.v. *gwoździk*], однако это скорее связано с ‘гвоздём’, ср. пол. *kolek* и рус. *колóк*.

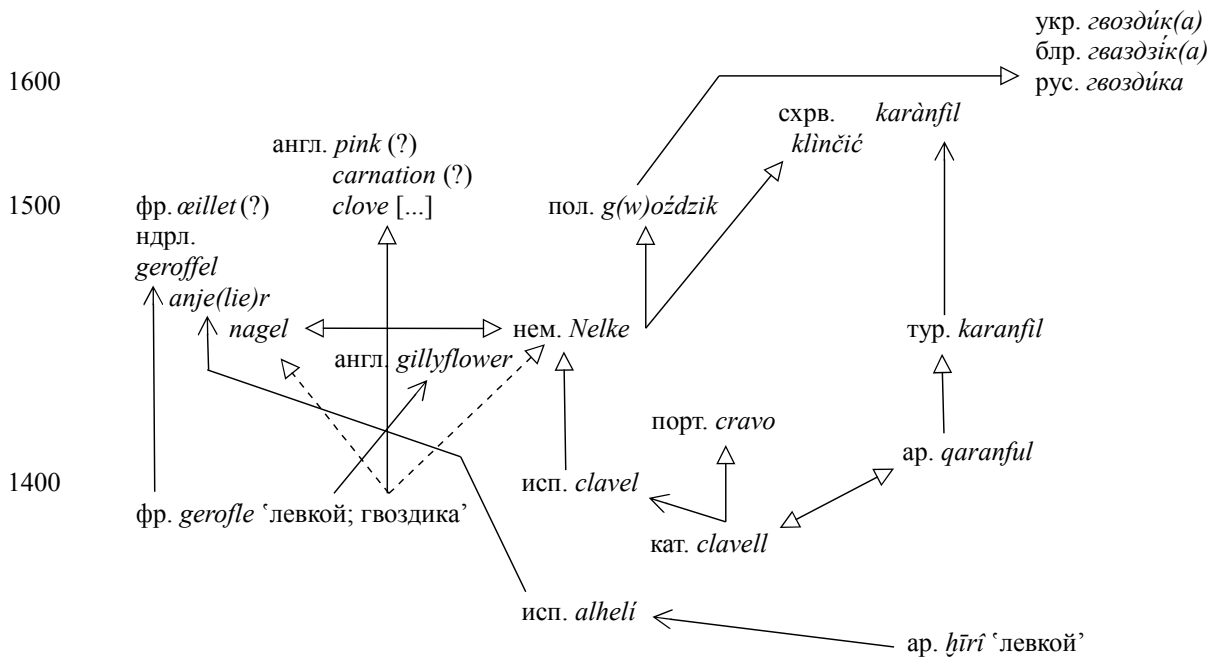
¹⁷⁵ Особое спасибо Р. Шептыньскому за предоставление нам материала по этому слову и за это суждение.

¹⁷⁶ Никакого отношения ко многожды тут упомянутому *Dianthus caryophyllus* это не имеет.

1. Распространение названия гвоздики-пряности:

2. Распространение названия гвоздики-цветка:

Література

- Амбодик 1808: Амбодик-Максимович Н.М. Новый ботанический Словарь на российскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. СПб. 1808.
- Андронов 1993: Андронов М.С. Язык малаялам. Москва, 1993.
- Анненков 1878: Анненков Н. И. Ботанический словарь. — СПб. 1878.
- Астрэйка 2001: Астрэйка В.Дз. і інш. (склад.) Раслінны свет: тэматычны слоўнік. Мінск, 2001.
- Байкоў, Некрашэвіч: Байкоў М., Некрашэвіч С. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925.
- Белькович, Выхухолев 1970: Белькович А.А., Выхухолев. В.В. Сингальско-русский словарь / Под редакцией Д. Винсента Родриго. Москва, 1970.
- Беруни 1973: Беруни Абу Райхан. Избранные произведения. I–IV. Ташкент, 1973.
- Бобров 2017: Бобров А.Г. Что искал в Индии Афанасий Никитин? // *Rossica antiqua*. 2017 (2).
- Бугаёв 2010: Бугаёв И.В. научные и народные названия растений и грибов. 2-е издание, переработанное и дополненное. Томск, 2010.
- Гарэцкі, Гарэцкі: Гарэцкі М., Гарэцкі Г. Маскоўска-беларускі слоўнік. Вільня, 1920. Зроблена паводле выдання: Гарэцкі, Г. I. Выбранае / Гаўрыла Гарэцкі; [уклад. і камент. Р. Гарэцкага; праф. М. Мушынскага]. Мінск, 2002.
- Грінченко: Грінченко Борис. Словарь української мови. В 4 т. Київ, 1907–1909.
- Грінченко-3: Грінченко Борис. Словник української мови. У 3 т. / Упоряд. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко; за ред. С. Єфремова та А. Ніковського. 3-тє вид., випр. й допов. Київ, 1927–1928.
- Даль: Толковый словарь живаго великорусского языка. Тт. I–IV. Москва, 1866.
- Дворецкий 1958: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. I–II. М., 1958.
- ГСБМ: Гістарычны слоўнік беларускай мовы
- ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. У 7 т. Київ 1982–2012.
- Имру’ аль-Қайс 2013: Имру’ ал-Қайс . Му’аллака / Предисловие, перевод и комментарий Ф.О. Нофала // Письменные памятники Востока, 1(18), 2013. С. 24–32.
- Краснодембская 2011: Краснодембская Н. И. Сингальский язык // Языки мира. Новые индоарийские языки. Москва, 2011.
- Куликов 2011: Куликов Л. И. Мальдивский/дивехи язык // Языки мира. Новые индоарийские языки. Москва, 2011.
- Мичатек, Лавров: Мичатек Л. А., Лавров П. А. Дифференциальный сербско-русский словарь и краткая грамматика сербского языка
- Непоп-Айдачич 2010: Непоп-Айдачич Л. В. Стереотип гвоздики в польском языке и культуре // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2010.
- НКУМ: Національний корпус української мови: mova.info
- Носовичъ: Словарь бѣлорусскаго нарѣчя. СПб., 1870.
- РБС: Руска-беларускі слоўнік (пад рэд. Я. Коласа, К. Крапівы, П. Глебкі). Т. 1–3. 8-е вид. Масква, 2002.
- САР: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук, 1806–1822
- СБМ: Слоўнік беларускай мовы. Менск: Беларуская навука, 2012
- СИРИО 35: Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Том 35. СПб. 1882.
- СлРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII в.
- СОЛЯМР XVI–XVII: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–. СПб., 2005–.
- СУМ: Словник української мови. В 11 т. Київ 1970–1980.
- СУМ XVI–XVII: Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–16. Львів, 1994–.
- СУНННСР: Словник українських наукових і народних назв судинних рослин. — К.: Наук, думка, 2004. —: r2u.org.ua/dicts/roslynny/cap
- ТСБЛМ: Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы (пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко). 3-е вид. Мінск, 2002.
- Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О.Н. Трубачёва. В 4 т. М. 1986.
- ХРС: Бархударов А.С., Бескровный В.М., Зограф Г.А., Липеровский В.П. Хинди-русский словарь тт. 1–2. Москва 2002.
- Янковская 2015: География бетеля в «Путешествии» Ибн Батуты // Бетель, кава, кола, чат: жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира / Отв. ред. и сост. М. В. Станюко-

- Δημητράκος
 Δημητράκος Δ. Μέγα Λεξικόν ὅλης της Ἑλληνικῆς Γλώσσης: δημοτικῆ, καθαρῆς, μεσαιωνικῆ, μεταγενεστέρᾳ, αρχαίᾳ. Τ 1–15.
- Μπαμπινιώτης
 Aegineta 1924: Paulus Aegineta. Pars altera: libri V–VII. Edidit I.L. Heidberg. Lipsiae et Berolini, 1924.
- Agud, Tovar 1988: Agud M., Tovar A. Materiales para un diccionario etimológico de la lengua vasca. San Sebastián, 1988.
- Alcalá: Pedro de Alcalá. Arte para ligeramente saber la lengua aráviga y Vocabulista arávigo en lengua castellana. 1505
- Andronov 2003: Andronov Michail S. A Comparative Grammar of Dravidian Languages. Wiesbaden, 2003.
- Arends 2013: Arends Georg. Volkstümliche Namen der Arzneimittel, Drogen, Heilkräuter und Chemikalien: Eine Sammlung der im Volksmund gebräuchlichen Benennungen und Handelsbezeichnungen. 12. Aufl. Berlin, 2013 [1-е издание: 1842].
- Bańkowski: Słownik etymologiczny języka polskiego. 2 t. Warszawa, 2000.
- Beekes: Etymological dictionary of Greek
- Benjamin 1892: Clough Benjamin. A Sinhalese-English dictionary. New and enlarged edition. Colombo, 1892.
- Boryś: Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Rome d’Ardène 1762: Rome d’Ardène Jean-Paul de. Jardinage des oeillets. Avignon, 1762.
- BR: Otto Böhtlingk, Rudolph Roth. Sanskrit Wörterbuch, 7 Theile, St. Petersburg, 1855.
- Carter 2006: Carter Charles. A Sinhalese-English Dictionary. New Delhi, Chennai, 2006 [первое изд.: Colombo, 1924].
- Casciu 2006: Giovanni Casciu. Vocaboliaru sardu campidanese-italiano. Dolianova 2009.
- Chantraine: Chantraine Pierre. Dictionnaire étymologique de la langue grecque
- Clusius 1605: Caroli Clvsii Atrebatis, Aulæ Cæsareæ quondam Familiaris, Exoticorum libri decem: quibus animalium, plantarum, aromatum, aliorumque peregrinorum fructuum historiae describuntur: item Petri Bellonii Observationes, eodem Carolo Clusio interpret. Series totius operis post præfationem indicabitur. Ex Officinâ Plantinianâ Raphelengii, 1605.
- Colmeiro 1870: Colmeiro Miguel. Exámen histórico-crítico de los trabajos concernientes á la flora Hispano-Lusitana (fragmento que alcanza hasta fines del siglo XVI). Madrid, 1870.
- Colmeiro 1885: Colmeiro Miguel. Enumeración y revisión de las plantas de la Peninsula Hispano-Lusitana é Islas Baleares, con la distribución geográfica de las especies, y sus nombres vulgares, tanto nacionales como provinciales. Tomo 1. Madrid, 1885.
- Corominas I–VI: Corominas Joan (con la colaboración de José A. Pascual). Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Vol. I–VI. Madrid, 1980–1991.
- Colón 1993: Colón Germá. El lèxic català dins la Romània. València 1993.
- Corriente 1997: F. Corriente. A dictionary of Andalusí Arabic. Leden–New York–Köln, 1997.
- Dalgado 1913: Dalgado Sebastião Rodolpho. Influencia do Vocabulario Português em Linguas Asiaticas. Coimbra, 1913.
- Dalgado 1919: Dalgado Sebastião Rodolpho. Glossário luso-asiático. Volume 1. Coimbra, 1919.
- DED: Burrow, T., and M. B. Emeneau. A Dravidian etymological dictionary. 2nd ed. Oxford [Oxfordshire]: Clarendon Press, 1984.
- DEI: Battisti C., Allessio G. Dizionario etimologico italiano. I–V. Firenze, 1950–1957.
- DELI: Cortelazzo Manilio, Zolli Paolo. DELI – Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna, 1999.
- DER: Cioranescu Alejandro. Diccionario etimológico rumano. Madrid, 1966.
- DHLF: Dictionnaire Historique de langue française. Sous la direction d’Alain Rey. Paris, 2010.
- Di Giacomo 1947: Louis Di Giacomo. Une poétesse grenadine du temps des Almohaçes: Ḥafṣa bint al-Ḥājj ar-Rukūnīya // Hespérís. Archives berbères et bulletin de l’Institut des hautes études marocaines. Année 1947, tome XXXIV, 9–102.
- Donkin 2003: Donkin Robin A. Between East and West. The Moluccas and the traffic in spices up to the arrival of Europeans / Memoirs of the American Philosophical Society Held at Philadelphia For Promoting Useful Knowledge Volume 248.
- Dozy I–II: Dozy Reinhart Pieter Anne. Supplément aux dictionnaires arabes. Vol. I–II. 1881.
- Dworkin 2012: Dworkin Steven. A History of the Spanish Lexicon: A Linguistic Perspective. Oxford, 2012.
- Dymock I–III: Dymock W. Pharmaeographia Indica. 3 vols. London. 1890–1893.
- EWN: Etymologisch Woordenboek van het Nederlands: etymologie.nl
- FEW: Wartburg Walther von. Französisches Etymologisches Wörterbuch (FEW). 1920–2002.

- Frisk I: Frisk Hjalmar. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Band I: A–Ko. Heidelberg, 1960.
- Fritz 2001: Fritz Sonja. The Dhivehi Language. A Descriptive and Historical Grammar of Maldivian and Its Dialects. II. Material. Heidelberg 2001.
- Galen 1827: Medicorum Graecorum opera quae exstant / editionem curavit Carolus Gottlob Kühn. Volumen XIV continens Clavdii Gelyni t. XIV. Lipsiae, 1827.
- Gartner 1893: Gartner Theodor. Raetoromanische Grammatic. Heilbronn, 1883.
- Geiger 1898: Geiger Wilhelm. Etymologie des Singhalesische. Proceedings of the Royal Academy of Bavaria. München, 1898.
- Gonda 1932: Gonda, J. Etymologica. Acta Orientalia, 1932, vol. X.
- Godefroy: Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXe au XVe siècle.
- Gual Camarena 1981: Gual Camarena Miguel. El primer manual hispánico de mercadería (siglo XIV). Barcelona, 1981.
- Gundert 1872: Gundert, Hermann. A Malayalam and English dictionary. Mangalore, London, 1872.
- Harvey 1978: Harvey John H. Gilliflower and Carnation // Garden History, Vol. 6, No. 1 (Spring, 1978), pp. 46–57
- Haw 2017: Haw Stephen G. Cinnamon, cassia, and ancient trade // Journal of Ancient History and Archaeology No. 4.1/2017.
- Hoogervorst 2013: Hoogervorst Tom. Southeast Asia in the ancient Indian Ocean World. BAR International Series 2580. Oxford, 2012.
- Honorat: Honorat S.-J. Dictionnaire provençal-français, ou Dictionnaire de langue d'oc ancienne et moderne. Vol. I–III. Digne, 1848.
- Horae Annae: Bourdichon Jean. Horae ad usum Romanum, dices Grandes Heures d'Anne de Bretagne. Py-копись, 1503–1508: gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b52500984v.
- Indicopleustes 1909: The Christian topography of Cosmas Indicopleustes. Edited with geographical notes by E. O. Winstedt. Cambridge, 1909.
- Iniesta González 2009: Iniesta González José Emilio. Influencia de la lengua árabe en el dialecto murciano // Cangilón, nº 32. Diciembre de 2009, pp. 13–34.
- Jones 2008: Jones Russel (gen. ed.). Loan-Words in Indonesian and Malay. Compiled by the Indonesian Etymological Project. Jakarta, 2008.
- Jusoh et al. 2012: Tengku Ghani T. Jusoh, Mudasar Rosder, Anwar Muttaqin, Mohd Irman Mohd Abd Nasir, Abdul Qayyum Abdul Razak, Faizol Azham Mohamad, Ideris Endot, Siti Nurul Izza Hashim. Variant Readings in the Mu'Allaqah Imru Al-Qays // Advances in Natural and Applied Sciences, 6(7), 2012. Pp. 1172–1183.
- Köbler: Köbler, Gerhard, Mittelniederdeutsches Wörterbuch, 3. A. 2014: koeblergerhard.de/mndwbhin.html.
- Khory, Katrak 1903: Khory R. N., Katrak N. N. Materia medica of India and their therapeutics. Bombay, 1903.
- Kramer 1711: Kramer Matthias. Grammatica y sintaxe de la lengua española-castillana, compuesta con una manera de enseñar muy clara y facil, y esparzida en todas partes con graciosa variedad de muchos exemplos, sacados de los mas famosos y excelentes autores españoles. Obra nueva, cumplida, perfecta, y muy mucho neccessaria A Todos, de qualquiera Nacion y Condicion, (solamente que sepan la Lengua latina) antes tambien a los Señores españoles mismos, que tienen menester a gana de aprender a hablar, a escribir, y a traduzir en español con elegancia; y a enseñar lo a otros. Noribergera, 1711.
- Krishnamurti 2003: Krishnamurti Bhadriraju. The Dravidian languages. New York, 2003.
- Langkavel 1866: Bernhard August Langkavel. Botanik der späteren Griechen, von dritten bis dreizehnten Jahrhundert
- Langstedt 1805: Langstedt Friedrich Ludwig. Allgemeines botanisches Repertorium0: zum gemeinnützigem Gebrauch für jeden Kenner & Liebhaber dieser interessanten Wissenschaft. Zweiter und letzter Band. Nürnberg, 1805.
- LA: Libro de Alexandre / estudio y edición de Francisco Marcos Marín. Edición digital a partir de la edición de Francisco Marcos Marín, Madrid, Alianza, 1987. Edición revisada por Francisco Marcos Marín con la colaboración de Julia Bernal y Antoni Biosca Alicante, 2000: cervantesvirtual.com/obra-visor/libro-de-alexandre--0/html
- Lafitte 2009: Roland Lafitte. Les routes du girofle (la chose et les mots) : Un éclairage sur le rôle de l'arabe قرنفل *qaranful* // Bulletin de la SELEFA n° 14, 2ème semestre 2009, 1–24

- Linnæus 1737: Linnaeus Carolus. Hortus Cliffortianus plantas exhibens quas in hortis tam vivis quam siccis, Hartecampi in Hollandia, coluit vir nobilissimus & generosissimus Georgius Clifford juris utrusque doctor, Reductis varietatibus ad species, speciebus ad genera, generibus ad classes, adjectis locis plantarum natalibus differentiisque specierum. Amstelædami, 1737.
- LLNMA: Lexicon latinitatis nederlandicae Medii Aevi,
- Maidhof 1920: Maidhof A. Rückwanderer aus den islamitischen Sprachen im Neugriechischen (Smyrna und Umgebung) // Glotta vol. 10, p. 1–22
- Matthioli 1565: Mattioli Pietro Andrea. Herbarz: Herbarz: ginak Bylinář welmi vžitečnj a z figurami pieknymi y zřetedlnymi podle praweho a yako ziwého zrostu Bylin ozdobeny y také mnohými a zkussenymi Lékarzstwijmi rozhognieny gessto takowy nkdá w ziadnem Yazyku prwé wydán nebyl: od Doktora Petra Ondřege Matthiola Senenského Nayjasniegssjo Arcyknjzete Ferdynanda zč. přednjho žiwotnjho Lékaře nayprw w Latinské Ržeči sepsaný a gíž pro Obecné dobré Obywateluow Králowstwij Českého na Českau Ržec od Doktora Thadeáse Hágka z Hágku přeložený a wúbec Wssechném wydaný. Staré Město pražské, 1562.
- Migne PG: Migne Jacques-Paul (éd.). Patrologiae cursus completus. Series graeca prior. Parisiis, 1858–1882.
- Migne PL: Migne Jacques-Paul (éd.). Patrologiae cursus completus. Series latina prior. Parisiis, 1858–1882.
- MNW: Middelnederlandsch Woordenboek: gtb.ivdnt.org/search/?owner=mnw
- Möhren 1986: Möhren Frankwalt. Wort- und sageschichtliche Untersuchungen an französischen landwirtschaftlichen Texten, 13., 14. und 18. Jahrhundert: Senechauscie, Menagier, Encyclopédie. Tübingen, 1986.
- Molesworth 1857: Molesworth James Thomas. A dictionary, Marathi and English. 2d ed., rev. and enl. Bombay, 1857.
<https://dsal.srv04.uchicago.edu/dictionaries/molesworth>
- Morren 1851: Morren Paul M. Ch. Les œillets nains de Verviers et de Spa: notice précède d'un aperçu historique sur les œillets en general // La Belgique horticole: journal des jardins, des serres et des vergers. Tome Ier. La Haye 1851.
- Moško 1973: Moško Eugeniusz. Pochodzenie wyrazu *karafulka* «część smyczka» wł. *garófolo*, *garófano* z łc. *cāryōphyllūm* «gwoździk» // Poradnik językowy, 1973 wrzesień, zeszyt 7(311). S. 408–414.
- Nadkarni 1954: Nadkarni, K. M. 1954. Indian materia medica. Enlarged by A. K. Nadkarni. 3rd. ed. 2 vols. Bombay, 1954.
- Nascentes 1955: A. Nascentes. Dicionário Etimológico da Língua Portuguesa
- Nişanyan Sözlük: Nişanyan Sevan. Çağdaş Türkçenin Etimolojijisi: nisanyansozluk.com
- OED: Oxford English Dictionary: oed.com.
- Orta 1567: Garcia ab Horto. Aromatvm, et simplicivm aliqvot medicamentorvm apvd Indos nascentivm historia: Ante biennium quidem Lusitanica linqua per dialogos conscripta, D. Garcia ab Horto, proregis Indię Medico, auctore: Nunc verò primùm Latina facta, & in Epitomen contracta à Carolo Clusio Atrebate. Antverpiæ, 1567.
- Orta 1891: Orta Garcia de. Colóquios dos simples e drogas da India. Edição publicada por deliberação da Academia Real das Sciencias de Lisboa. Dirigida e anotada pelo Conde de Ficalho. Lisboa 1891.
- Pardessus 1849: Pardessus Jean-Marie. Diplomata, chartæ, epistolæ, leges, aliaque instrumenta ad res gallo-francicas spectantia. T. II. Lutetiæ Parisiorum, 1849.
- Paul, Mitzka 1960: Paul H., Mitzka W. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen, 1960.
- Pedrosa 2012: Marta. Reconstituição do ms. L da Crónica Geral de Espanha de 1344 (1ª parte). Lisboa, 2012.
- Pidal 1906: El dialecto leonés // Revista de archivos, bibliotecas y museos. Año X. Febrero-Marzo de 1906. Núms. 2 y 3.
- Pleteršnik: Pleteršnik Maks. Slovensko-nemški slovar. Transliterirana izdaja. I–II. Ljubljana, 2006.
- Plinius 1832: Caii Plinii Secvndi Historia Natvralis ex recensione I. Hardvini et recentiorvm adnotationibvs. Tomvs Qvintus. Ex typis Iosephi Pomba, 1832
- Plinius 1909: C. Plinivs Secvndvs. Naturalis historia. Libri XXXVII. Post Ludovici Iani obitum recognovit et scripturæ discrepantia adiecta edidit Karl Mayhoff. Vol. II. Libri VII–XV. Editio stereotypa editionis prioris (MCMIX). Monachii; Lipsiæ; Saur, 2002.
- Pliny 1960: Pliny. Natural History. With an English translation in ten volumes. In ten volumes Libri XII–

- XVI. by H. Rackham, M.A. London–Cambridge, 1960.
- Priscianus 1894: Theodori Prisciani euporiston libri III, cum physicorum fragmento et additamentis Pseudo-Theodoreis. Ed. Valentin Rose. Lipsiae 1894.
- Rajapaksha 1998: Rajapaksha Udaya. Traditional Food Plants in Sri Lanka. Colombo 1998.
- Rohlf 1964: Lexicon graecanicum Italiae Inferioris. Etymologisches Wörterbuch der Unteritalischen Gräzität. 2. Aufl. Tübingen, 1964.
- Rohlf 1983: Nuovo dizionario dialettale della Calabria (con repertorio italo-calabro). Nuova edizione interamente rielaborata ampliata ed aggiornata. Ravenna, 1983.
- Roig 1905: Roig Jacme. *Spill o Libre le les dones* / Ed. B. Chabas. Barcelona, Madrid 1905.
- RSG: Romanische Sprachgeschichte / Histoire linguistique de la Romania / Ed./Hrsgs. Gerhard Ernst, Martin-Dietrich Gießgen, Christian Schmitt, Wolfgang Schweickard. 2. Teilband/Tome 2. Berlin, New York, 2006.
- Santillana: Marqués de Santillana. Poesías completas. I. Edición, estudio y notas de Miguel Angel Pérez Priego. Madrid, 1983.
- Sardesai 2006: Sardesai Madhavi. A Comparative Linguistic and Cultural Study of Lexical influences on Konkani. Thesis submitted to Goa University. 2006.
- Sauerhoff 2003: Friedhelm Sauerhoff. Pflanzennamen im Vergleich: Studien zur Benennungstheorie und Etymologie (Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte). Stuttgart : Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, 2003.
- Scaliger 1607: Ivlii Cæsar Scaligeri exotericarvm ercitationvm Liber XV. De Subtilitatem ad Hieronymvm Cardanvm. Francofvrti, 1607.
- Schmeller 1828: Schmeller Johann Andreas. Bayerisches Wörterbuch. Sammlung von Wörtern und Ausdrücken, die in den lebenden Mundarten sowohl, als in der ältern und ältesten Provincial-Litteratur des Königreichs Bayern, besonders seiner ältern Lande, vorkommen, und in der heutigen allgemein-deutschen Schriftsprache entweder gar nicht, oder nicht in denselben Bedeutungen üblich sind, mit urkundlichen Belegen, nach den Stammsylben etymologisch-alphabetisch geordnet. Buchstaben G, H, J (Cons.), K, Q, L, M. Stuttgart, Tübingen, 1828.
- Scriban: Scriban August. Dicționarul Limbii Românești. Iași, 1939.
- SEJP: Sławski Franciszek. Słownik etymologiczny języka polskiego. I–V. Kraków, 1952–1982.
- Seve 1819: Sève Jacques Eustache de. Nouveau dictionnaire d'histoire naturelle, appliquée aux arts, à l'agriculture, à l'économie rurale et domestique, à la médecine, etc. Tome XXXVI. Paris 1819.
- Schumann 1884: Schumann, K. Beiträge zur Kenntnis der Etymologie und Geschichte der Gewürznelke // Jahrbuch des Königlichen Botanischen Gartens und des Botanischen Museums zu Berlin. 1884. Band III.
- Singh, Singh 1983: Singh R.S., Singh A.N. Impact of historical studies on the nomenclature of medicinal and economic plants with particular reference to clove (lavanga) // Ancient Science of Life 2(4): 227–232.
- SJP: Słownik języka polskiego. I–III. Warszawa, 1988–1989.
- Skok: Skok Petar. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–III. Zagreb, 1971–1973.
- Sloane 1694: Sloane Hans. A description of the pimenta, or Jamaica pepper tree, and of the tree that bears the *Cortex Winteramus* // Philosophical Transactions, Giving Some Account of the Present Undertakings, Studies and Labors of the Ingenious in Many Considerable Parts of the World. For the Year 1693. Vol. XVII. London, 1694.
- Słuszkiewicz 1973: Słuszkiewicz Eugeniusz. Jeszcze raz o pochodzeniu terminu *karafułka* // Poradnik językowy, 1973 wrzesień, zeszyt 7(311), 415–419.
- Snoj 2016: Snoj Marko. Slovenski etimološki slovar. Tretja izdaja. Ljubljana, 2016.
- Spicijarić 2009: Spicijarić Nina. Leksikološka i etimološka obrada romanizama u nazivlju voća, povrća i začina u govoru Omišlja, na otoku Krku // Strani jezici: časopis za unapređenje nastave stranih jezika, 38 (2009), 1; 79–90.
- SP XVI: Słownik polszczyzny XVI wieku – wersja elektroniczna: spxvi.edu.pl.
- SSP: Słownik staropolski / red. S. Urbańczyk i in., t. I–XI. Kraków 1953–2003.
- Stavelot 1861: Chronique de Jean de Stavelot / publié par Ad. Borgnet. Bruxelles, 1861.
- Steingass 1982: Steingass, Francis Joseph. A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London, 1892.
- Strantz 1875: Strantz Minna von. Die Blumen in Sage und Geschichte. Berlin, 1875.
- Stuhlmann 1909: Stuhlmann Franz. Beiträge zur Kulturgeschichte von Ostafrika. Band X. Berlin, 1909.
- Taboada 1805: M. Nuñez de Taboada. Nuevo diccionario francés-español. Madrid, 1805.

- Taboada 1820: M. Nuñez de Taboada. Dictionario frances español y español-frances, mas completo y correcto que todos los que se han publicado hasta ahora, sin exceptuar el de Capmany; aumentado con una grande copia de voces y de nombres propios que no se hallan en la primera edicion, y con las preposiciones que rige cada voz. Segunda edicion. Tomo Primero Paris, 1820.
- TLIO: Tesoro della Lingua Italiana delle Origini — tlio.ovi.cnr.it/TLIO
- Thomas 1978: Thomas George. Middle Low German loanwords in Russian. München, 1978
- Tralles: Alexander von Tralles: Original-Text und Übersetzung nebst einer einleitenden Abhandlung. Ein Beitrag zur Geschichte der Medicin. Hrsgs. und Üb. Th. Puschman. Zwei Bände. Wien, 1878.
- Turner: Turner, R. L. (Ralph Lilley), Sir. A comparative dictionary of Indo-Aryan languages. London 1962-1966. Дополнительные тома: 1969-1985. Сетевая версия: dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas.
- UMTL: University of Madras Tamil Lexicon
dsalrv04.uchicago.edu/dictionaries/tamil-lex
- Veth 1889: Veth Pieter Johannes. Uit Oost en West. Verklaring van eenige uitheemsche woorden. Arnhem, 1889.
- Vidris 1978: Vidris Maurizio. Fonetica del dialetto sardo campidanese. Cagliari, 1978.
- VMNW: Vroegmiddelnederlands woordenboek. Woordenboek van het Nederlands van de dertiende eeuw in hoofdzaak op basis van het Corpus-Gysseling. Bewerkt door W.J.J. Pijnenburg, K.H. van Dalen-Oskam, K.A.C. Depuydt, T.H. Schoonheim. Leiden: Instituut voor Nederlandse Lexicologie, 2000
- Wagner 1997: Max Leopold Wagner. La lingua sarda. Storia, spirito e forma. Nuoro, 1997.
- WDLPSS: Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnischen Schrift- und Standardsprache: diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/wdlp
- Weber I–III: Weber A. Indische Streifen. Eine Sammlung von bisher in Zeitschriften zerstreuten kleineren Abhandlungen. 3 Bänder. Berlin, 1868–1879. [ДОСТАТЬ III Т.]
- William 1807: Vincent William. The commerce and navigation of the ancients in the Indian Ocean. In two Volumes. London, 1807.
- Williams 1973: Williams Edwin B. Do Latim ao Português. 2a edição. Rio-de-Janeiro, 1973.
- Winslow 1862: Winslow Miron. A comprehensive Tamil and English dictionary of high and low Tamil. Madras, 1862.
- Zumbroich 2012: Zumbroich Thomas J. From mouth fresheners to erotic perfumes. The evolving socio-cultural significance of nutmeg, mace and cloves in South Asia // eJournal of Indian Medicine Volume 5 (2012), 37–97